602/98

60 2/98

60 2/98

ОПЫТЪ

169/24

РУССКОЙ ДІАЛЕКТОЛОГІИ.

Проф. А. К. Соболевскаго.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

ВЫПУСКЪ I.

Нарѣчія великорусское и бѣлорусское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій просп., 8.
1897.

По опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета печатать дозволяется. 15 февраля 1897 года.

Деканъ *И. Помяловскій.*

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. № 346024
193 г.

Русская діалектологія имѣетъ много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорятъ подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторіею русскаго языка имѣютъ особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологіею. Интересуются ли они исторіею звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала, все равно,—они могутъ найти въ современныхъ русскихъ народныхъ говорахъ то, что давно исчезло изъ говора образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о прошломъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкаго *и*, которое было (какъ показываютъ памятники) въ древнерусскомъ языкѣ; обращаясь къ народнымъ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся съ этимъ *и* и такимъ образомъ составляемъ себѣ понятіе о качествѣ древняго звука.

3) Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи почерпаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употреблявшихся во всемъ русскомъ языкѣ и нашедшихъ себѣ мѣсто въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашемъ говорѣ, неизвѣстно, но остается въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опредѣлить значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы находимъ слово о л е к ъ: «аже бчелы выдереть, то 3 гривне продаже, а за медъ,—оже будуть бчелы не лажены, то 10 кунъ, будеть ли о л е к ъ, то 5 кунъ». Костромской и шуйскій говоры объясняютъ намъ это слово. Въ нихъ о л е к ъ=починъ сотовъ. Слѣдовательно, Русская Правда противупоставляетъ улью полному меда, не подрѣзанному, «не лаженому»,—улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму. Или, въ Словѣ Даніила Заточника мы читаемъ: «дивья за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово б у я н ъ въ говорахъ значитъ: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести:

хорошо за горою коней пасти (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются въ говорахъ; такъ, слово т ы л ѣ с н ь Русской Правды пока еще ни въ одномъ говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ останется неизвѣстнымъ, если лучшая разработка діалектологіи не дастъ ключа къ ихъ пониманію.

4) Діалектологія имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ вспомогательная наука, при изученіи исторіи. Историкъ безпрестанно сталкивается съ такими вопросами, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ и документахъ, но которые могутъ быть разрѣшены современными говорами. Напримѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣшней Ярославской и Костромской губерній, какого оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ, что-де Поволжье было заселено выходцами изъ новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно ясно отличается отъ говоровъ древней новгородской земли и новгородскихъ колоній (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской и сосѣднихъ съ ними губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье заселилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а составляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ приписывать знакомству съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалектическій матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣстѣ сохраненія чистоты литературнаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, вмѣсто того, чтобы заимствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ,—было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Дѣло въ томъ, что то русское, чего нѣтъ въ нашемъ говорѣ и что есть въ сосѣднемъ, обыкновенно кажется намъ смѣшнымъ или даже достойнымъ насмѣшки. Мы не удерживаемся отъ улыбки, когда герой «Жениха изъ ножевой линіи» (Чернышева) говоритъ х о т и т ё; намъ немножко смѣшно, когда герой «Бѣшеныхъ денегъ» употребляетъ слово ш а б ё р ъ. Что касается до простаго народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своимъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, «дразнитъ», преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: курича на уличѣ яйчо снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: ягунъ, отъ формы родительнаго падежа яго=его, съ *г*, вмѣсто *во*, съ *в*), вообще обнаруживаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача — указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ [1]), а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ. Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными.

---

[1]) Мы до сихъ поръ еще не имѣли спеціалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, проѣздомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами, имъ отлично знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки. Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сыраго матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф. Потебни въ «Филологическихъ Запискахъ» 186. года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 30 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Надеждина въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» 1841 года: «Mundarten der russischen Sprache», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Буслаева 1861 г. и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф. Смирнова 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятые главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи издано (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ» и «Живой Старинѣ»; далѣе, эти матеріалы разсѣяны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ.

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными [1]).

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ Псковской губ.; бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки и Великихъ Лукъ, Псковской губ., но Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области этого нарѣчія. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Значительныя части Ржевскаго и Зубцовскаго и нѣкоторая часть Осташковскаго уѣздовъ (западная часть Тверской губ. [2])

[1]) Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которые могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія еще не перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черезполосны.

[2]) «Жители западной половины Ржевскаго уѣзда извѣстны нынѣ подъ именемъ Тудовлянъ, отъ названія рѣки Молодой Тудъ. Съ ними сходны крестьяне Осташковскаго уѣзда на правомъ берегу Волги и жители селеній по рѣкамъ Итомлѣ (Ржевск. у.) и Кошѣ (Осташк. у.), впадающимъ въ Волгу съ лѣвой стороны. Нѣкоторые относятъ ихъ къ Бѣлоруссамъ. Отличіе ихъ отчасти заключается въ обычаяхъ, отчасти въ словахъ, особенно опредѣляющихъ одежду, обувь, пищу, орудія, мѣстность и разную домашнюю утварь» (Преображенскій, Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 1854, стр. 78).

Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлоруссамъ» (Іос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852).

принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію; сѣверо-западная и южная части Смоленской губ. говорятъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды—по-великорусски [1]). Далѣе граница идетъ по сѣверо-восточной окраинѣ Черниговской губ.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется съ трудомъ. Сѣверо-восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. [2]), съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромѣ юго-западной окраины) [3]) принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ. [4]) и большая часть Земли Войска

---

[1]) «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерніи въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжка Смол. губ. на 1858 г., стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125).

[2]) «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-зап. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Филол. В. 1884 г., № 1, стр. 118.—«Великороссіяне, или, какъ ихъ называютъ здѣсь, Русскіе, слобожане, поселены въ Суражскомъ, Стародубскомъ, Новозыбковскомъ и Городненскомъ уѣздахъ... и составляютъ потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII вѣкѣ раскольниковъ». Календарь Черниговской губерніи на 1887 г., стр. 688.

[3]) «Обитатели (Суджинскаго у.) сіи суть: Малороссіяне—коренные жители, и Русскіе, начавшіе селиться съ 1664 г. (въ числѣ ихъ старообрядцевъ было въ 1826 г. до 1000 человѣкъ муж. и жен. пола). Между простолюдинами, отъ различія жителей въ Судж. у., т. е. Малороссіянъ и Русскихъ, замѣтна немалая разность какъ въ одеждѣ, уборахъ, житьѣ, характерѣ народномъ, тамъ и въ самыхъ нравахъ и обычаяхъ». Московскій Телеграфъ 1826 г., ч. 39, стр. 256, 262, ст. Дмитрюкова. Около $^1/_{10}$ населенія Обоянскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Этногр. Сб., V, ст. «Бытъ крестьянъ Курской губ.», стр. 1).

[4]) «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной—Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ селъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—Малороссовъ нѣтъ» (Пам. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ «жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половину и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр. 15, 1850 г.). «Въ Богучарскомъ у.

Донскаго [1])—также. Въ восточной половинѣ Харьковской губ. (въ Зміевскомъ, Старобѣльскомъ, Волчанскомъ, Харьковскомъ и Купянскомъ уѣздахъ) есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—кубанцы, потомки запорожцевъ,—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской – великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской [2]) и Астраханской) [3]), а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

---

Малоруссовъ болѣе $^2/_3$, Великоруссовъ менѣе $^1/_3$» (Пам. кн. Ворон. г. на 1865—1866 г.).

[1]) «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдицы—настоящіе Великоруссы» «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великоруссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великоруссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малоруссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли.» «Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малоруссовъ и заселили ими округи Міусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малоруссы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близъ Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб. 1853, стр. 23—27).—«Донцы-низовцы, купно съ донецкими... отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и древн. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курмоярской станицѣ», стр. 4).

[2]) «Вы встрѣтите здѣсь пришельцевъ, можетъ быть, изъ 20 губерній: тутъ есть и остатки польской шляхты, поселившейся когда-то въ Мензелинскомъ у. и отчасти въ Бугульминскомъ; есть и Малороссы по солевознымъ трактамъ, Илецкому и Элтонскому, и по рѣкамъ Иргизу и Кинелю; есть переселенцы изъ всѣхъ окружныхъ губерній, особенно изъ Тамбовской, также Куряне, Туляки, Рязанцы и много другихъ... Поселенцы изъ Тульской и Рязанской губ. въ Самарскомъ и Бузулукомъ уѣздахъ, живя среди Чувашей и Мордвы, до сихъ поръ сохраняютъ свои костюмы и нарѣчіе; еще упорнѣе въ этомъ отношеніи Малороссіяне, какъ напр. по Иргизу въ Новоузенскомъ уѣздѣ». Варенцовъ, Сборникъ пѣсенъ Самарскаго края, Спб. 1862, стр. V—VI.

[3]) «Элементъ собственно-великорусскій въ Астрах. уѣздахъ часто перемѣшивается съ малороссійскимъ; есть цѣлыя села въ нашемъ краѣ, почти исключительно заселенныя Малороссами; есть станицы, населенныя одними казаками, переселенными сюда въ разное время изъ другихъ мѣстностей Россіи и Малороссіи, средняго и верхняго Поволжья и изъ другихъ мѣстъ». Сборникъ трудовъ членовъ Петровскаго Общ. изслѣдователей Астрах. края. Астр. 1892, стр. 13.

еще существуютъ въ Вологодской губ.; съ другой стороны—великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ русскомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія,—мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей [1]).

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, с ѣ в е р н о е и ю ж н о е, о́ к а ю щ е е и а́ к а ю щ е е, граница между которыми идетъ сначала внутри Псковской губ. (здѣсь только сѣверо-восточный уголъ, въ Порховскомъ у., окаетъ), потомъ внутри Тверской губ., потомъ внутри Московской (здѣсь по границѣ съ Владимирской губ. уже окаютъ); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; далѣе граница идетъ внутри Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. (въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ.—акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ) [2]).

Пріуралье и Сибирь принадлежатъ окающему поднарѣчію, за исключе-

---

[1]) Это—одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статьею Д а л я при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которою надо пользоваться съ большою осторожностью), да книгою К о л о с о в а: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ отличный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Д а л я (2-ое изд. Спб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областнаго великорусскаго словаря», Спб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

[2]) Должно замѣтить, что опредѣлить точную границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжьѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обоихъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское поселеніе Саратова въ 40-хъ годахъ окало (С а р а т. Г у б. В ѣ д. 1845 г., № 31—32).

ніемъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ переселеній, увеличивается.

Слѣдуетъ замѣтить, что акающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы,—особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ помногу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности акающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежитъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинаетъ замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Ярославской и Владимирской губ.

А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или общерусскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстныя черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g*: *h*алка, *h*орохъ, и неслоговое *ў* вмѣсто *в* и *л*: любо*ў*, да*ў*, пи*ў*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или почти полная твердость *р* въ словахъ въ родѣ бу*р*а (= бу*р*я).

Обще-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое *а* обще-русскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (бр*а*тъ, п*я́*тка), то болѣе узкій (р*а*ть, п*я*ть), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *о*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ каждаго древняго (= орѳографическаго) *а*, *я*.

Ударяемое *е*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (э́тотъ, ше́стъ), то менѣе, съ приближеніемъ къ *и* (плеть, лечь), но вполнѣ отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (= орѳографическаго) *е*, такъ и древняго *ѣ*.

Ударяемое *о* звучитъ открыто, ближе къ *а*, чѣмъ къ *у*; оно слышится

на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е* постоянно въ концѣ словъ (плечó, ещó, твоé) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вёлъ, расплётывать, гребёнка [1]).

Ударяемыя *и* и *ы* вполнѣ ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемые. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=орѳографическихъ) неударяемыхъ *а* и *о* слышится: 1) въ началѣ и въ концѣ словъ всегда и въ серединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *ц* и не шипящихъ) непосредственно передъ удареніемъ—*а*, нѣсколько закрытое, приближающееся къ *о*: *а*ддала́, сло́*а*, ма́сла (имен. и род. ед.), пита*а*ко́къ, ны дваре́, чиста*а*ко́лъ, зыха*а*те́лъ (=пята*а*чокъ, на дворѣ, частоколъ, захотѣлъ); 2) въ серединѣ словъ послѣ *j*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж*, *ш*, *ц*) глухой близкій къ *ы*: *j*иснéть, пи*и*то́къ, чи*и*сы́, жи*и*лéть, шаги́ (=яснѣть, пятокъ, часы, жалѣть, шаги), вы́*и*снить, ску́*ы*ла (=выяснѣть, скушала); 3) въ серединѣ словъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними *j*, мягкій согласный или *ч*, *щ*,—то *и*: *j*ира́во́й, пи*и*тачо́къ, чи*и*сово́й (=яровой, пятачокъ, часовой), если же передъ ними твердый согласный, *ж*, *ш*, *ц*,—то глухой близкій къ *ы*: зы*ы*хате́лъ, сы*ы*рако́фка, шы*ы*пава́лъ (=захотѣлъ, сороковка, шаповалъ).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *е*, *ъ* всегда, кромѣ конца словъ, звучитъ какъ *и*: пи*и*рихо́тъ, пи*и*ро́, ви*и*зу́, *j*ива́ (=переходъ, перо, везу, его); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. из. и повел. н.): на бе́ри*и*, на во́зи, бири́*и* (=на берегъ, на возъ, берите), и 2) какъ открытое *е*, или какъ *а* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: по́ле, мо́ре, или по́ля, мо́ря (=поле, море; часто мы произносимъ имен. поле и род. поля тожественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=орѳографическаго) *ы* звучитъ какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тожественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ дыра́ и ды́рка, сыно́къ и сынъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое *у* не приближается къ *в* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ рѣдко: и́спыдвыль=исподоволь.

Изъ согласныхъ, губныя *б*, *в*, *п*, *ф*, *м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *бить*, *вязнуть*, *пялить*, *сыпъ*, *черфь*, *семь*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Губное *ф* не смѣшивается съ *х* или *хв*.

---

[1]) Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Гортанное *г* произносится передъ гласными какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно *h* (господь, государь, бога, благословить).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: бабушка, бабушку.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: *дядя*, *тётка*.

Группа *щ* звучитъ какъ двойное *ш*: *шшюка* (= *щука*).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *ц* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: *жэчь*, *жокъ*, *шолъ*, *цэпъ* (= *жечь*, *жегъ*, *шелъ*, *цѣпъ*).

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: ви*жжю*, во*жжи*, *шшю*ка, *шшя*дить (= визжу, возжи, щука, щадить). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж*, *ш* звучатъ твердо: *жжэчь*, *шшыть* (= *сжечь*, *сшить*).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *ц* и всегда вполнѣ ясно отличается отъ *ц*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: бу*р*акъ, бу*р*я; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *ў*: па*л*ъ.

Древніе (= ореографическіе) звонкіе (= звучные) согласные *б*, *в*, *г*, *д*, *ж*, *з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (= отзвучные) *п*, *ф*, *к* (*х*), *т*, *ш*, *с*, твердые и мягкіе: бо*г*ъ, обу*в*ь, дру*г*ъ, бо*х*ъ, де*т*ъ, но*ш*ъ, во*з*ъ (=бобъ, обувь, другъ, богъ, дѣдъ, ножъ, возъ).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: ба*п*ка, ла*ф*ка, выра*ф*ство, саса*т*ка, ро*ш*ки, пириво́ска (=бабка и т. д.).

Между ф о р м а м и нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *е́й* и *о́й*: *сей*; агне́*й*, гасте́*й*, дычире́*й*, кане́*й*; *бей*, *пей*; слипо́*й*, бальшо́*й*, мо*й* (отъ мыть), кро*й* (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: бе́*йти*, мо́*йти*, и наст. врем. мо́*ю*, кро́*ю* и т. д.).

Формы мѣстн. ед. муж. и женск. р. и дат. ед. ж. р. съ гортаннымъ согласнымъ: ны паро́*г*е, въ руке́, ны саха́ (=на порогѣ, по сохѣ).

Формы род.-вин. ед. мин*я́*, тиб*я́*, сиб*я́*, дат. *тибе́*, *сибе́* (=тебя, тебѣ...).

Формы род.-вин. ед. прилагательн. и мѣстоименій на *во*, *о́ва*, *ыва*, *ива*: јиво́, слипо́*ва*, до́бр*ыва* (=его, слѣпого, добраго).

Формы род. и вин. ед. женск. р. на *ё*, не на *е*: јиё́, сымаё́ (=ее, самое).

Формы им.-вин. множ. ч. прилагательныхъ и мѣстоименій на *и*, иногда ударяемое: до́бры*и*, бальшы́*и*, маи́ (=мои); но *фсе*, *те*, ане́ (=всѣ, тѣ...).

Формы род. мн. муж. р. именъ сущ. мягкаго склоненія на *е́й*: рубле*й*, граше*й*; послѣ *ц*—на *о́фъ*, *ыфъ* (=евъ): купц*о́фъ*, мѣсиц*ыфъ*; формы род. мн. женск. р. никогда не имѣютъ окончаній *о́фъ*, *ыфъ*.

Формы 3-го л. ед. и мн. на *тъ*: идё*тъ*, иду*тъ* (но е*стъ*, ве*стъ*), съ сохраненіемъ древнихъ шипящихъ: пичо́тъ (=печетъ), *жжё*тъ.

Формы 2 л. ед. и мн., 1 л. мн. изъявит. накл. съ *ё* при ударе́ніи: идёшъ, идёти, идёмъ, при чемъ ф. 1 л. мн. всегда имѣетъ окончаніе *мъ*.

Формы повелит. накл. 1-го л. мн. иде́мъ, иди́ти и т. п.

Формы неопред. накл. на *ть* (рѣдко на *ти́*: и*ти*, ви*сти*).

Формы возвратнаго залога на *са*, *съ*, *ца*: скажу*са*, скажу*сь*, скажут*ца* (=скажуся, скажусь, скажутся).

Подведемъ итогъ. Нашъ говоръ можетъ быть названъ умѣренно акающимъ. Открытыя *а* и *о*, требующія сильнаго движенія губъ, употребляются у насъ лишь подъ ударе́ніемъ; неударяемое *а* (неударяемаго *о* у насъ нѣтъ) произносится нами какъ нѣсколько закрытое *а*, слѣдовательно, съ сравнительно слабымъ движеніемъ губъ, и слышится неособенно часто. За то у насъ въ большомъ употребленіи звуки *и*, *ы* и глухой близкій къ *ы*, произносимые почти безъ двиганья губами. Въ виду этихъ и другихъ особенностей нашъ говоръ можетъ быть причисленъ къ числу легкихъ для рѣчи. Употребляющіе его, начиная съ Ломоносова, находятъ его пріятнымъ для слуха; но обиліе *ы* и глухаго близкаго къ *ы* едва ли можетъ производить на свѣжій и развитой слухъ пріятное впечатлѣніе, и потому, можетъ быть, болѣе правы наши окающіе сѣверяне, которымъ не нравится наша «высокая», какъ они выражаются, рѣчь (мы говоримъ, по ихъ мнѣнію, «свысока»).

Если мы обратимся къ московскому простонародному и подмосковному говору, то увидимъ, что никакихъ звуковыхъ особенностей онъ не имѣетъ. Главное отличіе его отъ нашего говора—въ формахъ и словарномъ матеріалѣ. Московское и подмосковное простонародье употребляетъ всѣ формы и огромное большинство словъ, которыя мы употребляемъ, но сверхъ ихъ, имѣетъ еще рядъ формъ и словъ, которыя намъ хорошо извѣстны, но которыя мы считаемъ вульгарными. Это формы: им.-вин. мн. ма́е (=мои), тва́е, род. мн. рублё*фъ*, бара́нк*ыфъ* (рядомъ: бара́нык*ъ*), дёнъ, сажо́нъ (=дней, сажень), да ке́ихъ поръ, изъяв. н. жгётъ, повелит. н. пало́шь (=положи), пало́шти, ни трошь (=трогай), слышь, наст. времени хошь (=хочешь); это слова: пужа́ть, пуща́ть, жа́литца, убе́чь (=убѣжать), встре́тца (=встрѣтиться), сусе́тъ, уби́вицъ, е́фтотъ, но́нича, тапе́рича, да́вя, ту́тытка, дарма́, во́ (=вотъ), атте́дыва и т. п. Не безъинтересно замѣтить, что часть нынѣшнихъ вульгарныхъ формъ и словъ были въ употребленіи у всѣхъ Москвичей не только XVII в. (напримѣръ, у царя Алексѣя Михайловича), но даже XVIII в.; они встрѣчаются болѣе или менѣе часто въ литературномъ языкѣ писа-

телей XVIII в. Очевидно, наша интеллигенція утратила эти слова не ранѣе конца XVIII вѣка.

Нашъ умѣренно акающій говоръ не обладаетъ значительною территоріею. На сѣверѣ отъ Москвы, гдѣ не слышится оканья, на югѣ, на юго-востокѣ и на западѣ Московской губ. уже появляются особенности говоровъ сильно акающихъ. Говоръ Серпуховскаго и Верейскаго уѣздовъ имѣетъ бо́льшее количество случаевъ употребленія неударяемаго *а*, чѣмъ подмосковный: по́*ля*, мо́*ря* (им.-вин. ед., постоянно); сверхъ того, въ немъ древнее твердое *к* въ концѣ нѣкоторыхъ именъ и нарѣчій, передъ *а* и *у*, замѣняется мягкимъ: Ва́нь*кя*, капе́й*кя*, чій*жо́* (откуда иногда мягкое *т*: Ваньтя); появляются формы род.-вин. мине́, тибе́, сибе́ (рядомъ съ миня́), дат. мине́, табе́, сабе́ (рядомъ съ тибѣ), род.-вин. jіе́ (рядомъ съ jіѣ=ее), 3-го л. идётъ, идутъ, возвратн. залога скажуси, скажысси (рядомъ съ —*са*); мѣстоименіе 3-го лица иногда звучитъ *ёнъ, jина́, jино́*. Говоръ сѣверныхъ частей Рязанской, Тульской и Калужской губ., вѣроятно, ничѣмъ или почти ничѣмъ не отличается отъ говора юга Московской губ. Но далѣе начинаются сильно акающіе говоры.

Сильно акающіе говоры, имѣя нѣкоторыя отличія другъ отъ друга (на которыя мы укажемъ ниже), въ общемъ представляютъ одно цѣлое, занимающее почти всю Калужскую, почти всю Тульскую, почти всю Рязанскую, почти всю Тамбовскую, всю Орловскую, всю Курскую, всю Воронежскую губ. [1]), весь великорусскій югъ, отчасти востокъ и западъ (о нихъ у насъ недостаточно свѣдѣній). Особенности этихъ говоровъ, повторяющіяся въ большинствѣ ихъ,—слѣдующія.

Гласные неударяемые. Мѣсто нашего неударяемаго *а* занято тоже *а*, но болѣе открытымъ, рѣзкимъ, произносимымъ отчетливо, непріятно для нашего слуха. Этотъ послѣдній звукъ слышится также на мѣстѣ нашихъ *и* и глухаго близкаго къ *ы*—послѣ *j*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц*: 1) въ слогѣ передъ ударяемымъ твердымъ слогомъ: пя-то́къ, часы́, шага́ть, цана́, пиряхо́тъ, пяро́, вязу́, а нерѣдко и въ томъ же слогѣ передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: шаги́, па цане́, вязли́, бяри́тя, няве́ста (= везли....), 2) въ слогѣ послѣ ударенія: ску́шала, пе́рятъ (= передъ), те́рямъ, въ те́рями; 3) въ концѣ словъ: по́ля, мо́ря, скаре́я, на во́зя, бяри́тя, ска́ча (= скачетъ), игра́я. Иногда *а* является даже на мѣстѣ древняго неударяемаго *и*: ба́рянъ (= баринъ), видя (видитъ). Вслѣдствіе этого употребленіе неударяемыхъ *и* и глухаго *ы* здѣсь ограничено; эти гласные всего чаще слышатся во 2-мъ слогѣ передъ ударенiемъ: jиравой, питачо́къ, тырапи́ть, зыхате́лъ, и то не всегда (мо-

[1]) Мы говоримъ, конечно, только о великорусскихъ частяхъ.

жетъ быть и *я*равóй, п*я*тачóкъ, з*а*хатéлъ, въ началѣ слова всегда *а* *а*ддалá), но *и* (послѣ *ж, ш, ц—ы*) сравнительно нерѣдко въ слогахъ передъ и послѣ ударенія при слѣдующемъ мягкомъ слогѣ: в*и*зли́, н*и*вéста, ж*ы*лéть, игрá*и*ть, слыш*ы*ть (3 л. ед.), и въ концѣ словъ (особенно послѣ гортанныхъ): на бéряг*и*, въ скаск*и* (сказкѣ).

Неударяемое *у* замѣняется чрезъ *в* и, на оборотъ, является на мѣстѣ *в*: *в*кралъ (= укралъ), *в* атцá (= у—), *у* гóратъ, *у*мéсти, *ув* афсé (= въ овсѣ)

Согласные. Конечные губные (особенно *п* и *ф*) звучатъ твердо: гóлу*п*ъ, любó*ф*ъ, даже се*м*ъ.

Губное *в* передъ *у* можетъ опускаться: карóушка (коровушка).

Гортанное *г* передъ гласными произносится или болѣе часто, чѣмъ у насъ, или даже постоянно какъ *h*.

Гортанное *к* передъ *а* и *у* въ концѣ словъ, при предъидущемъ мягкомъ согласномъ или *j*, звучитъ не твердо, какъ у насъ, а мягко: Вáнь*кя*, капéй*кя*, пáлыч*кя*, тóль*кя* (откуда иногда мягкое *т*: Вань*тя*). При шипящемъ *ш (ж)* сохраняется твердое *к*: бáбуш*ка*, дарóш*ка*.

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи звучатъ твердо: ви*жжу*, во*жжы*, *шш*ука, *шш*адить.

Гласный *у* въ началѣ слова, если предъидущее слово оканчивается на гласный, можетъ имѣть передъ собой *j*: на *ю*лицы.

Между формами въ сильно акающихъ говорахъ распространены формы род.-вин. мин*é*, тиб*é*, дат. м*и*нé, т*а*бé, с*а*бé, род.-вин. jі*é*, я*é* (= её); формы род. ед. женск. р. (особенно съ предлогомъ) не только на *ы*, но и на *é*: изъ ызб*é*, адъ жын*é*; формы род. ед. прилагат. и мѣстоим. не только на *в*ó, ó*в*а, а*в*а, но и на *h*ó, ó*h*а, а*h*а: я*h*ó, ча*h*ó, дóбра*h*а; имен.-вин. мн. ма*é*, тва*é*, чь*é*; 3-го л. ед. и мн. на *ть* и безъ *ть*: идё*ть* или ид*еть*, ид*é*, или ид*é*, или и́д*я*, ви́дя*ть* и ви́д*я* (= видятъ), съ гортанными вмѣсто шипящихъ: пя*к*ёть, пя*к*éть; возвратнаго залога на *си* (рядомъ: *ся*, рѣже *са*): скажу*си*, скажут*си*.

Существительныя средняго рода въ сильно акающихъ говорахъ болѣе или менѣе часто соединяются съ прилагательными и мѣстоименіями женскаго рода: ма*я́* сялó (= мое село).

Мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ: *ёнъ*, *янá*, *янó*.

Остановимся на отдѣльныхъ говорахъ сильно акающаго центра.

О говорахъ Калужской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ с. Воронцова, Тарусскаго у., аканье сильно: с*а*паги́, б*а*рматáть, б*я*рý, н*я*сý, даже: н*я*вéста. Сверхъ того: *г* = g (но: дру*х*ъ, род. мн. но*х*ъ), *у* вм. *в*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, *хв* вм. *ф*: *Хв*éня, *хв*áртукъ, формы род: дóбра*в*а, я*в*ó, я*é*, 3 л. ед. идё*ть*, идё, лю́б*я*, 2 л. мн. ид*é*тя.

Въ говорѣ Калужскаго, Перемышльскаго и Лихвинскаго у. отмѣчено: нясу́, ряка́, питачо́къ и пятачо́къ, ма́хынькихъ, вы бало́ти, ма́лай (им.), то́лькя, капе́ичкю, Ва́ськя (и Ва́сьтя, Перем. у.), уве́сь, усё, у ку́чу, дро́ў (род. мн.), в аднаво́; г произносится очень часто какъ h; вм. ф иногда слышится хв: Мархва, хвунтъ (но иногда звучитъ ясно); двойныя ж и ш тверды; j передъ у: ю насъ (Лихв. у.). Формы род. ед. мине́ и миня́, куль сахе́ (около сохи), дат. табе́, мѣстн. ед. па тей даро́ги (= по той), им. мн. оны́, дат. мн. лашадёмъ, мѣстн. лашадёхъ (Кал. у.), 3 л. скида́ить, гуля́и (= гуляетъ, Лихв. у. [1]).

Мещовскій у.: жани́лися, въ насъ (= у насъ), ва мне́ (= у меня), ва чужихъ варотъ; формы род. ед. тае́ (= тебя), дат. тае́ (= тебѣ), род. у те (= у тебя), чаго́ и маво́ (= моего), дат. мн. сянёмъ, 3 л. ед. (въ пѣснѣ): кого мнѣ любить будити. Мѣстоименіе що [2]).

Козельскій у. повидимому представляетъ (подобно Мещовскому у.) нѣчто особенное въ діалектическомъ отношеніи сравнительно съ восточною частью губерніи; по крайней мѣрѣ, по словамъ жителей восточной части уѣзда, въ Козельскомъ уѣздѣ такъ говорятъ, что «и понять нельзя».

Мосальскій уѣздъ, кажется, не отличается никакими выдающимися особенностями говора: маладёшынька, ня пьёть, бири́тя, свиты́ = цвѣты, вино́къ, бирёза, у вм. в, мягкость к, твердость двойнаго ш, формы род. мине́, 3 л. на ть: иде́ть [3]).

Относительно говора Жиздринскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть мѣна у и в.

Наблюдатель указываетъ, что «въ произношеніи Мосальскаго у. и западной части Жиздринскаго замѣтно вліяніе Бѣлоруссіи» [4]).

Наши свѣдѣнія о говорахъ Тульской губ. также не обширны.

Въ сосѣднемъ съ Московскою губ. Каширскомъ у. (с. Григорьевское) аканье еще слабо: бару́, нису́ (чаще), рядомъ съ бяру́, нясу́ (рѣже); мѣны у и в нѣтъ; мягкое к обычно: чайкю́; двойныя ж и ш часто мягки (не всегда): Хфёдаръ; любо́фъ. Формы: род. мине́, іе́,

---

[1]) Кирѣевскій, Пѣсни, VIII, 47; Аѳанасьевъ, Сказки, III; замѣтка М. Поліевктова.

[2]) Калужскія Губ. Вѣд. 1860 г., № 27—28.

[3]) Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 1, стр. 98.

[4]) Матеріалы для географ. и стат. Россіи (Кал. губ.), стр. 183. Отмѣтимъ кстати мѣстныя названія жителей. Жители западной части Мосальск. у. Калужск. губ. и Брянскаго и Трубчевскаго у. Орловской извѣстны подъ именемъ полѣховъ, а жители вост. ч. Мосальскаго у. наз. поляне (Мат. для геогр. и стат. Р. Кал. губ., 184; Очерки Россіи, Пассека, IV).

тваяво́, чаво́; 3 л. идё*ть* и идё́; съ стяженіемъ гласныхъ: знашъ, мы де́ламъ [1]).

Около Тулы и у мѣщанъ самой Тулы аканье сильно: пято́къ, вязу́, часы́, жана́, ня зна́ю, до́брай, даже: мятёть, бярёза, зялёнай, пади́тя (пойдите), харашо́, тарапи́ть, мяло́й (милый), нячаво́ (ничего); но: бире́чь, ищо́, сича́съ, чиса́ть, ка́минь, чилаве́къ, на во́зи, на бе́риги, тырапи́ть [2]). Конечныя *п* и *ф* мягки: карапь, любо*фь*; *г* = *h* чаще, чѣмъ у насъ, но не постоянно: на биряhу́ (отсюда: бе́ряхъ, удру́хъ, нохъ): *ф* вмѣсто *хв*: *ф*остъ, *ф*о́ростъ; *х*, *хф* вм. *ф*: *х*рунтъ, *Хф*ёдаръ. Формы миня́, тибя́, jiё́, чаво́, до́брава, маво́; 3 л. ед. пьё*ть*, жгё*ть*, пьё, игра́*ить*, игра́*я*, хо́дя; можно указать еще на *а* вмѣсто *ое*: маво́, тваво́ (род.), на ф. сравнительной степ. на *я́я* (иногда): скаря́я [3]).

Село Боровково, Тульскаго у.: сыпаги́, бяру́, бярё́шъ, пирянясу́, даё́тя; мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкаго *к* нѣтъ; *ф* сохраняется; двойныя *ж* и *ш* тверды: пишша́ть (но: *щи*); кро*фь* (= кровь). Формы: род. мине́, тибе́, дат. табе́ и тибе́, род. яво́, маяво́ и маво́; 3 л. ед. идё́*ть* и иде́*ть*, идё́ и иде́, лю́би*ть* и лю́бя, 3 л. мн. лю́бю*ть*, 2 л. ед. идё́шъ и иде́шъ, 2 л. мн. идё́тя и иде́тя, 1 л. мн. идё́мъ и иде́мъ; возвр. з. баю́ся, баю́сь, баи́сьси (2 л.).

Села Слободка и Богучарово, того же уѣзда: сыпаги́ и сапаги́, бяру́, бярё́шъ и бире́шъ, идё́тя, въ агаро́ди; *в* мине́ (= у меня), *у* сваё время; чайкю́, до́чкя, то́лькя (Слоб.) и толька (Богуч.); пишша́ть; Хама́, *хв*унтъ; кро*фь*. Формы: род. ед. мине́, тибе́, дат. мине́, табе́, род. яво́, маво́; 3 л. ед. идё*ть*, лю́би; возвр. з. на *ся* и *сь*.

Въ сосѣднемъ съ Тульскимъ Кропивенскомъ уѣздѣ говоръ почти тотъ же, что въ Тульскомъ. Только формы род. ед. звучатъ чаhо́, до́браhа, ф. 3 л. ед. пьеть (съ *е*, не съ *ё*); другія формы настоящ. вр.: пьешъ, пьемъ, пье́тя; отмѣчено употребленіе ф. дат. мн. въ значеніи твор.: бить нага́мъ. Замѣна *хв* черезъ *ф* здѣсь не отмѣчена [4]).

О говорѣ Новосильскаго у. наши свѣдѣнія скудны. Отмѣчено, рядомъ съ употребленіемъ *я* въ ляпё́шка, зна́я, лю́бя, ви́дя (3 л. ед.) и т. п., частое употребленіе *и*: риби́на, чисо́вня, чипра́къ, ридаво́й. От-

---

[1]) На основаніи сообщенія Н. М. Руднева. Онъ замѣчаетъ, что одна деревня Каширск. у., Хорошово, «поетъ».

[2]) Наблюдатель говоритъ: «въ Тульскомъ уѣздѣ неударяемое *я* почти никогда не переходитъ въ другіе звуки; напротивъ, существуетъ какое-то особенное тяготѣніе къ этому звуку» (Р. Филологич. Вѣстн. 1883 г. № 3, стр. 28). Говоръ тульскихъ мѣщанокъ еще недавно былъ пѣвучимъ. «Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ слышать разговаривающихъ между собою здѣшнихъ женщинъ. Одни слова они повышаютъ и тянутъ, другія понижаютъ и скрадываютъ» (Глаголевъ, Записки р. путешественника, съ 1823 по 1827 г. Спб. 1837, I, 28).

[3]) Р. Фил. В. 1880 г. № 2, 1883 г. № 3.

[4]) Р. Фил. В. 1880 г. №№ 2 и 4, 1883 г. № 3. Наблюдатель характеризуетъ кропивенскій говоръ: «произношеніе словъ бываетъ грубое и рѣзкое».

мѣчены также ф. дат. и мѣстн. съ древними свистящими: на паро́зи, въ кабацѐ, на ве́рси, и ф. *таé*, *саé* (= тебѣ, себѣ) [1]).

О говорѣ Бѣлевскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть замѣна *в* черезъ *у*: *у* Тулѣ [2]); а о говорѣ Чернскаго у.,—что въ немъ формы род. ед. имѣютъ *h*: чаh́о.

Изъ говоровъ Орловской губ. мы имѣемъ немного свѣдѣній о говорахъ Елецкаго, Ливенскаго и Малоархангельскаго уѣздовъ.

О говорѣ Елецкаго у. наши свѣдѣнія скудны. Наблюдатель указываетъ на сильное аканье: бяжа́лъ, Яле́цъ, зна́я, ви́дя (3 л. ед.) [3]), на *у* вм. *в* и на оборотъ: *узя́лъ*, *ув* Яльцу́, *в*шолъ (= ушелъ), *въ* батюшки, на мягкое *к*, твердость двойнаго *ш*, формы 3 л. безъ *ть* (найде́), ф. возвр. з. на *си*. Онъ отмѣчаетъ еще одну «важную» черту—мягкое *л*, «слышимое особенно въ женскомъ говорѣ» и близкое къ фран. *l*: пришла, была [4]).

О говорѣ Ливенскаго у. мы знаемъ менѣе. Въ немъ отмѣчены только *у* вм. *в* и на оборотъ, твердое двойное *ш*, формы 3 л. на *ть* (идёть). Аканье его едва ли принадлежитъ къ числу особенно сильныхъ: жына́ [5]).

Говоръ Малоархангельскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно акающихъ. Въ немъ отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. ед. на *во*: яво́, дат. тибе́, 3 л. ед. иде́ть, спке́ть, 2 л. мн. иде́тя, возвр. з. на *си* (рядомъ съ ф. на *са*) [6]). На мягкость *к* нѣтъ указаній.

Съ говорами Курской губ. мы сравнительно хорошо знакомы.

Говоръ Щигровскаго у. принадлежитъ къ числу очень сильно

---

[1]) Этнограф. Сборникъ, II, 94.

[2]) «Бѣлевское нарѣчіе, удаляясь отъ правильнаго тульскаго, приближается болѣе къ калужскому и отличается особеннымъ употребленіемъ предлоговъ, своемѣстнымъ выговоромъ словъ, незамѣтныхъ въ другихъ областныхъ нарѣчіяхъ. Въ короткомъ и звучномъ произношеніи мужчинъ слышно всегда грубое *о* и рѣдко встрѣчаются мягкіе тоны. Бѣлевецъ въ быстромъ, почти всегда визгливомъ выговорѣ звукъ *в* превращаетъ въ *у* и всегда говоритъ: былъ у Тулѣ. Такъ только говорятъ люди средняго класса. Въ выговорѣ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда замѣтно болѣе пріятности и очень рѣдко можно встрѣтить людей съ городскими тяжелыми словами». Маякъ 1843 г., кн. 16, стр. 56 (смѣсь).

[3]) По его словамъ, во всемъ уѣздѣ выговариваютъ по-московски на *а* и весьма рѣзко.

[4]) Стаховичъ. Исторія, этнографія и статистика Елецкаго у. М. 1858 (то же въ Вѣстн. Имп. Р. Геогр. Общ., ч. 25). Такое же *л* и тоже въ женской рѣчи, говорятъ, слышится въ Казанской губ.

[5]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, 1-е изд., вып. 3-й.

[6]) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» собр. Якушкинымъ и въ «Калѣкахъ» Безсонова.

акающихъ (бярёза, на нявéстя, вúдя, 3 ед., залатýя гривну, вин.). Глухое *ы* въ немъ большая рѣдкость и является иногда лишь во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (тарапúть, залатóй); неударяемое *и* на мѣстѣ древнихъ *я*, *е* употребляется тоже не часто или во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ (пиляна́), или послѣ ударенія (ако́ничкя); *у* и *в* мѣняются; мягкое *к*: чай*кю*; двойныя *ж* и *ш* тверды; конечное *п* твердо: го́лу*пъ*; вмѣсто конечнаго мягкаго *ф*—твердое *в*: кров*ъ* (=кровь); *г* постоянно =*h*; *хв* и *х* постоянно вм. *ф*: *Хв*ёдаръ; формы род. мине́, тибе́; яво́; дат. ми́не́, табе́; род. тые́, адные́ (= той, одной), дат.-мѣстн. тэ́й, адна́й, твор. тэ́ю, адна́ю; мѣстн. ед. муж.-ср. р. на *у*: у дам*ý*, абъ мяшк*ý*, на кан*ю́*, абъ няшча́стью; дат.-мѣстн. ед. ж. р. послѣ гортанныхъ на *и́*: рякú; рядомъ ф. дат.-мѣстн. ед. ж. р. съ древними свистящими: на дарóзя, на ру*цé*; 3 л. ед. нясе́*ть*, нясе́, лю́бя; 3 л. мн. жужжа́, гавар*я́* (но: идуть); при ф. возвр. з. на *си* нерѣдки ф. на *ся* (не *са*) [1]).

Въ Тимскомъ [2]) и Старооскольскомъ [3]) уѣздахъ говоръ тотъ же, что въ Щигровскомъ. Въ Старооокольскомъ отмѣчены ф. род. на *ho*: яго́, и ф. 3 л. иде́*ть*.

Въ Обоянскомъ и Суджинскомъ у. глухое *ы* совсѣмъ неизвѣстно (тарапúть), но *и* на мѣстѣ *я*, *е* очень распространено, такъ что рядомъ съ *с*ястра́, бярёза, ба́бя (дат.)—слышится *с*истра́, *б*ирёза, у по́ли. Другія особенности тѣ же, что въ Щигровскомъ у. Можно отмѣтить только ф. род. на *ho*: яго́, до́брага, *тiе́*, *сiе́* (=тебя, себя), дат. *таé*, *саé* (= тебѣ), дат.-мѣстн. ед. ж. р. бядú, на рякú, а блахú, мѣстн. муж.-ср. р. на *у*: абъ Якав*ý*, при Ива́н*у*, на канц*ý*, при граш*ý*, абъ сян*ý*, (отъ сѣно), ув акн*ý* (рядомъ: на канú, абъ рублú), 3 л. ед. нисе́*ть*, лге*ть* и нисе́, 2 л. нисе́шъ, нисе́тя (съ *е*), 3 л. мн. стаí, спишá (но: нясу*ть*). Сверхъ того, здѣсь слышны ф. дат.-мѣстн. женск. р. на *э́й* (вм. *ой*): тэ́й, адна́й [4]).

О говорѣ Новооскольскаго у. можно сказать, что онъ занимаетъ среднее мѣсто между говоромъ Щигровскаго у. и говоромъ Обоянскаго. Глухое *ы* въ немъ неизвѣстно; *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: начúва́ть, лúта́ть, тúсича. Но формы *тiе́*, *сiе́*, *таé*, *саé* также неизвѣстны (вмѣсто нихъ *тибе́*, *табе́*). Ф. род. имѣютъ оконч. *ho*: яго́, но рядомъ отмѣчена форма

---

[1]) Матеріалы, прекрасно записанные, въ Р. Филол. Вѣстн. 1879 г. и слѣд. Описаніе говора тамъ же, 1879 г. № 2.

[2]) Матеріалы въ Трудахъ Курскаго Губ. Статистич. Комитета, вып. I, Курскъ, 1863.

[3]) Филологич. Зап. 1867 г.

[4]) Матеріалы и описаніе въ Трудахъ Курск. Г. Стат. Ком., вып. I.—Р. Филог. В. 1889 г. № 1; Этнограф. Сб., V. О «саянахъ» (какъ называютъ жителей Об. и Судж. у., отъ дат. *саé*?) см. также ст. Добротворскаго въ Вѣстн. Евр. 1888 г. № 9.

зиляно́ва; ф. 3 л. нисе́ть и нисе́, 2 л. нисе́шъ, 3 л. мн. спишá и идутъ, возвр. з. на *си* и на *ся* [1]).

Говоръ Бѣлгородскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье его очень близко къ аканью предъидущаго говора. Глухаго *ы* почти нѣтъ (только послѣ шипящихъ: жына́); *и* вм. *я*, *е* нерѣдко. Формы род. мине́, тибе́, яво́, свава́, до́брава; ф. дат. тибе́, 3 л. на *ть*, возвр. з. на *сы*: зашытался*ы*, лажылс*ы*. Рядомъ съ этими великорусскими особенностями есть малорусскія: спорадическое неударяемое *о*: молоде́цъ, го́лосомъ; спорадич. *и* вм. *ъ*: гъ жыни́; спорадич. согл. звонкіе вм. глухихъ: доро́жка (рядомъ: пать куто́мъ) [2]).

Говоръ Путивльскаго у. также принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Глухое *ы* неизвѣстно; *и* вм. *я*, *е* сравнительно часто: ризво́й, дивя́тай (рядомъ, чаще: бярёза, вяли́кай). Формы род. на *ho*: яго; ф. род.-дат.-мѣстн. ж. р. на *о́й*: аднэ́й, святэ́й, какэ́й, балышэ́й; ф. дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*: къ жаны, на травы; ф. тв. мн. на *мы*: саньмы, слиза́мы; ф. крыю, мыю. Рядомъ съ великорусскими особенностями мы находимъ въ этомъ говорѣ черты малорусскія и бѣлорусскія. Таковы еще: спорадическое *и* вм. *ъ*: сияли = сѣяли, паглядили; двойныя *л*, *н*, *д* и др. вмѣсто *ль*, *нь*, *дъ*: налли́ю = налью, ву́галля, замире́ння; звонкіе въ концѣ и серединѣ словъ: год*ъ*, грыбковъ, слёзки; *в* вм. *л* въ ф. прошедш. вр.: давъ = далъ; ф. 3 л. *ёсть* = есть [3]).

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Рязанской губ.

Говоръ Зарайскаго у., повидимому, близокъ къ подмосковнымъ. Отмѣчено только: пирино́съ и пиряно́съ, и частое *г* = *g*.

Говоры центра и юга Ряз. г.—уже сильно акающіе, съ мягкимъ *к*: чай*кю́*, твердыми двойными *ж* и *ш*, съ *j* передъ *у* въ началѣ словъ послѣ гласныхъ: на *ю*лицу, съ прилагат. женск. р. при существит. средн. р.: густа́*я* дирявцо́, худа́*я* вядро́; мѣна *у* и *в* въ нихъ сравнительно рѣдка и не повсемѣстна.

Изъ нихъ въ говорѣ Скопинскаго у. отмѣчено: шыли́шъ, жылеть, ле́нтыми (тв.), пиляна́, сирядй́, жани́хъ, вы́пялъ, вытащялъ (=выпилъ, вытащилъ), пода́йтя, въ убо́ри, даже касу́*я* (вин. ед. ж. р.); *г* = *h* (нохъ, де́няхъ, род.); формы род. мине́ и мин*я́*, яво́, свава́, jее́, дат. табе́, мѣстн.

---

[1]) Р. Филол. В. 1884 г. № 2.

[2]) Тамъ же 1882 г. № 1. О «курскомъ нарѣчіи» (такъ авторъ называетъ говоры всей Орловской, Курской и юго-зап. частей Калужской и Тул. губ.) см. интересную ст. Васьянова въ «Очеркахъ Россіи» Вад. Пассека, вып. IV. М. 1840. О немъ же ст. въ Пам. кн. Курск. губ. на 1893 г. Матеріалы на одномъ изъ курскихъ говоровъ въ Р. Фил. В. 1879 г. № 1, на другомъ—въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[3]) Р. Фил. В. 1886 г. № 4.

на *у*: на мо́стик*у*; 3 л. арё*ть* (и безъ *ть*), возвр. з. ко́нчила*съ* и купала*си;* мѣстоименіе (мѣстами) *що* [1]).

Въ одномъ говорѣ Данковскаго у. (дер. Чернышовка): пяро́, жана́, ляте́ли, при чиво́, свича́, вилю́, по́грипъ, въ по́ли, на ахо́тушки; сверхъ того: формы род. чиво́, сваво́, 3 л. на *ть*. Еще: патъ кра́сн*ую* акошичк*у*. Въ другомъ говорѣ того же у. (д. Гремячка): малада́, жана́, рядомъ съ запригу́, лиса́ (=лѣса), спишы́лъ; сверхъ того, мягкое *жд* вм. *жж* въ съиждя́лъ (=съѣжжалъ); формы род. чиво́, 3 л. на *ть* [2]).

Говоръ Раненбургскаго у. имѣетъ глухое *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: тырапи́ть, по́ мырю (также жыле́ть); въ немъ обычно *и* передъ удареніемъ и послѣ ударенія: бирёза, визли́, систра́, ка́минь, ска́зываить, на во́зи, на бе́риги, рядомъ съ сястра́, яво́, чаты́ри, игра́я (3 л.); *г* = *h*; мѣны *у* и *в* нѣтъ; двойное *ж* можетъ быть мягко (вижжю), но двойное *ш* твердо; вмѣсто мягкаго *к* мѣстами—мягкое *т*: Ваньтя; формы род. jié, яé, яво́, до́брыва; 3 л. ед.—придёть и придё (ф. 3 л. мн. безъ *ть* нѣтъ); ф. возвр. з. оканчиваются на *си* и на *ся* [3]).

Говоры заокской части Рязанской губ. принадлежатъ къ числу переходно-смѣшанныхъ и соединяютъ въ себѣ черты акающихъ говоровъ съ чертами говоровъ окающихъ, и, сверхъ того, имѣютъ не мало своихъ собственныхъ своеобразныхъ чертъ.

«При переѣздѣ черезъ Оку (съ юго-востока), говоритъ наблюдатель, мы слышимъ говоръ южно-рязанскій лишь на разстояніи какихъ-нибудь 10—15 верстъ, и то съ легкой примѣсью цоканья». Здѣсь, въ Спасскомъ у., при преобладающемъ *г*=*h*, есть и *г*=*g*. Далѣе, съ д. Деревенское, начинается новая группа говоровъ, занимающая большую часть Спасскаго и Касимовскій уѣздъ. Всѣ они болѣе или менѣе сильно акающіе. Одни изъ нихъ, большая часть, имѣютъ лишь *ц* (твердое) вм. *ч*, другіе (въ углѣ Касим. у. отъ р. Гуся, внизъ по Окѣ, до границы Тамбовской губ.)—взаимную мѣну ясныхъ *ц* и *ч*, третьи (центра Касим. у.) мѣняютъ средніе звуки: *ч* съ свистящимъ оттѣнкомъ и *ц* съ шипящимъ. Обширный районъ около с. Тумы, Касим. у., отличается шепелеватостью своихъ говоровъ; мягкое *с* въ немъ звучитъ съ шипящимъ оттѣнкомъ: де́с^{ш}ить (десять); такъ же, но кажется, рѣже, звучитъ мягкое *з*: з^{ж}има́, з^{ж}ять. Тотъ же районъ и еще нѣкоторыя мѣстности Касим. у. имѣютъ мягкія *д* и *т* (особенно *д*) съ свистящимъ оттѣнкомъ: а*дз*ёжа; а въ одной мѣстности (Парахинская волость на сѣверѣ Касим. у.) мягкое *д* звучитъ

---

[1]) Будде. Къ діалектологіи великорусскихъ нарѣчій. Изслѣдованіе особенностей рязанскаго говора. Варш. 1892 г.—Жив. Стар. 1894 г., I, 288, 290.

[2]) На основаніи сообщенія О. П. Семеновой.

[3]) Пам. книжка Рязанск. губ. на 1868 г., ст. Ермакова; Жив. Старина 1891 г., IV, 1894 г., II, матеріалы О. П. Семеновой.

также съ шипящимъ оттѣнкомъ: *аджёжа*. Наблюдатель отмѣтилъ въ заокской группѣ говоровъ «растянутость рѣчи», которая сообщаетъ ей «какую-то особенную музыкальность». Ему послышались долгіе гласные въ разныхъ частяхъ словъ, но всего чаще въ концѣ ихъ; въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ (Китовская и Парахинская волости и с. Ярыгино Касим. у.) онъ слышалъ даже дифтонги *уо* и *іе*, подъ удареніемъ и безъ ударенія: зим*у́ой*, *у́*оба, прид*уо́*тъ (3 л. мн.), игр*а́юо*тъ (3 л. ед.), дыляк*уо́*; ста́н*іе*мъ, куп*іе*мъ (1 л. мн.), между прочимъ на мѣстѣ древняго *ѣ*: м*іе́*ра, п*іе́*сьня (съ преобладаніемъ то *і*, то *е*). Употребленіе *ў* вм. *в* въ этой группѣ очень распространено, даже между гласными, т. е. не только въ о́*ў*цы (рядомъ съ о́*ф*цы), ку́за*ў* (кузовъ), но и я*ў*о́ (рядомъ съ я*во́*); встрѣчается *ў* даже вм. твердаго *л* въ концѣ словъ. Кромѣ того, твердое *в* нерѣдко замѣняется черезъ *h* и *х*: *h* Масквé (=въ—), *h* вадé (въ—), *х* по́ля, *х* сабо́ри, ло*х*ка (ловко), дé*х*ки (дѣвки), жы*х*ъ (живъ), зубо́*х*ъ (род.), а мягкое *в* черезъ *j*: свякро́*j* (свекровь), любо́*j*и (любови), гало́*j*ки (головки). Наконецъ встрѣчается опущеніе *в* между твердыми гласными, между прочимъ въ формахъ род. п. *цао́* (чего), въ началѣ и въ концѣ словъ. Другія спорадическія черты: *у* вм. *о* безъ ударенія: за нявéст*уй*, самау́цк*уй*; глухое *ы* въ слогѣ передъ удареніемъ: гыстíла, сысва́талъ; *е* вм. *я*: апéть, дéдя, éсли; далѣе: *нн* вм. *дн*: а*нна́*; *мм* вм. *бм*: а*мма́*нъ; *жж* вм. *жд*: *жжя*ли=ждали, *жжы*=жди; двойныя *ж* и *ш* то твердыя, то мягкія: до*шъ* и до*жжё*фъ; *х* и *хв* вм. *ф*: Хéдя; изрѣдка замѣна мягкаго *д* черезъ *j*: па*j*ёмъ, хо*j*атъ, скла*j*ёшъ (Парах. вол.); мѣстами мягкость *к* (Китовск. вол.); мягкость *с* въ суфф. *ск*: атцо́*j*с*ъ*кай.

Формы род. ед. jiё, *тея́*, до́бра*в*а, *цао́* и даже *цо*; 3 л. въ однихъ мѣстахъ (Спасск. у. и югъ Касим. у.) на *ть*, въ другихъ на *тъ* и безъ *тъ*, въ третьихъ рядомъ и на *ть*, и на *тъ*; 1 л. ед. со́*ўе*с*тю*ся, усту*пю́*, с*пю*, возвр. з. иногда на *си*. Формы им. и вин. ед. ж. р. членныхъ прилагат.: изба бальш*а́*, рядомъ съ бальш*а́я*, и т. п. Формы члена сравнительно разнообразны: работу-*ту*, ба́бы-*ти*. Существит. ср. р. могутъ имѣть при себѣ прилагат. женск. р. Мѣстоименіе звучитъ: *што*, *штё*, *шчо*, *щё* [1]).

Говоры восточной чассти Егорьевскаго у., вѣроятно, близки къ говорамъ Спасскаго и Касимовскаго у.; во всякомъ случаѣ, они имѣютъ мѣну *ц* и *ч*.

Мы не богаты свѣдѣніями о говорахъ Тамбовской губ.

Въ сѣверной ея части, въ Кадомскомъ уѣздѣ, слышится (мѣстами?)

---

[1]) Свѣдѣнія объ заокской группѣ говоровъ—въ названномъ выше трудѣ Будде, въ его же соч. «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ», Каз. 1896 (мы могли познакомиться лишь съ началомъ этого соч.), и въ его же «Отчетѣ» (Уч. Зап. Каз. ун. 1895 г., I).

очень сильное аканье: *тарапи́ть*, *чатыря*, *ящо*, *ня* *уви́дя*, *бу́дя* (3 л.), *вме́стя*. Но есть и *и* передъ ударяемымъ мягкимъ слогомъ: *бирё́за*. Кромѣ того, здѣсь отмѣчены мягкость *к*, формы род. *яё́*, *яhо́*, 3 л. *придё́*. Мѣстоименіе *что* звучитъ *що* [1]).

Говоры Шацкаго и Тамбовскаго у. акаютъ слабѣе: *пято́къ*, *пиряхо́тъ*, но *бирё́за*, *нивéста*. Глухой извѣстенъ: *тырапи́ть*. Отмѣчены еще формы род. *миня́*, *іё́*, возвр. з. на *си*. Ф. 3 л., повидимому, оканчиваются на *тъ* [2]).

Одинъ изъ говоровъ Липецкаго у., кажется, тожественъ съ тамбовскимъ. Рядомъ съ *пято́къ*, *биригётя* (2 л. мн.), здѣсь часты глухое *ы* (*тырапи́ть*, *титéрькыю*, твор.) и *и* (*бирёза*, *па прéжниму*). Отмѣчены формы род. *миня́*, *іё́*, 3 л. ед. на *ть* и безъ *ть* (*нисёть* и *ё*=есть), возвр. з. на *си*. Мѣстоименіе звучитъ *що*. Мѣны *у* и *в* и мягкаго *к* повидимому нѣтъ.—Другой говоръ того же у. акаетъ сильнѣе: *бярёза*, *нябéснай*, *áньялъ*, *зло́баю*, *игра́я*, *убéйтя* (рядомъ: *э́нтыва*, род.). Отмѣчены мягкость *к*, твердость двойнаго *ш* и ф. род. *яво́*. Мѣстоименіе звучитъ *що* [3]).

Воронежская губ. занята Великоруссами-переселенцами изъ разныхъ областей вр. нарѣчія. Названія селъ (напримѣръ, въ Воронежскомъ у.: Московское, Коломенское, Можайское, Мосальское, Данковъ) часто показываютъ, откуда вышли ихъ жители. Въ одномъ селѣ иногда живутъ переселенцы изъ разныхъ губерній. Отсюда разнообразіе мелкихъ чертъ въ говорахъ; говорятъ *яhо́*, *каhо́* и *яво́*, *каво́*, *бярё́шъ* и *бярéшъ*, *што* и *що*. Отсюда насмѣшливыя прозванія, данныя жителями Воронежской губ. другъ другу: ягуны́, кагуны́, щекуны́ [4]).

---

[1]) Матеріалы въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

[2]) Матеріалы тамъ же (1-е изд. вып. 2).

[3]) Матеріалы тамъ же (вып. 2).

[4]) «Между Великороссіянами тѣ, которые принадлежатъ къ сословію однодворцевъ, особенно въ сѣверо-западной половинѣ губерніи, носятъ общее названіе талагаевъ или щекуновъ, по произношенію большею частію изъ нихъ *що* вм. *что*; принадлежащіе же къ разряду бывшихъ экономическихъ крестьянъ, наиболѣе поселенные по р. Форостани, въ уѣздахъ Воронежскомъ и Коротоякскомъ, называются цуканами, отъ цуканья, т. е. произношенія нѣкоторыми изъ нихъ буквы *ц* вм. *ч*. Талагаи называютъ себя старожилами и не знаютъ, откуда переселились сюда ихъ предки; у цукановъ, напротивъ, по большей части сохраняются въ памяти разсказы дѣдовъ о томъ, изъ какихъ мѣстъ они вышли; самыя названія многихъ селеній, въ которыхъ живутъ цуканы, ясно указываютъ на мѣста первоначальнаго ихъ жительства; напримѣръ, поселки Московскій, Мосальскій, Можайскій, Коломенскій, Коширскій, Одоевскій, Дорогобужскій, Новоклинскій, Верейскій, Мещовскій, Епифанскій. Замѣтимъ здѣсь кстати, что нѣкоторые экономическіе крестьяне, выселившіеся не изъ подмосковныхъ мѣстъ, не называются ни цуканами, ни талагаями. Точно также не встрѣчается этихъ названій въ юго-восточной половинѣ губерніи». Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. II, Ворон., 1886, стр. 269;—Ворон. Бесѣда, стр. 265.

Сѣверъ Воронежской губ. едва ли отличается отъ юга Тамбовской.

Середина ея, уѣзды Нижнедѣвицкій [1]) и Бобровскій [2]), имѣютъ говоры очень близкіе къ сосѣднимъ говорамъ Курской губ.— щигровскому и старооскольскому. Аканье здѣсь очень сильно: бярёза, ня́льзя́, ня е́здилъ, ве́сялъ, игра́я, пла́ча (3 ед.), бяри́тя, на во́зя, въ астро́гя, на маши́ня, даже жану́ маладу́я. Глухое *ы*—очень рѣдко (тарапи́ть); *и* вмѣсто *я*, *е*—чаще: би́рёза, ни́ве́ста, зна́ишъ, гри́бяшо́къ. Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на об., *г* «вообще» произносимое какъ *h*, мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. мине́, тибе́, 3 л. ед. нясёть и нясё, пяке́, возвр. з. на *си*.

Говоръ мѣщанъ г. Воронежа, какъ многіе великорусскіе городскіе говоры, близокъ къ московскому простонародному. Аканье менѣе сильно, чѣмъ у крестьянъ Воронежскаго у. («послѣ шипящихъ чаще употребляется звукъ *ы*, звукъ же *а* служитъ признакомъ болѣе деревенской рѣчи»): жына́, жыла́ть, рядомъ съ карава́й, на́шаму, ражжава́лъ, пригда́йти, ри́бо́й, бу́дить. Отмѣчены формы: им. ед. на *и* вм. *я*: Ва́ни, ба́рышни, ми́лыи ма́й, ба́бьи схо́тка, род. ед. у рике́, у жыне́, окала талпе́, мѣстн. ед. въ гарьсьте́, фъ часьте́ [3]).

Теперь передъ нами акающіе говоры великорусскаго юга и востока, насколько мы ихъ знаемъ по наличнымъ скуднымъ даннымъ.

Говоръ городка Погара, Черниговской губ., принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Аканье здѣсь очень сильное: бярёза, мастяръ, игра́я, ви́дя, бяри́тя, тарапи́ть, рядомъ съ мыладо́й, го́рыду (дат.); *и* вмѣсто *я*, *е* сравнительно рѣдко (во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ концѣ словъ: у хати). Здѣсь отмѣчены *у* вм. *в* и на оборотъ, формы род. тябе́, яё, яно́, свайно́, дат. сабе́ и сябе́, 3 л. ед. нясе́, сидить (по-малорусски и бѣлорусски), и нѣсколько мало- и бѣлорусскихъ чертъ: звонкіе на мѣстѣ нашихъ глухихъ: разказавъ, *лл*, *нн* вм. *ль*, *нь*: кушанння, *в* вм. *л* (прош. вр. на *въ*): бывъ, жавтокъ=желтокъ, замовкли=замолкли, префиксъ *з* вмѣсто *с*, *из* (зробить), формы им. ед. муж. тэй (звѣрь), 3 л. ёсть, наст. вр. нашыю=нашью, неопр. н. стережти́, распра́шувать. Словарный составъ этого говора имѣетъ въ себѣ много мало- и бѣлорусизмовъ (*што*) [4])

Въ восточной части Новгородсѣверскаго у., Черниг. губ. (близъ границы Орлов. г.), говоръ одинъ изъ самыхъ смѣшанныхъ, однако

[1]) Воронежскій Литературный Сборникъ, изд. П. Гарденинымъ Вып. I. Ворон., 1861.

[2]) Филолог. Зап. 1885 г., ст. Прядкина,=Воронежскій Юбилейный Сборникъ, т. I.

[3]) Пам. кн. Ворон. губ. на 1892 г., вып. II, Ворон. 1892, ст. Дикарева.

[4]) Матеріалы въ «Путевыхъ письмахъ» Якушкина (Основа 1862 г., № 1=Сочиненія Якушкина) и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева. По Потебнѣ, говоръ Погара—великорусскій, переходный къ малорусскому («Замѣтки о малор. нарѣчіи», 3).

болѣе вр., чѣмъ мр. Звуки *е*, *и* часто (не всегда) смягчаютъ предъидущій согласный, при чемъ вмѣсто *е* подъ удареніемъ слышится *ё*: тёплая хата; *ѣ=е*; аканье сильное: *мая́*, *пале́но*, *тяли́ца*, *тябе́* (род.), *тяпе́ръ*, но лишь передъ удареніемъ. А рядомъ много особенностей малорусскихъ: сохраненіе неударяемыхъ гласныхъ послѣ ударенія (а иногда и передъ удар.), сохраненіе звучныхъ согласныхъ (возъ и т. п.), *дж* вм. *ж* (дахаджати), *в* вм. *л* (давъ, вовкъ), *зъ*, *одъ* вм. *съ*, *изъ*, *отъ*; *зъ* ро́ду, *зза* стала́. Сверхъ того, здѣсь *у* вм. *в*, *г=h*, формы род. на *h*о (свайго́), 3 л. ед. на *е* (по-мр.), возвр. з. на *са* (величáтьса), *що*=што. Этотъ «сѣверскій» говоръ слышится, кромѣ вост. части Новгородсѣв. у., еще въ сѣв. части Глуховскаго у. Черн. г., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго у. Орловск. губ. [1]).

Говоръ слободы Трехъизбянской, Харьковской губ., Старобѣльскаго у., близъ границы Екатеринославской губ., принадлежитъ къ числу сильно акающихъ. Главная часть жителей этой слободы — переселенцы XVIII в. изъ Бѣлгородскаго у.; другая часть—переселенцы позднѣйшаго времени изъ Обоянскаго, Валуйскаго и Нижнедѣвицкаго у. Здѣсь говорятъ не только пято́къ, часы́, игра́я, но также: бя́рёза, пятачо́къ, е́здя, ви́дя (3 ед.), тарапи́ть; впрочемъ *и* вм. *я*, *е* нерѣдко: би́рёза, зи́лёнай. Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в*, формы род. мине́, я*h*о́, 3 л. нясе́ть (съ *е*, не *ё*) и нясе́, литя́ть и литя́. У позднѣйшихъ переселенцевъ слышно *каё* и *що*=что [2]).

Говоръ слободы Бахмутовки, того же у., повидимому ничѣмъ не отличается отъ говора слободы Трехъизбянской. Отмѣчено: вязу́, ляч и́ть, вярёвка, харани́ть, рядомъ съ би́да́, би́ре́, 3 л., *игня́ты* (=ягн—), и при бу́де, ко́рме, 3 л., то́лькс; *у* вм. *в*, *г=h* (издро́хъ, прош.), мягкое *к*, иногда *х* и *хв* вм. *ф*, тверд. *ш*; формы род. ед. исъ сало́ме, съ ваде́, я*h*о́ и и*h*о́, ié, мине́, вин. ж. р. адны́е (=одну), род.-мѣстн. адно́й, мѣстн. на како́й старане́, на кано́, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: виде́ть, ду́мае, ко́рме, лю́бя, мн. ч. мало́тя, ляжа́ (при мало́тють), 2 л. ед. виде́шъ, 1 мн. виде́мъ (съ *е*, не *ё*), возвр. з. на *си*: напьёшси. Мѣстоименіе *што*. Въ словарѣ малоруссизмы [3]).

О донскихъ говорахъ мы мало знаемъ. Донцы-верховцы, говоритъ наблюдатель начала нашего столѣтія, «изъ той части Россіи, гдѣ говорятъ яго, чаго и подобныя имъ»; Донцы-низовцы ихъ называютъ чига (что имѣетъ бранное значеніе) [4]).

---

[1]) Р. Филол. В. 1884 г. № 1.

[2]) Этнограф. Сб., III.

[3]) Р. Филологич. Вѣстн. 1893 г., № 3.

[4]) Чтенія Общ. ист. и др. 1863 г. кн. 3.

Другой наблюдатель говоритъ: «Верховые казаки говорятъ нарѣчіемъ твердымъ, близко подходящимъ къ великороссійскому. За исключеніемъ звуковъ, происходящихъ отъ буквы *г*, которые они произносятъ безъ всякаго различія, совершеннаго отсутствія звука *щ*, небольшихъ другихъ мѣстныхъ оттѣнковъ, во всемъ прочемъ произношеніе ихъ мало отличается отъ сосѣднихъ съ ними губерній. Напротивъ того, произношеніе жителей низовыхъ очень мягко и бываетъ иногда, особенно у мужчинъ, до приторности нѣжно. Нарѣчіе это имѣетъ многіе оттѣнки малороссійскіе и греческіе. Не слѣдуетъ однако заключать, чтобы сдѣланное наблюденіе касательно верховыхъ казаковъ не имѣло вовсе исключенія. Въ самыхъ близкихъ къ Черкасску станицахъ замѣтны въ выговорѣ нѣкоторые оттѣнки, которые жители ихъ переняли отъ городовыхъ; также казаки, живущіе по Донцу въ станицахъ, ближайшихъ къ Харьковской и Екатеринославской губ., обнаруживаютъ вліяніе малороссійскаго выговора. Въ станицахъ же по Хопру, Медвѣдицѣ и Бузулуку, а также въ самыхъ верхнихъ по Дону—Казанской и Мигулинской, какъ мѣстахъ, ближайшихъ къ губерніямъ Воронежской, Тамбовской и Саратовской, вліяніе великороссійскаго выговора еще ощутительнѣе, нежели въ прочихъ станицахъ по Дону» [1]).

То же мы должны сказать о вр. говорахъ сѣвернаго Кавказа.

Жители станицы Темижбекской, Кубанской обл., переселенцы изъ Бахмутскаго у. Екатеринославской губ., имѣютъ сильное аканье: пя*то́*къ, н*я*су́, б*я*рё́за, гра́*я*, ви́д*я* (3 л.), ту́*я* ризу (вин. ж. р.), съ употребленіемъ глухаго *ы* во 2-мъ слогѣ передъ уд.: т*ы*рапи́ть, к*ы* рики́, и *и* : *іё́*, *и*шо́ (еще). Здѣсь отмѣчены: *у* вм. *в* и на об., мягкость *к*, твердость двойныхъ *ж* и *ш*, формы род. мин*е́*, тиб*е́*, іё́, *яво́*, св*аво́*, 3 л. на *ть* и безъ *ть*: нясё*ть*, нясё [2]).

Жители Воронежской станицы (очевидно, переселенцы изъ Воронежской губ.) также акаютъ сильно: приди́т*я*, пиш*а* (3 ед.), но : с*ы* милы́мъ.

---

[1]) Донскія Войсков. Вѣдом. 1859 г., № 34. Здѣсь же мы читаемъ: «Трудно найти гдѣ-либо большую разницу въ физическихъ и нравственныхъ свойствахъ, въ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, даже въ нарѣчіи, которая отличала и до сихъ поръ еще отличаетъ верховыхъ казаковъ отъ низовыхъ. Верховые казаки принадлежатъ къ породѣ блондиновъ, по большей части русые и сѣроглазые; настоящихъ же брюнетовъ между ними мало. Низовые казаки—по большей части брюнеты, черноглазые и черноволосые...» Савельевъ, Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ, Спб., 1866 г., стр. 11, говоритъ о Донцахъ-низовцахъ: «ихъ не трудно отличить по говору, въ которомъ малороссійскія слова, подъ вліяніемъ мягкаго рязанскаго говора, получили своеобразный характеръ; да и всѣ другія слова выговариваются здѣсь до приторности мягко». У другихъ Донцовъ, по Савельеву, «рязанскій говоръ».

[2]) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. III, Тифлисъ, 1883.

Отмѣчено: *у* вм. *в*, формы род. *яво́*, 3 л. ед. безъ *ть*, возвр. з. на *си* и *сы* (прашша́лсы). «Въ остальномъ мѣстный языкъ болѣе или менѣе подходитъ къ литературному русскому яз.» [1]).

О жителяхъ Великоруссахъ другихъ мѣстъ Кубанской обл. мы знаемъ лишь то, что они переселились изъ Елецкаго у., изъ Нижнедѣвицкаго у., изъ Курской губ., съ Дону [2]).

У жителей Терской обл. отмѣчены *у* вм. *в* и на об., формы род. съ *в* [3]).

Акающіе говоры сѣвернаго Поволжья—Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. принадлежатъ переселенцамъ изъ разныхъ мѣстъ, вр. центра, занявшимъ свои мѣста въ разное время, начиная съ XVII в., и смѣшавшимся съ переселенцами изъ-за Волги [4]). Отсюда въ ихъ говорахъ не рѣдкость особенности сѣверно-великорусскія, особенно мѣна *ц* и *ч*.

Наши свѣдѣнія о говорѣ Краснослободскаго у. Пензенской губ. ничтожны. Отмѣчено *ы* вм. *а* въ слогѣ передъ удареніемъ: цырёфъ сынъ, цыре́вна, рядомъ съ *си*стра́, *ри*пе́й, сте́лится [5]).

О говорѣ Ардатовскаго у. Нижегородской губ. мы можемъ сказать лишь то, что аканье въ немъ неполное: на дваре́, пара́, сматри́, бяда́ и *би*да́, ба́ить, рядомъ съ *о*: Іого́рій. Глагольныя формы иногда съ *а* вмѣсто *ае*: знашъ, падѣлыватъ. Мягкаго *к* (чай*кю*) нѣтъ, мѣны *у* и *ю* также. Мѣна *ц* и *ч* обычна: но*ць*ю, сабаць́нка, ме́льнича, рытча [6]).

Въ говорѣ Сергачскаго у. той же губ. тѣ же особенности. Глухое *ы* повидимому въ немъ довольно употребительно: мину́*ы*чка; неударяемое *и*—также: *пи*тьсо́ть, *ни*де́ля, *ми*ня́, *ни* до́лга, *лиса́* (рядомъ: *па*дайди́, *ва*нво́ды). Мѣна *ц* и *ч*: тыся*ц*ы, загуляитча. Форма род.-вин. *тіля*=тебя [7]).

Наблюдатель, сообщая свѣдѣнія о селѣ Ульяновкѣ, Лукояновскаго у. Нижегор. г., даетъ понять, что въ этомъ селѣ «языкъ болѣе

---

[1]) Кубанскій Сборникъ, I, Екатеринодаръ, 1883, стр. 664.

[2]) Сборникъ... для опис. Кавк., вып. VI.

[3]) Матеріалы въ Терскомъ Сборникѣ (приложеніе къ «Терскому Календарю» на 1891 г.), вып. I. Владикавказъ, 1890.

[4]) Шестьдесятъ лѣтъ назадъ юго-зап. часть Лукояновскаго у. Нижег. г. состояла изъ двухъ деревень, а въ 1869 г.—изъ 14. Новыя деревни выведены изъ Орловской, Пензенской, Тамбовской, Нижегородской губ., изъ другихъ частей тогоже уѣзда (Нижегор. Сборникъ, II, Н.-Новгородъ, 1869). Переселенцы съ сѣвера были даже въ Тамбовской губ. Такъ, село Ново-Кирилловское, Спасск. у., основано въ XVII в. крестьянами изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго у. (Тамб. Губ. Вѣд. 1887 г. № 27).

[5]) Пенз. Губ. В. 1865 г., № 43.

[6]) Русск. Филол. Вѣстн. 1879 г. № 2, стр. 161—162.

[7]) Тамъ же, стр. 154—155.

правиленъ и болѣе пріятенъ для слуха» [1]), чѣмъ въ другихъ селахъ того же у., слѣдовательно, болѣе близокъ къ подмосковному. Въ немъ отмѣчено: *зимля́*, *дьичо́къ*, *сидло́*, *грида́*, рядомъ съ *чаво́*, *жава́ть*, даже *харашо́*, *чалаве́къ*. Но говоръ другихъ мѣстъ того же у., намъ извѣстныхъ, акаетъ не сильнѣе: *ищо́*, *глижу́*, *сило́*, *христа́ми* (=крестами), *пиризабылъ*, *вы́дити*, *встава́йти*, рядомъ съ *па* *кане́цъ* *стала́*, *астанави́лася*, *яму́*, *зилёнава*, *мало́динькай*, слугу *вѣ́рнаю*, *бу́йнаю* *го́лаву*. Глухое *ы* здѣсь извѣстно: *маладёхынька*. На мягкое *к* нѣтъ указаній (напротивъ: *малодинькай*, *горькая*). Формы род. имѣютъ *в*: *каво*. Замѣна *ч* черезъ *ц* широко распространена: *клюцы́*, *цужо́й*, *ве́цыръ*. Отмѣтимъ еще формы: *сво* *дабро*, *така́* *тривога*, *маво́* [2]).

Одинъ акающій говоръ Курмышскаго у. Симбирской губ. также принадлежитъ къ умѣренно акающимъ: *дифчо́нка*, *трихнёмъ*, *висно́й*, *биру́тъ*, *виза́ть*; но послѣ шипящихъ и *j* вмѣсто *и* въ слогѣ передъ удареніемъ является *а*: *жану́*, *чаво́*, *яво́*, *яму́*. Глухое *ы* нерѣдко: *я́блычкыфъ* (род.), *мо́шкыфъ* (отъ мошка). Стяженіе *ае* въ *а*: *батъ*, *знатъ*, *маму́*, *тваму́*, даже *цалу́тъ* (=цѣлуетъ), *мо́тъ* (=моетъ). Формы род.-вин. *тія́*, *сія́* (=тебя, себя), дат. *тіе́*, *сіе́* (*табе́* и *сабе́* неизвѣстны). Формы 3 л. на *тъ*. Формы имен. мн. *худэ́и*, *прастэ́и*, *друге́и*, род. *худэ́хъ*, дат. *худэ́мъ* и т. д. Мѣны *у* и *в*, *ц* и *ч* здѣсь нѣтъ; мягкаго *к* также. Другой акающій говоръ того же у. (въ 2-хъ верстахъ отъ 1-го) имѣетъ болѣе сильное аканье: *дяла́* и т. п. [3]).

Говоръ Лаишевскаго у. Казанской губ. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. Наблюдатель даетъ намъ о немъ очень немного свѣдѣній, изъ которыхъ видно лишь то, что аканье этого говора умѣренное, съ частымъ употребленіемъ глухаго *ы* и *и*: *сыпаги́*, *о́стрыфъ*, *са́хыру* (даже вмѣсто *у*, во 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: *мыжыки́*, *кылачи́ща*=*мужыки*, *кулачище*). Остатокъ оканья—*о* на мѣстѣ древняго *о* въ слогѣ передъ удареніемъ: *сыпоста́тъ*, *пыстоме́ля*, *сыдомо́йка* [4]).

О говорахъ Чистопольскаго у. той же губ. мы знаемъ очень немного. Одинъ изъ нихъ имѣетъ: *го́ласъ*, къ *няму́*, *лята́ть*, *лу́тча*, *дво́я*, *тре́тяй* (имен.), даже *калати́лса*, рядомъ съ *ищо́*, *бу́дитъ* (=будетъ), на *даро́ги*, на *све́ти*, *вме́сти*, *деникъ* (род.). Въ немъ можно еще отмѣтить: *знашъ*, *знатъ* (=знаетъ), *науча́тъ* [5]).

Объ южно-великорусскихъ говорахъ Саратовской губерніи мы имѣемъ очень мало свѣдѣній. Наблюдатель говоритъ, что одни изъ нихъ—

---

[1]) Этногр. Сборн., I, 35.

[2]) Р. Филол. В. 1879 г. № 2, стр. 155 слѣд. Діалектологическая карта Лукояновскаго у., съ объясненіями Б. М. Ляпунова, въ Жив. Стар. 1894 г., II.

[3]) Archiv für slav. Philol. X, 350.

[4]) Р. Филолог. В. 1884 г. № 4; 1883 г. № 2.

[5]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева.

«акающіе по-московски», а другіе—«акающіе по-рязански»; приведенныя имъ записи пѣсенъ на говорѣ Петровскаго у., «акающемъ по-московски», показываютъ, что этотъ говоръ дѣйствительно неособенно сильно акаетъ: *варата́*, *вясна́*, *яво́*, *пириста́лъ*, *рибина́*, *де́вить*; мѣны *у* и *в* нѣтъ; мягкаго *к* нѣтъ; формы род. *jіё*, *минѧ́*, дат. *сибе́*, 3 л. на *тъ*: *знатъ*, возвр. з. иногда на *си* [1]).

Говоры южнаго Поволжья намъ почти совсѣмъ неизвѣстны. Отмѣчено, что въ Енотаевскомъ у. Астраханской губ. обычны мѣна *у* и *в* и замѣна *ф* черезъ *хв* (*Хвока*) и что мѣстоименіе въ немъ звучитъ *цо* [2]).

Обратимся на сѣверо-западъ. Относительно западныхъ уѣздовъ Московской губ. мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній [3]).

Въ Старицѣ, Тверской губ., по словамъ наблюдателя, «крѣпко звучитъ *а*: *гала́ва*», слѣдовательно—говоръ сильно акающій [4]).

«Нарѣчіе тверское чисто», говоритъ наблюдатель начала нынѣшняго столѣтія; онъ приводитъ: *ана́*, *аднака*, дат. *ма́тушки*.

Нарѣчіе Вышняго Волочка, по словамъ того-же наблюдателя, «совсѣмъ отмѣнное отъ новгородскаго и по выговору на *а* ближе подходитъ къ московскому, имѣя въ отмѣну странные недостатки въ удареніи». Отмѣчено сильное аканье и *и* вм. *ѣ*: *нявѝста*, *лѝта* (им. ед.), *найдѣти* ли вы на *бясѝду* [5]).

Вышневолоцкій говоръ—одинъ изъ переходныхъ говоровъ отъ южновеликорусскаго поднарѣчія къ сѣверно-великорусскому (*ѣ* = *и*). Близокъ къ нему, повидимому, говоръ большей части Осташковскаго у. Наблюдатель не говоритъ объ его аканьѣ, но указываетъ на формы род. на *е́*: *ухе́* и дат.-мѣстн. на *ы*: *травы́*, твор. мн. на *мъ*: *видѣлъ глаза́мъ*, 3 л. безъ *тъ*: *пье*, *спи*, *сиди́*, на дѣеприч. *ушо́тцы* [6]).

Великорусскіе говоры Смоленской губ. — сильно акающіе съ

---

[1]) Соколовъ, Былины, историческія... пѣсни, записанныя въ Сарат. губ., Петровскъ, 1896.

[2]) Матеріалы въ «Ск.» Аѳанасьева (1-е изд., вып. 3-й). Мы имѣемъ еще старыя свѣдѣнія о крестьянахъ Бузулуцкаго у. Самарск. губ., что они «въ нѣкоторыхъ словахъ» произносятъ *дз* вм. *д*, *тц* вм. *ц*: *дзѣти*, *дзѣвка*, *тцебѣ*, *тцерпѣть* (при: *дѣлать*, *богатѣть*). Мы не знаемъ, окаютъ они, или акаютъ (Моск. Телеграфъ 1830 г., ч. 35, стр. 33).

[3]) Матеріалы изъ Можайскаго у. въ «Калѣкахъ» Безсонова.

[4]) «Записка о г. Колязинѣ» въ «Архивѣ» Калачова.

[5]) Русскій дорожникъ для употребленія на пути между столицами. Изд. 2-е, Спб. 1802, стр. 162, 112—113.

[6]) Сѣверный Вѣстникъ 1891 г., № 8, стр. 141—142, ст. Анучина.—Островскій, ѣдучи изъ Торжка въ Осташковъ по глухому тракту, замѣтилъ, что его ямщикъ говоритъ «на какомъ-то едва понятномъ нарѣчіи» (Морск. Сборникъ 1859 г., № 2, стр. 206).

большимъ или меньшимъ количествомъ чертъ свойственныхъ бѣлорусскому нарѣчію.

Въ говорѣ Сычовскаго уѣзда (села Бехтеево и Хотьково, волость Панинская) отмѣчено: малады́хъ, нявѐста, пажалуйтя, рядомъ съ *ы* и *и* въ слогѣ послѣ ударенія: мо́лыдиць, на во́рынымъ ко́ни; *у* и *ў* вм. *в*: узя́лся, Пятро́ў день; двойное *н* вм. *нь*: удивле́нння; формы род. ед. мине́, кавò, мѣстн. у чужыхъ люде́хъ, 3 л. на *ть*.

Въ говорѣ Гжатскаго у. (сс. Скугарево и Вырье) отмѣчено: назави́, маямý, сястри́ца, придýмайтя, при ивó (= его); *у* и *ў* вм. *в*; формы род. чужóва, мѣстн. въ чужóхъ люде́хъ, 3 л. на *ть*.

Говоръ Вяземскаго у. (с. Новоселье)—вполнѣ переходный. Аканье сильно: маладáя, цвятóкъ, дянёкъ, удáрьтя, рядомъ съ жына́, дися́тый, жóлтыва (род.) и при изрѣдка встрѣчающемся глухомъ *ы* въ слогѣ передъ ударенiемъ: стыя́ть. Отмѣчено также *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *е*: пу палти́ни, цулува́тца, падру́жунька. Еще отмѣчено: *у* и особенно *ў* вм. *в*: де́ўка, Миха́йлыўна, гри́ўна, формы им. ед. мило́й, прасто́й, род. ед. рядомъ тако́га и варано́ва, майво́, мине́ и мина́, мѣстн. ва тэй го́ринки, твор. залатэ́ю гриўнаю, им. мн. уси гости, 2 л. иде́шъ, 3 л. на *ть*.

Говоръ Юхновскаго у. (с. Побитое)—также вполнѣ переходный. Отмѣчено: чаво́, ня пью́ть, нявѐста и зимля́, твор. ко́сынькуй, *у* и *ў* вм. *в* и на оборотъ, формы им. ед. данско́й казакъ, род. твайво́, тибе́ и тибя́, я́е, мѣстн. на блю́дичку, 3 л. на *ть*, 2 л. возвр. з. ка́исьтя (= каешься) [1]).

Вотъ наши свѣдѣнія о говорахъ Псковской губ., соединяющихъ въ себѣ черты акающихъ и окающихъ великорусскихъ говоровъ съ чертами бѣлорусскаго нарѣчія.

Говоръ Псковскаго у. принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ, и рядомъ съ аканьемъ, довольно сильнымъ (гаварю́, барада́, кырамыселъ), и *и* вм. *я*, *е* (тиле́га, Питра́ Питро́вича, пикё, ина́=она́, де́лаи, 3 ед.), здѣсь существуетъ оканье (одва́, ошшо́, ёло́вый, ёму́), *у* вмѣсто неударяемаго *о* (курми́лищъ, кунёкъ) и *ц* вм. *ч* и на об. (цашка), а кое-гдѣ и *и* вмѣсто *ѣ* (мни, теби́, ни́ту). Затѣмъ отмѣчены: *в* вм. *у* (въ Ивана, въ залофки), формы род. на *о́ва*, дат.-мѣстн. ж. р. па избы́, формы твор. мн. трёмъ мыламъ вымывалася, зъ гарячимъ слязамъ, 3 л. ед. безъ *ть* (нисе́, пике́, лю́би), возвр. з. на *си* (явилси=явился) [2]).

---

[1]) Матеріалы въ Смоленскомъ Сборникѣ Добровольскаго, ч. II, Спб. 1894.

[2]) Псковской на 1871 г. Статистич. Сборникъ, Псковъ, 1871 (здѣсь на стр. 108: «и въ этомъ уѣздѣ, какъ и во всей Псковской губ., есть много разности въ произношеніи словъ»).—Живая Старина 1891 г., III, стр. 202.—Васильевъ. Опытъ статистич.-географ. словаря Псковскаго у. Псковской губ. Псковъ, 1882 — «Р. нар. пѣсни» Шейна.

Говоры береговъ Псковскаго озера (Псковскаго же у.)—акающіе лишь отчасти. Въ слогахъ передъ удареніемъ въ нихъ сильное аканье (впрочемъ иногда въ слогѣ передъ удареніемъ слышится звукъ близкій къ *о*), а въ слогахъ послѣ ударенія *о* и *е* по большей части сохраняются. Другія черты представляютъ пеструю смѣсь особенностей и акающихъ, и окающихъ говоровъ, а сверхъ того, нѣчто такое, что имѣетъ полное сходство съ данными псковскихъ книгъ XIV—XV вѣковъ.

Въ говорѣ деревень Любовка и Любницы отмѣчено: х*а*ладно́, чала-ве́къ, тяпло́, вц*а*ра́, вязде́, бяри́, рядомъ съ пылажы́ (повел.); *ў* вм. *в* и на оборотъ: *ў* лясу́, *въ* мяня́; *г* = *g*; *ц* вм. *ч* (чаще) и на оборотъ (рѣже); *и* вм. *ъ* въ формахъ мѣстн. п. ед.: фъ катли́, въ ряки́; группа *дн* звучитъ *нн*: винно; двойное *ж* твердо: да*жж*а́. Далѣе: мягкія *д* и *т* всегда съ свистящимъ оттѣнкомъ; спорадически вмѣсто мягкаго *с* слышится *ш*: пе́шня = пѣсня, краши́ва = красива, а вмѣсто *ж* изрѣдка *з*: музи́къ = мужикъ. Формы: род. мяня́, тв. мн. почти всегда на *мъ*, 3-го л. на *тъ* и безъ *тъ*: ед. ткёть, наё, спи, мн. ч. спя. Прилагательныя часто имѣютъ формы им. и вин. ед. съ стяженіемъ гласныхъ: ста́р*а* кака́=старая какая; сравнит. степень скаре́ и скаре́е = скорѣе.

Въ говорѣ сосѣдней (въ двухъ верстахъ) съ предъидущими деревни Колпино въ общемъ тѣ же черты. Отмѣчено: п*а*харо́нъ (род.), вяду́, дызвалю́, рыбата́ть, су́пр*и*тки (супрядки), даже: *у*табью́, *у*тайму́, съ *у* вм. *о* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ, ўсё, вў атца́ (у отца́) дёўошекъ (род.); *г* = *g*, но не мало словъ съ *h*: паро́хъ (им.), бе́хъ (прош.); *и* вм. *ч* (даже *ц*то); изрѣдка *и* вм. *ъ*: насми́шка, особенно въ формахъ мѣстн. ед.: въ руки́, на дварй́; *нн* и *н* вм. *дн*: урянникъ, сты́но. Мягкія *д* и *т* съ болѣе сильнымъ свистящимъ оттѣнкомъ: *дз*верь; спорадическое мягкое *ш* вм. мягкаго *с* и *з* вм. *ж* болѣе часты: пе́шня, *ш*яштра́ (сестра), *ш*е́ни, *ш*ито, нешы́ (повел.), шпа*ш*ибо, в*ш*ю (всю), распутля́*ш*ия (прош.), цуза́ старана́, саза́лъ (прош.), Бозе (зв.); сочетаніе *ай* послѣ ударенія звучитъ *эй*: сва́т*эй* (повел.), также какъ и сочетаніе *ой* въ твор. ед. Формы: им. ед. муж. на *ы* и *и*: бе́нны = бѣдный, род. ко*во*, ма*во́*, мяня́, у *тя*, дат. тябе́, дат.-мѣстн. вады́, травы́, вин. яну́ (ее), тв. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* и съ *тъ*: идё, е́ди, стаи́, хо́ча (ед.), зажгу́ (мн.); глаголъ *буду* имѣемъ вмѣстѣ съ обычными сокращенныя формы: 2 л. ед. бу́гешъ, *бушъ*, 1 мн. *бумъ*. Существительныя ср. р. часто сочетаются съ прилагат. женск. р.

Въ говорѣ Холмскаго у. отмѣчено: *въ* насъ = у насъ, уся́, формы род. тебя́, мово́, молодо́*ва*, дат. Фомы́, тв. мн. алымъ ленточкамъ [2]).

---

[1]) На основаніи замѣтокъ Ж. Р. Монмитонне.

[2]) Плохо записанные матеріалы въ Псковск. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 31, 32, 1894 г., № 26. Вѣроятно, холмскій говоръ акаетъ лишь отчасти.

Въ говорѣ Островскаго у. отмѣчены лишь формы род. ед. на *óва* и 3 л. ед.: сéя, пóйдя, лю́бя [1]).

Говоры южныхъ уѣздовъ той же губ.—также смѣшанные, и сверхъ особенностей сѣверно-великорусскихъ, въ нихъ слышатся еще особенности бѣлорусскія. Аканье здѣсь очень сильно (дабрó, барадá, бярёза, дярéвня, пирилятéлъ, пиряшóлъ, лашадиная сядло); есть мѣна *у* и *в*; мѣстами мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ; *ц* вм. *ч* (*ц*алавéцецкый, *ц*ицавица); *и* вм. *ѣ* (спорадически); твердое двойное *ш*. Изъ формъ отмѣчены: кое-гдѣ имен. ед. муж. р. далгéй, бальшéй; род. мяня́, тябя́, явó; твор. мн.=дат. мн. (на *мъ*); 3 л. ед. почти постоянно безъ *ть* (нисё, лежи́, е, дéлая, пи́ша) [2]).

Одинъ изъ говоровъ юга Псковской губ., говоръ деревень Рунницы и Ярыгино, Великолуцкаго у., таковъ. Онъ сильно акаетъ: гаварю́, сялó, нявéста, при питачóкъ, зимля́, знáишъ, закладáйти (2 л.); глухаго *ы* вм. *о* и *а* въ немъ нѣтъ; повидимому, *о* сохраняется въ 3-мъ слогѣ послѣ ударенія: дóбраво. Другія черты: *г*=*g*; *у* и *ў* вм. *в* и на оборотъ: *у* сялé, крóў (=кровь), ўзя́лъ со смѣшеніемъ падежей: *у* гаспадáхъ=у господъ, *въ* нашихъ дéвушкахъ=у дѣвушекъ); *ў* вм. *л* нѣтъ; *хв* и *х* вм. *ф*; группа *нн* вм. *дн*: ранно́й, аннá, на нню́ (=на дню); мягкія *д* и *т* съ съ свистящимъ оттѣнкомъ; *жж*и́ти=ждите. Формы: им. ед. съ удареніемъ на концѣ на *ой* и на *эй*: бальшэй, безъ ударенія послѣ *к*—на *ій*: ўся́кій; им. ед. ж. и ср. р. не только на *ая*, но и на *аа*: пракля́таа душа, кроў гаря́чаа, маá забава, слáткаа (=сладкое), зи́мняа (=зимнее); род. мавó, этаво, мяня́, у *тый* бабы (=той); дат. тябé, сабé; тв. мн. на *мъ*: слязáмъ; уси́, уси́хъ и т. д. (=всѣхъ); 3 л. всегда на *ть*, въ ед. ч. съ *е*, не *ё*: идéть [3]).

Другой говоръ юга Псковской губ., говоръ погоста Мори́пчелки, Великолуцкаго у. (въ 30 верстахъ отъ В. Лукъ), также сильно акаетъ (паду́шка, агарóтъ, нявéста, бярёза, трóя), причемъ, рядомъ съ *а* изъ *о*, послѣ ударенія встрѣчается и *у*: бярёзуй, судáрышкуй, рáдыстюй (твор. ед.). Въ немъ употребительны глухое *ы* во 2-мъ слогѣ передъ удар. и въ 1-мъ послѣ ударенія: дырагóй, зылатóй, су́дырь, рáдысь, и *и*: диряве́ньщина, вы́мила. Затѣмъ отмѣчены: *у* вм. *в* и на об.: *у* гóрыди, *въ* насъ, *в*знать, *ув*есь; спорадическое *и* вм. *ѣ*: няви́стушка, зди́ся; твердое *ф*: свякрóфъ; *г*=*g*; *ц* и *ч* не смѣшиваются; формы: им. ед. муж. другéй, дурнэ́й, талстэ́й, хренъ горьки, пирокъ слáтки, чи́сти; род. ед. ж. р. не миновать бядé, не отдáмъ дачкé, многа работи; род. минé, тибé, дóбрыва,

---

[1]) Матеріалы въ «Руск. н. пѣсняхъ» Шейна (стр. 126).

[2]) Жив. Ст. 1891 г. III, 203. Кое-какіе матеріалы въ «Руск. н. пѣсняхъ» Шейна.

[3]) На основаніи сообщенія В. Орлова.

е́ты*ва*; дат. *табе́*, *сабе́*; дат.-мѣстн. ж. р. въ изб*ы́*, на гор*ы́*; твор. мн.= дат. мн.: са сваи́*мъ* съ трё*мъ* до́чиря*мъ*; 3 л. на *ть* съ *е*, не *ё*: иде́*ть* [1]).

Б. Сѣверо-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихъ говоровъ—сохраненіе древняго (=орѳографическаго) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключеній, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя: к*а*ра́пь, пар*а*хо́тъ, с*а*лда́тъ, к*а*нво́й, Р*а*се́я. Другія слова съ *а* еще въ древне-русскомъ языкѣ: м*а*настырь.

Другія черты окающихъ говоровъ слѣдующія. Древнее (=орѳографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: б*а*лова́ть, п*а*ха́ть. Разные изслѣдователи говорятъ о спорадическомъ произношеніи окающими, вмѣсто неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнее *о* (вмѣсто котораго мы пишемъ *а*): р*о*бо́та, р*о*ки́та, р*о*вня́ть, п*о*ро́мъ, к*о*рма́нъ, *о*лта́рь, п*о*ла́та, т*о*рока́нъ, *О*ндре́й, *О*лёна, ф. родит. ед. до́бр*о*во; другія—позднѣйшія заимствованія изъ акающихъ говоровъ: л*о*мпа́да, к*о*ре́та, к*о*рти́на, л*о*ке́й, т*о*нцова́ть.

Древнее (=орѳографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучитъ какъ *о* (т. е. *ё*): сёло́, стёкло́, бёдро́, вылёта́ть, чово́, торгу́ётъ, сиди́тё, пойдёмъ-тё; при чемъ слышится рядомъ: дёру́ и дери́, помёрла́ и пом*е*ре́ть.

Древнее неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ перехода его въ *о* не произошло, иногда звучитъ какъ *и*: пом*и*ре́ть.

Древнее (=орѳографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. *ё*), ударяемое и неударяемое, звучитъ не такъ открыто, какъ въ акающихъ говорахъ, а болѣе или менѣе закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тожде-

---

[1]) Жив. Ст. 1891 г., III, 207. Кое-что для знакомства съ великолуцкимъ говоромъ у Семевскаго, Историко-этнограф. замѣтки о Вел. Лукахъ и Великолуцкомъ у., Спб., 1857, и Василева, Опытъ геогр.-статист. словаря Псковск. губ., II, Великолуцкій у. Пск., 1884. Покойный славистъ Прейсъ говоритъ: «къ чистѣйшему бѣлорусскому нарѣчію принадлежитъ псковское нарѣчіе: оно менѣе испещрено заимствованіями изъ польскаго; его отличія, сравнительно съ великорусскимъ, заключаются главнѣйше въ слѣд.: вр. *д*, *т*, *г*, *ло*, *ѣ*, *въ*—пск. *дз*, *ц*, *тц*, *h*, *уо* (*во*), *и*, *у*» (изъ рукописныхъ замѣтокъ, хранящихся у В. И. Ламанскаго).

ственнымъ съ *у* и которое производитъ на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчь съ закрытымъ *о* низкою.

Древнія группы *ае*, *ое* звучатъ часто (но не всегда) какъ *а*, *о*: дѣ́*лать*, игра́*ть*=дѣлаетъ, играетъ, мово́, мому́=*мое*го, *мое*му.

Древніе мягкіе согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): ца́рьской, ца́рьство или ца́рьсво, причемъ обыкновенно звучитъ мягко и *с* суффикса: царьсской.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вмѣсто ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не вездѣ) можетъ имѣть окончаніе *ова*: до́брова, слепо́*ва* (но ёво́, ково́ и т. п.), формы имен.-вин. мн. мое́, твое́, чье́ и т. п.=мои, твои, чьи, ф. род. мн. мое́хъ, твое́хъ и т. п., ф. дат. мн. мое́мъ, твое́мъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на *ой*: до́бро*й*, слепо*й*. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучитъ *ёнъ*, *ёна́*, *ёно́*, множ. ч. оны́, *ёны́*. Формы 2-го лица ед. — даси́ (=дашь), јиси́ (=ѣшь). Формы сравнительной степени часто на *ѣе*: скоря*е* и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающую и 2) группу цокающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его названіе едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (даже около Бѣлаго озера), а цокающіе—на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. [1])

Территорія, занимаемая не цокающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ небольшой части Новгородской губ. (въ Боровицкомъ, Устюженскомъ и Тихвинскомъ уѣздахъ), юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не цокаетъ, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣетъ болѣе или менѣе сплошное цоканье), большей части Ярославской (здѣсь цокаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, лѣсная часть—уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, отчасти Кологривскій—цокаетъ), сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, по сосѣдству съ Владимирской губ., есть селенія цокающія), Симбирской, большей части Казанской, южнаго Пріуралья. Вообще цоканья не слышно въ предѣлахъ древней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ на востокѣ отъ нея (въ среднемъ Поволжьѣ и далѣе), которыя заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

[1]) Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимолетныя, но нерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Новгородской, Олонецкой и Вятской.

Эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ. Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шевыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергіевой Лавры [1]).

---

1. Группа не цокающая. Изъ говоровъ Новгородской губ. въ говорѣ с. Левоче, Боровицкаго у. (на границѣ Устюженскаго у.), «замѣтно твердое произношеніе *о*» (отмѣчено: *у*горо́тъ, св*у*ю́), нерѣдко *ё* изъ неударяемаго *е* передъ твердымъ согласнымъ и въ концѣ словъ: Стёпа́нъ, ноч*о*ва́ть, подру́жынёкъ (род.), дале́ч*о*, ми́лоё, *и* изъ неударяемаго *е* передъ мягкимъ согласнымъ: б*и*се́да, н*и*де́ля, п*и*рево́съ, *и*щó, *і*ю́ (вин.,= ее), *е* изъ неударяемаго *я*: *е*чме́нь, *е*йцó, па́м*е*ть, стяженіе гласныхъ въ дум*а*тъ, *нн* вм. *дн*: ла́*нн*о, *мм*, *вв* вм. *бм*, *бв*: о*мм*а́нъ, о*вв*енчалсе, *и* изъ *ѣ* во вс*и*, вс*и*хъ; предлогъ *къ* обыкновенно звучитъ *х*: *хъ* высоку терему, *хъ* ей, *хо* теплу гнѣзду. Формы род. ед. на ов*а* и ов*о*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на гор*ы́*, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. е́ст*е* и е́ст*я*, возвр. з. на *се*, *си*, *сы*, *цы*: бо́й*се*, го́нят*це*, улыбне́сь*си*, нашо́л*сы*, разъе́дут*цы*, сравнит. ст. добр*е́я* и добр*е́*, съ долгимъ *е*. Формы членныхъ прилагательныхъ: добр*ыи*мъ, добр*ыи*хъ и т. п. Дѣеприч. думавш*е* [2]).

Въ говорѣ д. Еглы, подъ г. Боровичами, отмѣчено: н*и*ви́ста и н*и*ве́ста, 3 л. помн*и*, иде́ (не идё).

Говоръ д. Попова, Устюженскаго у., близокъ къ говору с. Левоче: совеща́ньец*о*, большо́ё, н*и*ве́рно, *и*во́; сверхъ того, отмѣчено: к*у*лы́бнесьси, погле*ди́* (повел.), ви*нн*о=видно, *хъ* намъ, *хо* мне́. Формы: род. пья́нов*о* и ми́лов*а*, 1 л. мн. мы идё*ма*, возвр. з. на *си*, *се*, *сы*: напил*сы*, сравнит. ст. на *ея*: красне́*я*; остатки формъ члена: свою-*ту* волю.

Въ говорѣ д. Чудской Боръ, Новгородскаго у., отмѣчены: *ё* изъ *е* безъ ударенія: се́рц*о*, наста́нётъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: фъ тер*и*му́, повы́ш*ы*, немно́ж*ы*чко, даже вре́м*и*чко, при суда́р*ы*нька, изрѣдка *е* изъ *я*: гл*е*жу́, сусидушки пор*е*до́вныи, *е́*года, и часто *и* изъ *ѣ*: би́лой, кри́пко,

---

[1]) «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣтъ (отвѣчалъ извощикъ), тамъ говорятъ не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалые въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутошніе въ Александровѣ присцокиваютъ... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно цавокала. Вотъ вамъ *ц*аше*ц*ка, говорила она» (Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М. 1850, I, 31—32).

[2]) Близь г. Боровичъ, по Соминскому тракту, есть цокающія селенія.—Должно замѣтить, что въ не цокающихъ селахъ Боров. у. говорятъ: ушот*це* (ушедши).

ри́звость, терпи́ть, мни, сиби́ (себѣ). Сверхъ того: во сувѝти (совѣтѣ), осталяетце (съ *л* вм. *вл*). Формы род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. иногда безъ *тъ*: па́хне, боли́, возвр. з. на *се*, *це*, сравн. ст. на *ія*: темни́я [1]).

Говоръ с. Крючково, Тихвинскаго у., изрѣдка имѣетъ *и* изъ *е* безъ ударенія: нивѝста, тибя́, пойдишь, жыни́ть; очень часто *и* изъ *ѣ*: нитъ, и́халъ, ути́ха; изрѣдка *е* изъ *я*: глежу́. Формы: род. на ово, дат.-мѣстн. ж. р. на *ы*, дат. мн. людьми́ кла́няйси, ко людьмы́, 3 л. ед. безъ *тъ* часто: пла́че, стои́, 3 л. мн. нерѣдко: стоя́, горя́, возвр. з. на *се*, *си* и *сы*. Отмѣчены глагольныя формы стяженныя: погу́ливатъ [2]).

Говоръ д. Малая Будогоща, того же уѣзда, на правомъ берегу р. Пчевжи, и другихъ селеній на этомъ же берегу рѣки, имѣетъ довольно значительное оканье; *ё* изъ *е* слышится часто; *и* изъ *ѣ* постоянно: би́лой, хли́пъ, ди́ло. Формы дат. и род. ед. ж. р. и дат. и тв. мн. смѣшиваются; ф. тыихъ, тыимъ=тѣхъ, тѣмъ; ф. 3-го л. безъ *тъ*: идё, говори́ (ед. ч.), пи́шо, ска́чо, лю́бя (мн.); сверхъ того: *е* и есте́ (есть). Формы члена весьма часты: ба́бы-*те*, бапъ-*тыхъ*, на лаву-*ту* [3]).

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Заборовской и Боровенской волостей) имѣетъ *о* довольно закрытое, *и* вм. *ѣ* (часто): би́лой, поли́но, хли́пъ, сни́къ, копи́ёкъ (род. мн.), на двори́, при: детъ (дѣдъ), стяженіе гласныхъ: гуля́тъ (и гуля́ётъ), мово́ (и моёво́), туча громова́, твердое двойное *ш*, твердое двойное *ж*: дожжа́, формы род. на ово, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*: пье́, блюе́ (съ *е*, не *ё*), *ји* (рядомъ съ ф. на *тъ* и *ть*: пьётъ, јисъ=ѣстъ), говоря́, лю́бя, возвр. з. на *си*: здѝлалси, окрути́лси. Сверхъ того: бёда, вёхорь (=вих-), шись (=шесть), удова́ (и *ов*дова=вдова), ноугоро́цькой, твердыя губныя: цэпъ, цэпи (=цѣпь), любо́фъ, любо́ви, остатки формъ члена: цэну-*ту*, бабы-*те*, дѣеприч. на *е*: бравше, сказавше, ф. 3 л. ед. есте́, есте́ (=есть) [4]).

Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скудныя) о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣнный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *а*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ

[1]) «Говоръ обывателей с. Померанья, Бабина и Чудова (Новгор. у.) отличается аканьемъ, хотя и не рѣзкимъ». Эти селенія—на большомъ московско-петербургскомъ трактѣ, и ихъ аканье—поздняго происхожденія.

[2]) Приведенныя данныя о говорахъ Новгор. г.—изъ матеріаловъ М. А. Синозерскаго и изъ его же ст. въ Живъ. Стар. 1895 г., III—IV.

[3]) Живъ. Стар. 1894 г., I, ст. Перетца. О цокающемъ говорѣ селеній лѣваго берега р. Пчевжи см. ниже.

[4]) На основаніи замѣтокъ В. Н. Перетца.

другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ непривычный слухъ. Такъ, слово голова: въ селеніяхъ Колязинскаго уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—го́ло́ва, съ самымъ крѣпкимъ удареніемъ надъ обоими *о*...; въ Колязинѣ—голова. Буква *е* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большею частію какъ *ё*: еще—ёщё, стекло—стёкло, ведро—вёдро и т. п. Въ концѣ глаголовъ *ё* звучитъ крѣпче: сидитё, ходитё, торгуётъ, гуляётъ, особенно, когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдёмътё, сядёмъ-тё. Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ вашими дѣтьми, снеситё ёво ими, какъ я ратъ ва́ми, съ сыновьямъ, дочерямъ и со фсемъ гостямъ вашимъ [1]).

Сверхъ того, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Васильевскаго, Тверскаго у. (12 верстъ отъ Твери). Онъ не вполнѣ окающій: при *О*вдо́тья, тобя́, доро́жунька, отмѣчено: измяни́ла, цаво́; есть *и* изъ *ъ*: ви́ки, и случаи цоканья; форма род. *ее* (не *её*). «Тонъ рѣчи сопровождается удареніемъ голоса надъ каждымъ словомъ, причемъ гласная, надъ которой бываетъ удареніе, вылетаетъ точно изъ груди» [2]).

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бёда́, пёсо́къ, рёка (=бѣда, пѣсокъ, рѣка). Мы слышали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ послѣдовательную замѣну мягкихъ *г* и *к* черезъ мягкія *д* и *т*: здипъ (сгибъ), ти́нуть, ти́снуть (кинуть, киснуть).

Въ говорѣ Ковровскаго у. *о* звучитъ очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходитъ въ *у*. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено: буя́ре, кувы́ль. Сверхъ того, въ немъ вм. неударяемаго *е* часто слышится *ё* (даже трёми́, твёты́=цвѣты) и изрѣдка *и*, послѣ *ж* и *ш*—*ы* (пла́чытъ, къ ла́пушки, скажытъ), и встрѣчается стяженіе гласныхъ (кланятся=кланяется, свово́, до́бро дѣло, сву сторону=свою); *в* передъ *у* опускается: голо́ушка, де́ушка=головушка, дѣвушка. Изъ формъ замѣчательны ф. род. *тел́, сел́*=тебя, себя, дат. *тее́, сее́*, род. на *ова*, мѣстн. на со́ле, при фсе́мъ наро́де (не: фсёмъ). Отдѣльныя слова (немногія) имѣютъ *ц* вм. *ч*: тысяцца [3]).

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (свово́, до́брова, сва́хынька=свахонька [4]).

[1]) Калачевъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Спб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

[2]) Сборникъ матеріаловъ для статистики Тв. губ. Вып. II. Тв. 1874, стр. 114.

[3]) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

[4]) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, М. 1857, стр. 36 и слѣд.

То же должно сказать о говорѣ Мордвиновской волости, Горохо-вецкаго у. (ф. род. на ова, ф. твор. съ тремя дубинамъ, за закусочкамъ [1]).

Говоръ Вязниковскаго у. также имѣетъ очень закрытое *о* («сильно замѣчается удареніе на *о*», говоритъ наблюдатель). Въ немъ отмѣчено: бизпиречь=безперечь (безпрестанно), батъ=баетъ, моу=моему, формы род. *тея*, дат. *тее*, род. на ова. Этотъ говоръ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣетъ иногда въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: блага=благо, близёшенька, гожа=гоже [2]).

Говоръ села Іудина, Александровскаго у. (близь границы Московской губ., въ 15 верстахъ отъ Сергіевой Лавры), принадлежитъ къ числу переходныхъ. Онъ строго сохраняетъ *о* передъ ударені́емъ и замѣняетъ его черезъ *а* послѣ ударенія; такимъ образомъ въ немъ слышится рядомъ: кобыла, возить, корыто и прокислай, дьяканъ, ступкай, добрава [3]).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» *о*: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканенный звукъ».

Говоръ Ярославскаго у., Ярославской губ., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иваньково съ окрестностями), принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, *о* въ немъ «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *а* или *у*», но въ 2-мъ слогѣ передъ ударені́емъ замѣняется черезъ краткое *а*: харошо́, залото́й, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *у*»: угопри́, укунусъ; ё изъ *е* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *е* безъ ударенія: ишшо́, нихарошо́, сирёда́, бирёжо́къ; нерѣдко *и* вм. *ѣ* при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ: оби́дьня (при обе́дать), отви́тить (при отве́тъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: е́йчко (при опе́ть, опре́сти, горе́чей); обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.): знашъ, знатъ; группы *бм* и *бв* звучатъ какъ *мм* и *вв*: омма́нъ, овви́ньча́ть; двойное *ш* твердо: пушша́й. Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на ово, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ очка́мъ, хъ госьми́, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добрыемъ, добрыехъ и т. д., ф. неопр. накл.

---

[1]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

[2]) Труды Владимирскаго Губ. Стат. Ком., VII, 1868 г. (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голышевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владиміръ, 1865.—Вязниковскій говоръ принадлежитъ къ числу пѣвучихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

[3]) Русск. Фил. В. 1879 г., № 2, 1880 г., № 1.

пекчи, ф. возвр. з. на *са*, сравнит. ст. на *яе*. Форма 3 л. ед. *éстѣ* (=есть). Остатки формъ члена: дорогу-*ту*, бабы-*те* и др. [1]).

Говоръ с. Шульца, Ростовскаго у., имѣетъ частое *ё* изъ *е* безъ ударенія: потёкла́, тёсноё вре́мё, ва́шо благословле́ньё, дава́йтё, *е* изъ *я*: опе́ть, се́ть (сядь), мягкое *к* въ Пе́тинь*кя*, хоро́шинь*кя* (ж. р.), холодне́нь*кё*, твердыя двойныя *жс* и *шш*, группу *мм* изъ *бм*: о́мманъ, стяженіе гласныхъ въ мово́, пе́рву холеру, гуля́ть, формы дат. *тее́*, *тіе́*, тв. мн. на *мъ*, возвр. з. на *са*, сравн. ст. тепля́*я*. Повидимому, обычно *и* изъ неударяемаго *е*; много остатковъ формъ члена (фраза: «въ Ростовѣ-*те* на соборѣ-*те* на кровлѣ-*те* галокъ-*те*, воронъ-*те* видимо-невидимо» [2]).

Цоканья ни въ самомъ Пошехоньѣ, ни въ большей части Пошехонскаго у. не услышишь, говоритъ наблюдатель; его нѣтъ и въ сосѣднихъ съ Пошехонскимъ у. мѣстностяхъ Рыбинскаго, Романо-Борисоглѣбскаго, Даниловскаго и Любимскаго у. Говоры послѣднихъ почти ничѣмъ не отличаются отъ пошехонскаго. Черты пошехонскаго говора: *о* звучитъ «ясно и отчетливо»; *ё* изъ *е* безъ ударенія часто: жона́, лёжы́ть, сруба́ётъ; *и* изъ *е* и *ѣ* безъ ударенія передъ мягкими согласными: *бисе́да*, *свича́*, *отвича́ть* (но беда́, веду́нъ); сверхъ того, *ѣ* безъ ударенія «переходитъ иногда въ *я*», которое звучитъ «неясно», «средне между *я* и *ѣ*»; есть *е* изъ *я*: *е*йцо́, поре́дилась, глежу́ («иногда»); мягкое *к*, какъ въ сильно акающихъ говорахъ: де́вочк*я*, посте́льк*ю*, ми́леньк*ёй*, тройникёфъ (род. мн.); твердыя двойныя *жс* и *шш*; *мм* изъ *бм*: о́*мм*орокъ; отсутствіе *в* передъ *у*: де́ушка. Формы: род. ед. больны*ё* головы, одны*ё*, до́брова, мѣстн. ед. на пече́, на путе́, дат. мн. ходить нога́*мъ*, тв. мн. благодаренъ ва́*ми*; членныя формы: на хозя́йск*ихъ* харча́хъ, ско́лько*ихъ* летъ; ф. 2 л. ед. даси́; ф. возвр. з. на *са* и *ся*, *ца* и *ця* (нѣтъ на *сь*); остатки ф. члена: им. мн. мои́-*те*, мои-*ти* [3]).

Кромѣ этихъ общихъ указаній, у насъ есть нѣсколько данныхъ о говорѣ Дмитровскаго прихода, въ 10 верстахъ отъ г. Пошехонья. Отмѣчено: частое *ё* изъ *е*: кудри русы́*ё*, *и* изъ *ѣ*: поси́яла, стри́ча, зами́тьте, *и* изъ *е* безъ ударенія: *бисёда*, *тибя́*, мягкое *к*: ма́ленько*я*, съ ма́ленько*ёй*, поздёхонько*ё*, послу́шай-*кё*, ф. род. на ова [4]).

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется

---

[1]) Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ — протяжный. Авторъ статьи: «Ярославское разнорѣчіе первой половины XIX в.» (Яросл. Губ. Вѣд. 1893 г., приложеніе къ № 11) указываетъ на «самое грубое и твердое употребленіе буквы *о*» и на формы 3 л. мн. съ древнимъ окончаніемъ *атъ* (не *утъ*): *учатъ*.

[2]) Яросл. Губ. Вѣд. 1868 г., №№ 38—39. Есть указаніе, что ростовскій говоръ—пѣвучій.

[3]) Жив. Стар. 1893 г., IV, ст. Балова. По словамъ этого наблюдателя, цоканье въ Пошех. у. лишь на границѣ съ Волог. губ., по р. Югу (гдѣ птича, *що*).

[4]) Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 гг.

ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор.: онъ пошолъ за свѣчамъ, съ вамъ [1]); что въ селѣ Давыдковѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ъ*: *свитѝть*, *свѝтить* [2]); что въ Даниловскомъ у. (Петропавловская волость) *о* звучитъ закрыто и *я* можетъ переходить въ *е*: *взе́ли*; что въ Рыбинскомъ у. *о* звучитъ «типично», есть *и* вм. *ъ*: *увѝчье* (послѣ *ц*—*ы*: *проц*ѝ*жываю*) и твердое двойное *ш*: *ро*шш*ытаю* [3]).

Объ не цокающихъ говорахъ Костромской губ. мы имѣемъ мало свѣдѣній.

Въ говорѣ г. Плёса и сосѣднихъ съ нимъ деревень, Нерехтинскаго у., *о* звучитъ «не слишкомъ узко и рѣзко для уха, но довольно отчетливо»; лишь изрѣдка оно звучитъ ниже и ближе къ *у*: *Уликсе́й* (Алексѣй); *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: *сёстра*, *будётъ*, *такжо*, даже *пёску́*, *свѣтло́*, *рёка*; *и* изъ *е* безъ ударенія «иногда» звучитъ очень близко къ *и*: 2 л. мн. *бирите́* (а иногда *е* сохраняется: *слете́ло*); *е* изъ *я* только въ *опе́ть*, *е́ицы*, *и* изъ *ъ* только въ *суси́ть* (сосѣдъ), двойныя шипящія тверды, мягкое *к* лишь въ *то́лькѣ*, *ско́лькѣ*, *с* изъ *ш* (*ч*) только въ молосной; стяженіе гласныхъ въ глагольныхъ формахъ обычно: *ду́машъ*, *ду́мамъ* (есть и *думаёшъ*), но лишь въ тѣхъ, которыя имѣютъ *а* не ударяемое; въ прочихъ слышится группа *а́э* (съ очень краткимъ *э*), или даже дифтонгъ *аэ*: *зна́эшъ*: стяженіе гласныхъ въ падежныхъ формахъ также обычно: *мово́*, *хорошо́ жыто*, *Спа́ско сёло*, *изря́дну куфарку* наняли. Формы дат.-мѣстн. ед. *до́чере*, *ло́шаде*, *Каза́не*, твор. мн. постоянно на *мъ*, 3 л. ед. *есте* и *есте*, возвр. з. на *са*, неопр. *лекчи́*, *секчи́*, *бережчи́са*. Остатки формъ члена: *трава́-та*, *ма́сло-то*, *де́ти-те*, *соло́му-ту*, по *зако́ну-ту*, прудовъ-*ту*, мужыка́мъ-*ту* и т. п.

Въ говорѣ селеній по рѣкѣ Письмѣ, Буинскаго у. (сѣверо-западная часть губерніи), *о* звучитъ «открыто и ясно» (но *упя́ть* и *тупе́рь*), *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: *знаёмъ*, *будётъ*, *нянёкъ* (род.), *по́лё*, *до́броё*, *уви́дитё*, *да́й-жо*, *и* изъ *е* безъ ударенія рѣдко: *бу́дитё*, *ошыба́итёсь*, *миня́*, *тибя́*, *ишшо́* (и *ешшо́*=еще), а подъ удареніемъ въ нѣсколькихъ словахъ: *ли́беть* (лебедь), *двирь*, *штиль* (щель), *е* изъ *я* безъ ударенія: *едро́*, *пета́къ*, *и* изъ *ъ* передъ мягкими согласными: *неди́ля*, *линь*, *ричь* (но *хлепъ*, *две́* и т. п.), мягкое *к*: *Ва́нькя*, *Ванькю*, *Ванькёй* (тв.), *ку́рочкя*, *то́лькё* (но *Сашка* и т. п. съ *ш* передъ *к*), болѣе мягкое, чѣмъ у насъ *ч*, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *с* изъ *ш* (*ч*) въ молосной, *мм* изъ *бм*: *оммакну́ть*. Формы род. на *ова*, у *тя*, дат.-мѣстн. ед. *лошаде́*, *до́чере*, *пече́*, тв. мн. всегда на *мъ*, дат. мн. изрѣдка на *ми*: *гъ до́брыми людь-*

[1]) Москвитянинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.

[2]) Ярославскій Литерат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.

[3]) Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г., № 44.

мí, неопр. н. пекчí и т. п., возвр. з. на *са*. Остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*. Въ небольшомъ числѣ словъ аканье: *на*чёва́ть, дья́*ка*нъ и т. п. [1]).

По Колосову, въ Костромской губ. *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородскаго и случаи *и* вмѣсто *ѣ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, въ ней употребляютъ формы твор. ед. и дат. мн. до́бры*е*мъ и ф. неопред. накл. сежчи́ и т. п. Въ самой Костромѣ слышно сильное оканье, и даже ученики гимназіи говорятъ на распѣвъ, протягивая конецъ фразы.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ. [2]) мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; *о* въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ: де́*ла*тъ, де́*ла*шъ, мово́. Другія его особенности принадлежатъ или цокающимъ говорамъ (*и* вм. *ѣ*, вѣроятно, изрѣдка: пи́сни), или акающимъ (хо́лодна, жа́рка, ве́лена, гаварю́, перитаска́шъ, цырко́вникъ, сва́хынька). Послѣднія являются едва ли не спорадически; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны *о* черезъ *а* [3]).

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣетъ иногда (передъ *н*) *с* вм. *ш*: яи́сница, и употребляетъ ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ нам*ъ*, съ я́блока*мъ*, къ на́*ми*, шью детьмí рубашки [4]).

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое *ё* изъ *е*: ёво́, ёму́, зелёно́ вино, сёло́, жона́, свида́ньицо, даже трёмя́, дёва́ть; твердыя двойныя *ш* и *ж*: пу*шшу́*, и*шшо́*, е*жжа́*ль; стяженіе гласныхъ: седла́ть (при узна*е*тъ), мово́, сво востро́ копьё; формы род.-вин. у *тя*, на *тя*, *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*, возвр. з. на *са*: ударим*са*. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-*жа*, поднеси́-*жа*, дво́*ра*-тъ, ча́рычка, сва́хынька, дали́ко́ [5]).

Говоръ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: коня-тъ [6]). Говоръ Васильскаго уѣзда, повиди-

[1]) Жив. Стар. 1895 г., III—IV.—Извѣстія отд. р. яз. и словесн. Ак. Н. 1896 г., II.

[2]) Жители береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смѣются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчане-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками - Нижегородцами... Вятчане цавокаютъ. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II, 222.

[3]) Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Терещенка).

[4]) Нижегородскій Сборникъ, III (Н. Новг. 1870), стр. 153.

[5]) Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад. Н. I). Здѣсь мы находимъ странное примѣчаніе: «*о* безъ ударенія въ выговорѣ удерживаетъ звукъ *а*». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (бать=баетъ, дат. тее́, сее́) въ Нижегор. Сб., V, 174, 197.

[6]) Нижегородскій Сборникъ, V (1875), стр. 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣетъ *ч* вм. *и*).

мому, богатъ случаями аканья: мно́*га*, то́лька, посто́й-*жа*, дво́*я*, сверхъ того, *би*рего́фъ, *би*спри*ме́*нна, вы́*ни*сти, ли́*сы*нька (при чово́, топе́рь и т. п.). Другія особенности: ф. 3 л. ед. *ба*тъ, спра́шив*а*тъ, 2 л. мн. хва́ст*а*ти, двойное твердое *ш*: выта*шшы*лъ, ф. род. *тея́*, дат. *тее́*, ф. дат. къ чувашс*кей* деревни [1]).

Объ не цокающихъ говорахъ Казанской губ. у насъ мало свѣдѣній, да и тѣ отрывочны. Повидимому, большая часть ихъ—переходные. Во всякомъ случаѣ рядомъ съ оканьемъ (въ началѣ словъ вмѣсто *о* звукъ болѣе или менѣе близкій къ *у*: *у*ддала́) въ нихъ существуетъ слабое аканье («*о* совершенно открытое, близкое къ *а*» въ концѣ словъ: ма́*ла*, ма́сл*а*, да́*жа*, или «звукъ болѣе близкій то къ *о*, то къ *а*, то къ глухому *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ: г*ы*вори́ть). Случаи *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія рядомъ: сёло́, вёсна́, чово́ и прив*и*сти́, н*и*льзя́, ж*ы*ниха́, даже с*и*стра́; есть также какъ бы *а* изъ неударяемаго *е*: ж*а*ни́хъ, ц*а*на́, ч*а*хо́лъ, ч*а*ты́ри, зил*я*но́. Ударяемое *ѣ*=*е*. Стяженіе гласныхъ: де́*ла*шъ, уме́шъ, копе́къ, хоз*я́*фъ, так*а́* печь, так*у́* пуговицу, шырьстян*ы́* сарафаны. Двойное *ш* то твердое, то мягкое; двойное *ж* твердое. Формы: фъ т*е*мъ году, въ друге́мъ ме́ст*и*, съ каке́мъ-то, друге́хъ, каке́хъ, род. *коо́* рядомъ съ *ково́* и т. п.; остатки формъ члена: зубы-*те* бо́льна, жары-*те* нетъ, хле́ба-*те* мало, крова́тку-*ту*.

Въ говорѣ сс. Сунгурово и Уланово, Казанскаго у., отмѣчено *ў* вм. *в*: *ў*сё, воро́*ў*ка, *ў* одно́й.

Въ говорѣ с. Сунгурово, Каз. у., и нѣкоторыхъ мѣстностей Чебоксарскаго у. отмѣчены мягкія *д* и *т* съ слабымъ свистящимъ оттѣнкомъ: хо́*д*зитъ, пя*ць* и т. п.

Въ говорѣ д. Брёхово, Лаишевскаго у., отмѣчена нерѣдкая въ среднемъ Поволжьѣ замѣна *з* и *с* черезъ *ж* и *ш*: в*ж*ялъ, пи*ша́*лъ, мя́*шо* [2]).

Въ говорѣ с. Бѣловолжскаго, Чебоксарскаго у., отмѣчено: гуля́ньиц*а*, горева́ньиц*а*, вдо́в*ы*нька, ре́ч*и*нька, крыле́*ц*ко [3]).

Одинъ изъ говоровъ Казанскаго у., говоръ д. Бѣлая, верстахъ въ 30 отъ Казани, намъ болѣе извѣстенъ. Онъ умѣренно окающій. Отмѣчено: открытое *о* въ слогѣ передъ удареніемъ; глухое *ы* въ 2-мъ слогѣ передъ удареніемъ и послѣ ударенія: г*ы*вори́ть, тра́в*ы*нька; также *и* вм. неударяемаго *е*; конечное *а* вм. неударяемаго *о*; ударяемое *ѣ*=*е*; стяженіе гласныхъ (хва́ст*ы*шъ, 2 л.); двойныя твердыя *ж* и *ш*; наконецъ, въ говорѣ по преимуществу женщинъ и дѣтей, замѣна *з* и *с* (почти исключительно твердыхъ) черезъ *ж* и *ш*: *ж*на́ю, *ш*то́й, *ш*ка*ж*а́лъ. Сверхъ того, отдѣльные случаи чаканья: *ч*ерква, *ч*ветъ [4]).

---

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1894 г., № 3, ст. Будде.

[3]) Магницкій, Пѣсни крестьянъ с. Бѣловолжскаго, Чебокс. у. Каз. 1877.

[4]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 5—6, ст. Богородицкаго.

Въ одномъ изъ говоровъ Чистопольскаго у. (сѣверной его части: Кушниково, Старошешминскъ и др.) отмѣчено: *а* въ жала́ть, *т* изъ мягкаго *к*: *ти*пе́ть, *ти́*нуть, твердыя двойныя *ж* и *ш*, *с* изъ *ц* въ сара́пать, стяженіе гласныхъ въ ду́*а*шъ, уме́*ш*ъ, копе́къ, даже вы́*р*амъ (1 л. мн.=выр*оем*ъ); формы мѣстн. ед. на лошад*е́*, фъ грязе́, во фсе́мъ поли, неопр. бегчи́; формы дат. и тв. мн.—какъ у насъ [1]).

Окающіе говоры Симбирской губ. также принадлежатъ къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ Курмышскаго у. (къ сѣверу отъ р. Цьяны) *о* послѣ ударенія замѣняется звукомъ, приближающимся къ *а*: ла́дн*а*, роди́м*а*й. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: вёзу́, ёво́, тёса́ть, даже: слёпо́й, бёда́. Формы род. *тел́*, дат. *теé* [2]).

Въ говорѣ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ *о* послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: ма́л*а*, мнучо́н*а*къ, кре́пк*а*й, ка́къ *жа* (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: фч*а*ра́, жан*а́*), въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: вёзу́, чово́, жона́ (даже: дёнёкъ, Олёксе́й). Стяженіе гласныхъ обычно: гуля́тъ, знатъ, бат*ъ* (рядомъ: гуля́итъ), Мику́л*а́*фъ (=Николаевъ), хозя́ва, хозя́фъ (=хозяева), мово́, копе́къ, скоре́, Ондре́вичъ, Горде́ѳъ (=Гордеевъ), бога́т*ы* (=богатыи). Форма дат. *тіе́*. Остатки формъ члена: бога́ты-*те*, на концэ́-*те*, поля́-*та* [3]).

Въ говорѣ Сенгилеевскаго у. отмѣчено: дайте-ко, берёзынька, стря́пынька, ф. род. широков*а* [4]).

Матеріалы (пѣсни) изъ приволжскихъ деревень Симбирской губ. представляютъ слѣд. данныя: су́женой (им.), сва́хынька, шу́бынька, ко берёзыньки, ф. род. дорого́в*а*, мѣстн. на желты́мъ пескѣ [5]).

Сверхъ того, мы имѣемъ свѣдѣнія, что въ разныхъ мѣстахъ Симбирской губ. твердыя *з* и *с* болѣе или менѣе часто замѣняются черезъ *ж* и *ш*: *ж*на́ю, *ш*тою.

Говоръ г. Ставрополя и с. Морквашей, Самарской губ., окающій. Отмѣчено: сёло́, ёво́, знатъ. Нѣкоторыя женщины замѣняютъ *з* и *с* (особенно *з*) черезъ *ж* и *ш*: *ж*наю.

Объ окающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что въ немъ оканье слабо. Типичною чертою «ураль-

[1]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

[2]) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

[3]) Мотовиловъ, Симбирская молвь. Спб. 1888.

[4]) Матеріалы для исторіи и статистики Симб. губ., вып. IV, Симб. 1867, стр. 64—67.

[5]) Симбирскій Сборникъ, т. II.

скаго жаргона» считаются *ж* и *ш* вм. *з* и *с*: *шохрани́*, *шкажа́ть*, *шича́съ*, *шъ штепе* (съ степи) [1]). Въ уральскихъ пѣсняхъ мы находимъ формы прош. вр. выпад*ашлъ*, выѣзж*ашлъ*, собир*ашлся* [2]).

Наконецъ вотъ нѣсколько данныхъ изъ не цокающаго говора С.-Петербургской губ., Ново-Ладожскаго у., по рѣкѣ Сяси: *и* изъ *ѣ*: *лисъ*, *ври́мё*, *визди́*, *цы́лой*, *е* изъ неударяемаго *и* въ *визди́*, *ешшо̀*, *е* изъ *я* въ *е́шшыкъ* (ящикъ), твердое двойное *ш*, стяженіе гласныхъ: *знашъ*, *кака́* баба; формы: дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. *есте*, *е*, 2 л. мн. *пье́те* (съ *е*); сравн. ст. *бо́ля* [3]).

---

2. Группа цокающая состоитъ изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и нѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *ц* и *ч*, т. е. употребленіе *ц* вм. *ч* (цоканье): *цортъ*, *цоловёкъ*, рядомъ съ употребленіемъ *ч* вм. *ц* (чаканьемъ): *чарь*, *черква*. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *ц* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *ц* вм. *ч*.

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ѣ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: *сви́чка*, *пи́сня*, замѣною *а* послѣ *j* и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными: *гресь* (=грязь), *опе́ть*, а иногда и употребленіемъ формъ род. ед. на *ы* вм. ф. дат.-мѣстн.: *жони́*, *по избы́*, и формъ дат. мн. вм. ф. твор. и (иногда) на оборотъ: *ходитъ ногамъ*, *съ вамъ*, *къ вами*; сверхъ того, формы 3 л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія *тъ* (болѣе или менѣе часто): *иде́*, *гуля́ё* (рядомъ съ *идётъ*, *гуля́ётъ*, *гуля́тъ*).

Взглянемъ прежде всего на говоры Новгородской губ. [4]).

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позёры (Новгородскій у.), произносятъ *о* «твердо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: *муна́хъ*, *о́чунь*), *ѣ* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и*, *ц* вм. *ч* и на оборотъ: *оте́чь*, *очу́* (=отцу) и т. п.; отмѣчены частое *ё*: *домишшо*, *восхрёсёньё*,

---

[1]) Русск. Вѣстникъ 1890 г., № 5, стр. 90.

[2]) Морск. Сборникъ 1859 г., № 9, стр. 22.

[3]) На основаніи замѣтки Н. М. Каринскаго.

[4]) Колосовъ говоритъ: «языкъ населенія Новгор. губ. представляетъ немало діалектическаго разнообразія, но отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ.,—я не вижу возможности».

хрёсьянсво, двойное твердое *ш*: *ешшо́*, больш*у́шшой*, *нн* вм. *дн*: *ла́нно*, *ронно́й*, стяженіе гласныхъ: испива́мъ, мово́, друг*у́* (другую), царсво небе́сно, ф. род. на ов*а* (рядомъ тѣ же ф. на ово), дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, твор. мн. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ*. мо́жо, *е* (=есть), глядя́ (глядятъ). Сверхъ того: форма род.-вин. *тя* (=тебя), впн. ед. *ею́* (=ее), сравнит. ст. на *яё*: скоря́ё. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* вм. *о*, *е*: цалко́вой, тапе́ря [1]).

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* вм. *ѣ*: би́лова дня, имѣетъ *и* вм. *е* (безъ ударенія): ве́чира, би́линькой (=бѣленькій), даже *я* вм. *е*: ра́достянъ, ми́лянькой, вѣроятно, вслѣдствіе близости большаго московско-петербургскаго тракта. Сверхъ того, отмѣчены ф. 3 л. работа́тъ (есть ф. 3 л. также безъ *тъ*), род. на ов*а* [2]).

Въ дер. Ямо́къ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* вм. *ѣ* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишо* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* [3]), твор. мн. на *мы*: людм*ы́*, 3 л. ед. идё, есте́ (=есть), дѣеприч. строивше.

Въ усадьбѣ Чаплино, Боровицкаго у., цоканье и *и* вм. *ѣ* (пои́халъ) уже рѣдки. Молодые люди стараются ихъ не употреблять, и они слышны главнымъ образомъ у пожилыхъ. Отмѣчено: го́рёнка, тапе́рь, шпани́ца, поцалу́й, бери́ти, хоти́ти (2 л.), си́ніе море, прое́жжый, онну́ (одну); формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*: на чередо́*ы́*, и тв. мн. на *мъ*; членныя формы: на хорошы*ихъ* коняхъ, на худы*ихъ* коровахъ; ф. возвр. з. на *са*, *се*, *си*. Повидимому здѣсь мягкія *д* и *т* иногда имѣютъ легкій свистящій оттѣнокъ [4]).

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *ѣ* звучитъ какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него тотъ же *ѣ* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорьѣ отмѣчены ф. 3 л. смека́тъ, дат.-м. на *ы*. [5]). Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму 3 л. ед. есте́.

Говоръ д. Большая Будогоща, Тихвинскаго у., на лѣвомъ берегу р. Пчевжи, отличается рѣзкимъ *о* и сравнительно рѣдкимъ *ё* изъ *е*: попде́те, пойде́шь, бревно́, бре́венъ (род.); сверхъ того, *и* вм. *ѣ* и замѣна мягкихъ *д* и *т* черезъ мягкія *г* и *к* или звуки близкіе къ послѣднимъ: пойгём-кё. Дѣеприч. помиравше [6]).

---

[1]) Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни... жителей Новгород. губ.»;—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позеры въ Новгородѣ».

[2]) Якушкинъ, Путевыя письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (то же въ «Сочиненіяхъ П. И. Якушкина», Спб. 1884).

[3]) Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

[4]) На основаніи сообщенія А. Л. Погодина.

[5]) Новгор. Сб., II.

[6]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца. См. еще Жив. Стар. 1894 г., I.

Относительно цокающихъ говоровъ Устюженскаго у. (Перская, Никифоровская и др. волости) мы не знаемъ почти ничего. Отмѣчено (въ говорѣ Никифоровской вол.): *черква*, *що*.

Говоръ Кириллова и ближайшихъ къ нему мѣстъ имѣетъ много общаго съ говорами вологодскими. Онъ имѣетъ *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: коба*ц*ёкъ, запла*ц*ю́, си́нни*ч*а (=сѣнница), частое *ё* изъ *е*: воспоме́нёшъ, поцёлу́й, *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: би́литьця (3 л. ед.), пи*н*ьё (=пѣнье), *е* вм. *я* также передъ мягкими согласными: пе́тница, мягкое *к*: Пара́нь*кя*, пре́ниць*кя* (род.), *у* и *в* (=*ў*?) вм. *в* и *л* передъ гласными и въ концѣ словъ: де́*у*ка, ка*у*та́нъ, пи*у*ко́, подва́*в*ъ, погоня́*в*ка, по*в*но (=подва*л*ъ), *ф* вм. *х*: *ф*одить, *ф*орошо. Сверхъ того, есть *и* изъ *е* безъ ударенія: *си*бе́ (дат.); форма род. можетъ оканчиваться на ов*а*; формы возвр. з. имѣютъ *ся*; мѣстоименіе звучитъ *що* и *шшо*; остатки формъ члена: жону́-*ту*, жо́ны-*те* [1]). Колосовъ отмѣтилъ въ кирилловскомъ говорѣ еще рѣдкость употребленія формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

Говоръ Ѳерапонтовской волости, Кирилловскаго у., повидимому, въ главномъ тотъ же, что и кирилловскій. Наблюдатель замѣчаетъ, что *о* въ немъ звучитъ «слишкомъ рѣзко»; имъ отмѣчены *и* изъ *ѣ* и *е* изъ *я* передъ мягкими согласными, *и* изъ *е* безъ ударенія: де́ла*и*те (2 л.), т*и*бя́, м*и*ня́, *ў* изъ *л* въ концѣ формъ прош. вр., *що* при *шшо*; объ *ф* изъ *х* онъ не упоминаетъ [2]).

О говорахъ Череповскаго у. мы имѣемъ рядъ данныхъ.

По словамъ Шевырева, говоръ Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ похожъ на говоръ кирилловскій. Онъ указываетъ на *ц* (иногда мягкое) вмѣсто *ч* и на оборотъ: *ц*ово́, *ц*я́ялъ, *ч*ена́, ку́ри*ч*а, на *и* вмѣсто *ѣ* передъ мягкими согласными: п*и*сня, поткл*и*ть, на *у* и *в* (т. е. *ў*?) вмѣсто *в* и *л*: де́*у*ка, по́*в*но, на мягкость *к*: Ва́нь*кё*, на мѣстоименіе *що* и *шшо*, на остатки формъ члена: че́ну-*ту*, ба́бы-*те* [3]).

Другой наблюдатель сообщаетъ данныя о говорѣ волостей Уломской, Дмитріевской, Колоденской, Горской, Хотовецкой и Мороцкой, той части уѣзда, которая сосѣдня съ Устюженскимъ у. Новгородской губ., съ Весьегонскимъ Тверской и Моложскимъ Ярославской. Онъ указываетъ на мѣну *ц* (мягкаго) и *ч* (болѣе мягкаго, чѣмъ въ нашемъ языкѣ): шве*чю́*, фран*чю́*зъ и т. п., на *и* изъ *ѣ*: *ли*съ, би́лой, м*и*сяць (но въ концѣ словъ повидимому *ѣ*=*е*), на *е* изъ *я*: гресь, гоне́ть, пре*д*у́, воде*н*о́й, запре*г*а́ть (не всегда), на мягкое *шт* вм. *щ*: пи́*шт*я, *шт*ю́ка, *шти*па́ть. Изъ формъ от-

---

[1]) Шевыревъ, Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 106—111. Въ Кирилловѣ, говоритъ авторъ, «наиболѣе любопытное есть его нарѣчіе, которымъ говорятъ самые грубые простолюдины. Оно имѣетъ много сходства съ малороссійскимъ».

[2]) Вѣстникъ И. Р. Географич. Общ., ч. XI.

[3]) Шевыревъ, II, 111—114.

мѣчены ф. род. ед. ж. р.: *тые*, *самые*, *одные*, *твоеѣ*, *моеѣ* (*ѣ*=*е*?), ф. род. мн. словъ на *ци*: купчей, зайчей, огурчей (всегда), дат. мн. друг*іе*мъ, 3 л. ед. *ески* (есть), ф. возвр. з. *лайси*, *мойси* (повел.), *напилсы*, *женилсы*, *боротцы*, ф. члена *те*, очень часто употребляющаяся при разныхъ ф. множ. ч.: *кони-те*, *бапъ-те* (род.) и т. п. [1]).

Наблюдатель, говорящій о части вышеозначенной территоріи, о Мороцкомъ приходѣ (близъ границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *ц* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ перваго раза можно отличить Язинца по этому выговору» [2]).

Третій наблюдатель сообщаетъ данныя изъ говора Выксинскаго Троицкаго прихода: мѣна *ц* и *ч* или употребленіе «чего-то средняго» между этими звуками, *ё* во «многихъ» словахъ вм. *е*: крутóё óзёро, ёдúнъ, «иногда» *и* вм. *ѣ*: обúдня, формы тв. мн. на *мъ*, формы дат. мн. и тв. ед. прилагат. на *ыемъ*: бѣлыемъ платкомъ, по сух*іе*мъ дорогамъ, формы возвр. з.: боúмсы, мóлимсы, шатáтьцы [3]).

Въ текстахъ, записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кромѣ мѣны *ц* и *ч* и *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: обúдня, отмѣчены формы твор. мн. намъ [4]).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *ц* (которое всегда мягко) вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *ѣ*: вúтеръ, вúникъ, *бил*я́*е*, целови́къ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкомъ согласномъ): петь (=пять), хресьéнинъ, хозéинъ, встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: *и*шшó, *н*идúля, *т*ибя́, *т*ибé; двойное *ш* твердо: *и*шшó; *хв* замѣняется черезъ *ф*: *ф*ата́ть, *ф*óросъ (=хворостъ). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на ово (на ова нѣтъ); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ые* и *іе*: съ больны*е* головы, ни сдúны*е* пúсни, нетъ сúни*е* краски, съ ты*é* стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: ся́*сти* (=сѣсть), а ф. повел. н.— суффиксъ *и*: ся́*ди*, ся́*дите*; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣтъ окончанія *сь*); ф. сравнит. степени имѣютъ окончаніе *ше*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерскаго говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаній» [5]).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: о*мм*анъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и на оборотъ.

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III.

[2]) Новгородск. Сборникъ, V, стр. 39, 161.

[3]) Тамъ же, стр. 38—39.

[4]) Барсовъ, Причитанія сѣвернаго края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (близкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣчено еще: дв*и* избы, м*и*ня' т*и*бя, формы род. на ова, возвр. зал. на *си*, *ци*, остатки члена: руки-*те*, дядьям-*те* у ямы-*те*, плеча-*та* (Причит., II, стр. 84, 281).

[5]) На основаніи рукописнаго труда г. Порошина.

Говоры С.-Петербурской губ. принадлежатъ къ числу сильно цокающихъ.

Говоръ дер. Княжо́й горы, Лужскаго у., имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: мач*у*ха, *у*пять), *и* вм. *ѣ* (спорадическое): свири́пой, твердое двойное *ш*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мъ* (рядомъ—отъ люди—ф. дат. людьми́), 3 л. безъ *тъ*: плыве́, пома́хиваё. Сверхъ того: мягкое *жд* вм. *жж* (во*ждя́*тца). Звука *h* здѣсь нѣтъ [1]).

Въ говорѣ Яблоницкой волости, того же уѣзда (въ южной части), отмѣчено: хрёнъ, н*и*тъ, зде́ (здѣсь). Въ одной изъ деревень этой волости (въ Запольѣ) *з* мягкое очень близко къ польскому мягкому *з*, т. е. звучитъ какъ очень мягкое *ж* [2]).

Говоръ Гдовскаго у. (сосѣдняго съ Псковской губ.) имѣетъ оканье не полное: *А*кси́нья, де́н*я*къ (род. мн.), вы́пь*я* (3 л. ед.), рядомъ съ нёсла́, рёбро́, вёдро́, даже *у*топри́; сверхъ того: *въ* тебя́ (=у тебя), ла́*нн*о (ладно), и т. п. о*мм*ани́ть, *шшу*ка, ду́*м*ашъ, добр*ы* люди; формы род. ед. у жене́, дат.-мѣстн. ед. къ вод*ы́*, тв. мн. на *мъ*, 3 л. ед. безъ *тъ*: клюё. Наконецъ: добр*ыи*хъ и т. п., рядомъ съ до́бр*ы*хъ; вс*и*, вс*и*хъ и т. п. [3]). Сравни псковскіе говоры.

Въ говорѣ Шлиссельбургскаго у. (д. Марьино) отмѣчено мягкое *т* вм. мягкаго *к* и (вѣроятно, въ отдѣльныхъ словахъ) на оборотъ: *т*инь (кинь), *т*исть, *т*ишти́ и поч*к*и́ (почти) и твердое двойное *ш* [4]).

Говоръ Новоладожскаго у., при частомъ *и* вм. *ѣ*: би́лой, нев*и́*ска, н*и́*ту, къ себ*и́*, имѣетъ стяженіе гласныхъ: гул*я*тъ, ска́зыв*а*тъ, ф. дат. вм. ф. твор., ф. 3 л. безъ *тъ* (поижжа́ё), а также *е* вм. *я*: горе́чь (=горячь) и *е* вм. *и* (въ отдѣльныхъ словахъ: зав*и́*йте=заве́йте [5]).

Говоръ приоятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣетъ *о* очень закрытое (отмѣчено: ч*у*лови́къ), *и* вм. *ѣ* почти всегда: св*и*тъ, л*и*съ, т*и*ло, дв*и* головы, сиб*и́* (=себѣ), ф. твор. на *мъ*, 3 л. безъ *тъ* (формъ на *етъ* и *ятъ* нѣтъ, всегда: несе́, лю́б*я*, но: несё*тца*; формъ на *и* и *у* также нѣтъ, всегда: лю́би*тъ*, нёсу́*тъ*), возвр. з. на *си* (дала́*си*, научи́л*си*). Отмѣчено *и* безъ ударенія вм. *е* въ м*и*ня́, т*и*би́, с*и*би́. Цоканье здѣсь не сильно [6]).

Говоры юго-восточнаго Пріонежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ *ц* (отчетливое) вм. *ч* постоянно (*ч* вм. *ц* не встрѣчено), *ё* изъ *е* часто, *и* вм. *ѣ* (передъ мягкими согласными): см*и́*ю, лет*и́*ть, *е* вм. *я*

---

[1]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Лиль-Адама.
[2]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.
[3]) Тамъ же.
[4]) На основаніи сообщенія В. Н. Перетца.
[5]) Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II.
[6]) Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., II, ст. Хрущова.

очень часто: зеть, че́шша (=чаща), повенце́лись, мягкое *и*, *и* вм. *е* безъ ударенія: ри́бята, зна́итъ, ф. дат.-мѣстн. на *ы* вм. *ѣ* (спорадически) и на *е* вм. *и*: по грязе́, вин. ед. женск. р. *ей* и *ю*=её: схватилъ *ей*, неопред. н. сиѭци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено).

Описаніе Колосова можетъ быть пополнено слѣдующими данными.

Въ говорѣ Каргопольскаго края (=Каргопольскій у. съ сосѣдними частями Пудожскаго и Вытегорскаго у.) отмѣчено: *у* вм. *о* въ ску́ріе, очень мягкое *ч*, формы возвр. з. на *се*, *це*, остатки формъ члена [1]).

Въ говорѣ д. Ежезеро (Вытегорскаго у., Коштугской волости, въ 40 верстахъ къ югу отъ г. Вытегры): *у* въ скуря́е, пудёмъ, упя́ть, я́блукъ (рѣдко), *и* изъ *е* безъ ударенія: бисёда (даже: тись=тесть, двирь, сплитня), *и* изъ *ѣ* не только передъ мягкими согласными, но и въ концѣ словъ: мни, тиби́, дви, на сукни́, *ў* изъ *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: браў, моўця́ть, твердые губные въ концѣ словъ: любофъ, семъ, го́лупъ, *щ*=*шч*, стяженіе гласныхъ: тёмна ноць, тёмну ноць, тёмны ноци (рѣже: тёмныи), знашъ, знатъ и т. д., формы род. на *оно*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, им. ед. м. р. худэ́й, до́брэй, сла́ткэй, большэ́й, род., дат., тв., мѣстн. ед. ж. худэ́й, до́брэй и т. д., тв. ед. ба́бэй, мнэй (мной), тв. мн. сущ. и прилаг. на *мъ*, тв. мн. существ. на *мы*, дат.-тв. прилагат. на *ма*: гъ до́брыма родителямъ, за до́брыма людямы, съ на́мы, 2 и 3 л. бье́сьсе, иде́, жге́, иде́мъ, иде́те (съ *е*), 3 л. мн. ру́бя, шуми́ (но всегда знатъ и т. п., съ *тъ* послѣ *а*), 3 л. ед. *е* и *есте*, возвр. з. на *се* и *сё*; остатки формъ члена; сравн. ст. на *ле́*. Звука *ч* не существуетъ (кромѣ группы *шч*), лишь мягкое *ц*. Переходъ *я* въ *е* неизвѣстенъ [2]).

Въ говорѣ с. Коштуговъ отмѣчено: берёзынька, молодёшынька, *ў* изъ *в*: дере́ўня, вороўка, ф. тв. мн. вамъ, добрыма людьмы, 3 л. ед. есте, 2 л. мн. повел. понатўжытесь, остатки формъ члена: первую-*ту* недѣлю [3]).

Въ говорѣ волостей Ухотской, Шильдской и Тихманской (въ сѣверо-восточномъ углѣ Вытегорскаго у., въ сосѣдствѣ съ Каргопольскимъ и Кирилловскимъ у.) наблюдатель указываетъ на грубое, рѣжущее слухъ *о* (яблунь и еще нѣсколько словъ—съ *у* вм. *о*), на частое *ё* изъ *е* безъ ударенія: Стёпа́нъ, зёрно́, рожде́ньё, се́рцё, синёё, играётъ, даже телёга, на *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: де́дя, петь, отне́ть, дьецёкъ, даже ме́коть (въ концѣ словъ *я* сохраняется: оби́дня), на *и* изъ *ѣ* подъ ударенiемъ (вѣроятно, по преимуществу передъ мягкими согл.): ри́цька, здись, оби́дня, до ви́ку, невирной, на мягкія *жд* и *шт* вм. *жж* и *щ*: дро́жди, во́жди, ежди́лъ, штюка, рошта, на мягкое *ц*, на *ф* вм. *хв*: фостъ, форостъ, фоя, на *мм* и *вв*, *в* вм. *бм*, *бв*: омманъ, овинцёть, ово-

[1]) Живн. Ст. 1892 г., III.

[2]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[3]) Олон. Губ. Вѣд. 1893 г., №№ 19—22.

ровать, на стяженіе гласныхъ въ мово́, игра́шъ, шага́тъ. Затѣмъ, этимъ наблюдателемъ замѣчено: звукъ *г* «всегда съ густымъ придыханіемъ, близко къ *х*», а «тонкое *г* нигдѣ не слышится»; *ц* вм. *ч* обычно, и *ц* у мущинъ тверже, а у женщинъ «доходитъ до слащавости»; «замѣна звука *ц* звукомъ *ч* строго не соблюдается», и вм. *ц* иногда слышится звукъ средній между *ч* и *ц*, ближе къ *ч*. Сверхъ того, отмѣчено: *и* вм. *е* въ дви́ре́ми, мягкое *с* вм. *ч* (*ш*) въ сердесьній, молосьній, наросьнё и формы: род. ед. на *ово*, дат.-мѣстн. ед. фъ грезе́ (въ грязи), фъ кровѐ, путе́, им. мн. колосьѐ, кореньѐ, кольѐ, неопр. тежци, си́кци (сѣчь), лежци, возвр. з. на *се*: поклонюсе, сошлисе, одивайсе, ср. ст. на *яя*: добря́я, полня́я, очень часто употребляющіеся остатки формъ члена: дорога-*то*, рѣки-*те*, поля-*те*. Рѣчь названныхъ волостей растянута; удареніе придаетъ гласнымъ почти двойную долготу сравнительно съ другими гласными; вообще же рѣчь имѣетъ какую-то особенную плавность и мелодичность [1]).

Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ извѣстно, что въ немъ *ѣ* «выговаривается неправильно» (т. е. какъ *и*) только въ глаголѣ *ѣсть*, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» [2]).

Говоръ Петрозаводскаго у. (дер. Лембачева, въ 19 верстахъ отъ Петрозаводска) имѣетъ *ё* изъ *е* безъ ударенія сравнительно рѣдко: воскресёньё, скорёё, дубовыё, нашо, но слеза́, ребро́, веду́, беру́, о́зеро, по́грепъ и т. п. съ *е*; *е* безъ ударенія сохраняется (но ни́де́ля), *ѣ*=*е* (но дѣется=дѣется, вися́ть, свири́пъ), *я* сохраняется (но педдеся́ть), *ц* мягкое, конечные губные твердые: любо́фъ, семъ, голупъ, стяженіе гласныхъ: до́бра мать (но дума́етъ), добры люди, *л* передъ согласными и въ концѣ словъ=*ў*: до́ўго, бы́ў; формы род. мирово́во и станово́ho, ehо́, воде́ и воды́, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, 3 л. ед. пла́че, лю́би, но́си, мн. ру́бя, лю́бя, сидя́, возвр. з. на *се* [3]).

Говоръ окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Пріонежьѣ) отличается «наклонностью» *ц* къ *ч* и *ѣ* къ *и*, но случаи, гдѣ вмѣсто *ц*—чистое *ч*, а вм. *ѣ*—чистое *и*, рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорятъ молоде́чь, би́лой сви́тъ; обыкновенно слышно что-то среднее между молодечь и молодецъ, между свитъ и светъ. Здѣсь *о*—«чистое»; *ё* изъ *е* очень часто: сла́вноё, коро́вищо, здра́фствуётъ, пря́жочка, сѣятелёвичъ; *е* изъ *я* (спорадически): не́нюшка; *ц* можетъ быть мягко: *цюдо*, *лицё*; есть стяженіе гласныхъ: нака́зыватъ; формы дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III.

[2]) Кораблевъ. Этнографич. и географич. очеркъ г. Каргополя, М. 1851, стр. 68.

[3]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., II.

личныхъ мѣстоименій на *мы*: стола*мы*, на*мы* (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: дубовы*ма*, 3 л. безъ *тъ*: ку́шаё, лю́бя (=любятъ), возвр. зал. на *се*, *си* и *со*: показа́ло*си*, закручи́нил*со*. Сверхъ того, *и* изъ *е* безъ ударенія въ м*и*ня́, и—что важно—*г* въ ф. род. ед.: добро*го*, не добро*во* [1]).

Говоръ Повѣнца и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣетъ важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *ц* (мягкое) вм. *ч*, частое *ё* изъ *е* (оружьё, ё=есть), спорадическое *и* вм. *ѣ*: свир*и*пой, зд*и*, гд*и*, мн*и*, стяженіе гласныхъ: де́л*а*тъ; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, а прилагательныхъ на *ма*, 3 л. безъ *тъ*.

Говоръ окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши (сѣв.-вост. Пріонежье) отличается «чистымъ» произношеніемъ *ц* (т. е. нѣтъ *ч* вм. *ц*, но *ц* вм. *ч* обычно), *ѣ*=*е* (*ѣ* «весьма рѣдко принимаетъ оттѣнокъ звука *и*»), частымъ *ё* изъ *е*, стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ ни*ма́*=подъ ними), 3 л. безъ *тъ* [2]).

По Рыбникову, въ Олонецкой губ. «множество разнорѣчій не только по уѣздамъ, но даже по волостямъ», изъ которыхъ два главныхъ: 1) заонежское и близкое къ нему пудожское и 2) каргопольско-вытегорское. По его словамъ, выдающіяся черты олонецкихъ говоровъ таковы: мягкія *ц* и *ч*: *цю*жой, молоде*ць*, умни*чя*; *а* послѣ *ж* вм. *е*: ж*а*нихъ, ж*а*ланной; *и* «иногда» изъ *е*: б*и*здиля (ничего недѣлающій), ц*и*рточька, и на оборотъ, звукъ близкій къ *е* «иногда» изъ *и*: гр*е*дня (гридня); *и* изъ *ѣ* «почти всегда, а на концѣ словъ и во флексіяхъ всегда»: р*и*ценька, св*и*тёлъ, гд*и*; мягкое *жд* въ поѣ*ждя*не, пріѣ*ждя*лъ; формы твор. мн. существит. на *мъ* и *мы*, а прилагат. и мѣстоименій на *ма*, 3 л. ед. на *тъ* и безъ *тъ* (съ *е*, не *ё*: веде́ть, также какъ въ веде́шъ, веде́мъ, веде́те), возвр. з. дава́ть*це*, колоти́ть*це*, сравн. степ. скур*я́е*, вѣрн*я́е* [3]).

По Шахматову, въ рядѣ говоровъ Петрозаводскаго, Повѣнецкаго и Пудожскаго уѣздовъ, на мѣстѣ древняго и орѳографическаго *ѣ*, подъ удареніемъ передъ твердымъ согласнымъ слышится узкое *е* (въ родѣ того, которое слышится въ день), отличное отъ обычнаго въ такомъ случаѣ широкаго *е*: згоре^{і}ло, неве^{і}ста и т. п. [4]).

---

[1]) Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: в*и*сть (вѣсть) на двор*и*, въ шатр*и* и т. п.

[2]) Тамъ же.

[3]) Рыбниковъ, Пѣсни, ч. IV, приложеніе. О говорахъ Олон. губ. смотри еще у Рыбникова, ч. III, стр. 347 сл., и у Барсова, Причитанія сѣв. края.

[4]) Изслѣдованія въ области р. фонетики, Варш. 1893, стр. 165.—Майновъ (Поѣздка въ Обонежье и Корелу, Спб. 1874, стр. 88) говоритъ слѣд.: «Заонежанинъ и говоритъ-то не такъ, какъ вообще сѣверякъ, и потому его говоръ сейчасъ узнаешь, и отличишь заонежанина въ толпѣ русскихъ крестьянъ. Удареніе онъ дѣлаетъ такъ, что иное слово сразу и не поймешь...; не стѣсняется онъ и буквами и

Переходимъ къ Архангельской губ. Колосовъ говоритъ, что въ ней *ё* изъ *е* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ Вологодской губ.), что *и* изъ *ѣ* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на ова, а форма возвр. з. на *сё* [1]).

Говоръ г. Онеги и его уѣзда имѣетъ частое *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ: краса́вица, молотца́ (род. ед.), льютче (3 л.), частое *ё* изъ *е*: будё, полё, синёе, лёжыть, *и* вм. *ѣ* въ концѣ словъ: фъ сундуки́, фъ Ки́еви, частое *е* изъ *я*: кнесь, кне́зя, боеринъ, персне́ми (твор.), сре-же́итсе, стяженіе гласныхъ: ду́мать (рядомъ: ду́маёть), смеле́, метне́, скоря́ (сравн. ст.,=смѣлѣе), твердыя двойныя *ш* и *ж*, спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: мишя́, по ре́цишьки, формы род. ед. ково, твор. мн. существит. на *мы*: ушмы, а прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: старыма, тема́, 3 л. безъ *тъ*: будё (рядомъ: пекёть), возвр. з. на *се*; мѣстоименіе *що*. Сверхъ того, отмѣчено мягкое *с* вмѣсто *ч* (*ш*) передъ *н*: зысьной голосъ, королевисьня, плата гудосьная, и остатки формъ члена: глаза́-*те* [2]).

О говорахъ Архангельскаго у. мы знаемъ очень мало. Отмѣчено мягкое *ц* вм. *ч* (*ч* въ нихъ не употребляется), *а* въ жила́ннал, *и* вм. *ѣ* въ на коври́ (при тобѣ), *е* изъ *я* въ питьемы (твор.), проте́гивай, твердое двойное *ш*, формы род. ед. ж. р. *тэя* (?), дат.-мѣстн. ед. на *ы*, тв. мн. существ. на *мы*, а прилаг. на *ма*, возвр. з. на *се*, остатки формъ члена: ко злодѣю-*ту*, женидьбу-*ту* [3]).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данныя также скудны. Въ немъ отмѣчены: *у* въ скурѣе, чюстовать (честовать=угощать), мягкое *ц* вмѣсто *ч*: цясъ, цодо, и на оборотъ: петничя (рядомъ съ чясъ, петница), частое *и* изъ *е* и *я* безъ ударенія: нивеска, мидветь, ничько, мики́на, свити́на (святыня), частое *ё* изъ *е* (даже: дубовыё, им. мн.), *е* изъ *я*: пече́ль, качёть, чесы, езыкъ, це́до (=чадо), *и* изъ *ѣ*: писня, умію, ми́сець,

---

мѣняетъ ихъ по своему, то поступаясь малороссійскому языку, то цокая... Говоритъ обонежанинъ (и заонежанинъ).. медленно, съ разстановочкой, и пригомъ такъ и распѣваетъ. Слышать, какъ говоритъ заонежанка (у нихъ распѣвность сильнѣе всего замѣтна), значитъ слышать отличнѣйшій речитативъ... Такъ ловко она вытянетъ гласную, смягчитъ согласную, поднимется, опуститъ голосъ тамъ, гдѣ нужно, что рѣчь такъ и льется у нея». — Кромѣ чисто русскихъ говоровъ, въ Олонецкой губ. слышатся говоры корело-русскіе съ особенною фонетикою и акцентуаціей. О нихъ у Шахматова, стр. 316 (срв. Жив. Ст. 1892 г., IV, ст. Лѣскова).

[1]) «Вообще жители (Арханг. губ.) говорятъ нѣсколько протяжно, особенно на послѣднемъ слогѣ, удвояя гласные: новоой, говоришшь». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 30). По Далю, «пѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается; она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

[2]) Кораблевъ. Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853 — Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв. Ак. Н. III, IV). — Истоминъ, Пѣсни р. народа, I, Спб. 1894 (Андозеро).

[3]) Истоминъ. Мѣстности: посадъ Ненокса, Унской посадъ, д. Коскова гора.

стяженіе гласныхъ: ду́*ма*шь, ду́*ма*ть, твердое двойное *ж*, формы род. на *ова*, твор. мн. на *ма*: ша́п*кима*, лопа́*тыма*, но́жык*има*, оре́х*има*, мѣстн. ед. во пути́ (отъ путь) [1]), неопр. н. жекчи́, возвр. з. на *се*; мѣстоименіе *що*. Говоръ остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ. [2]).

Въ говорѣ г. Кеми отмѣчено: мягкое *ц* вм. *ч* (*ч* нѣть), *ё* въ несцястьицё, будётъ, *а* изъ *е* въ жани́ть, *и* вм. *ѣ* въ ф. дат. шёецки, твердое двойное *ш*: спу*шшай*, *шц* въ уго*шцю* (угощу), род. зеленого и круто*во*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*, тв. мн. тѣ*ма* рѣцька*мы* [3]).

Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучитъ *чо* и *цо*, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на *со*.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Олонецкой, Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говоръ Вельска и его уѣзда употребляетъ и *ц*, и *ч*, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ: до*ць*, те*цё*тъ, сви*ца* и личо, сончо, *чвить* (съ *ц* мягкимъ); онъ имѣетъ *ё* изъ *е* очень часто: ясноё, бери́тё, даже: со службы царскіё (род. ед.), ясныё (им. мн.), *и* вм. *ѣ* почти всегда: ди́ло, *ни*ту, сви*ть*, ко мни, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными постоянно: сиéть, зеть, засвице́й (=засвѣчай), гледя́ (3 мн.), стяженіе гласныхъ: дума*шь*, прима*ть*, формы род. на ово (до́брово) и ова, твор. мн. существит. и мѣстоим. на *мъ*: съ цёботам*ъ*, съ вам*ъ*, возвр. з. на *сё*, *цё*: выньсё. Сверхъ того, въ немъ *сц* вм. *щ*: пу*сцю*, частое *и* вм. *е* безъ ударенія: чило́ (=чело), *ли*бёдушка, полицю́ (=полечу), види́ (=веди), мин*я́*, тиб*я́*, и *ў* въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто *в* и *л*: ста*ў* (=ставь), шо*ў* (=шолъ), ходи́*ў*, мо́*ў*ви*ў* (=молвилъ), во*ў*на. Мѣстоименіе *что* звучитъ и *што*, и *що*. [4]). Савваитовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1856 г. №№ 1 и 2. Произношеніе словъ, читаемъ мы здѣсь, протяжно. Въ цѣломъ періодѣ и въ оборотахъ рѣчи дѣлаются особенныя разстановки, повышеніе и пониженіе ударенія, похожія на напѣвъ. Удареніе неправильное.—Матеріалы изъ Шенк. у. въ «Пѣсняхъ» Кирѣевскаго, вып. I, стр. 77—86, вып. V, стр. 130—132.

[2]) Жителей нижней части сосѣди-сѣверяне дразнятъ словами: куда ходи*въ*, куда пошо*въ*? (Изв. И. Общ любит. естествозн. при Моск. у—тѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

[3]) Истоминъ.—Авторъ «Очерковъ западнаго Бѣломорья» разсказываетъ, какъ его везли гребцы-бабы изъ Сумскаго посада. «Странный говоръ ихъ поразилъ меня... Помимо особеннаго говора, страшной быстроты рѣчи, произношенія, поражало также и чрезвычайное обиліе мѣстныхъ словъ» (Русск. Вѣстн., т. 173, стр. 104).

[4]) Этнографич. Сборн., V (ст. Воронова); Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. ч. 25 (1859 г., ст. Воронова).

Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части *ц* вм. *ч*, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и что «*и* часто вмѣсто *ѣ*». Имъ отмѣчены, кромѣ *е* изъ *я*, *ў* вм. *л*, еще мягкое *жд* въ пое*ждя*йте и ф. сравн. степ. поскор*я́я*, побил*я́я* [1]).

Говоръ Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говоръ Вельска. Отмѣчены: *ц* вм. *ч* («самая обыкновенная замѣна»; *ц*—мягко; оно передается наблюдателемъ черезъ *цс*), *и* вм. *ѣ*: по в*и́*ники *и́*демъ, Олекс*і*й, Ондр*і*й (рядомъ: вм*и́*сте, въ горст*е́*), *е* вм. *я*: пец*е́*ль, несц*е́*сье, два́тцеть, вз*е́*ли; *в* передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на *у*, только короче послѣдняго»; такъ же звучитъ *л* «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.»: взя*ў* де*ў*ку, ви́де*ў*; стяженіе гласныхъ часто: зн*ашъ*, сбир*а́*сся, зн*а*тъ; двойное *ш* твердое: учили*шшо*; мѣстоименіе звучитъ *штё* и *що*; формы сравн. степ. на *яя*. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ это—сохраненіе звонкихъ (=звучныхъ): ка*д*ка, во*д*ка, ро*д*ъ, згля*д*ъ, ро*г*ъ [2]). Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на ов*а*.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ *ѣ*=*и* и *е* изъ *я*,—мягкое *ц* вмѣсто *ч* или звукъ средній между *ц* и *ч*, *и* вм. *е* какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: в*и*д*и́* (=веди), т*и*чо́тъ, с*и*ло́, ов*и́*чка, *в* (т. е. *ў*?) [3]) вм. *л*: то*в*кова́ть, до*в*би́ть, шо*в*ъ, стяженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л: зн*а*шъ, ф. твор. мн. чашк*има*, огород*ыма*, кон*има*, красны*ма*, ф. сравн. ст. на *яя*. Дмитріевъ въ великоустюжскомъ говорѣ, кромѣ мягкаго *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *ё* даже въ люди добры*ё*, *ѣ* = *и*, *е* изъ *я* (передъ мягкими согласными) и стяженія гласныхъ (зн*а*тъ рядомъ съ зн*а́ё*тъ), отмѣтилъ *а* вм. *е* въ ж*а*ла́ю, *с* въ моло*с*ной, я*с*ная мука, пшони*сь*никъ, *щ* = *шш*, твердое *л* въ си́*л*ной, бо*л*ной, бо*л*шушшой, *мм* изъ *бм*: о*мм*ы́ть, наконецъ *ў* вм. *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: да*ў*но́, до́*ў*го, бы*ў*, ко́локо*ў*, даже *ў*ра́гъ, *ў*рёшъ (врешь), формы род. на ов*о* и ов*а*, дат.-мѣстн. ед. ж. р. двер*е́*, доцер*е́*, возвр. з. на *ця*, сравн. ст. силн*я́*, крепц*я́*, остатки формъ члена: ба́бу-*ту*, ба́бы-*ти*, сёло-*то*, мѣстоименіе *щё* и *штё*. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савваитовымъ, отмѣчены только *ц* вм. *ч* (иногда мягкое: *ц*ястой, мосто*ць*ку, но: мосто*цы*къ), *и* вм. *ѣ*:

---

[1]) Москвитянинъ 1841 г., ч. 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ *в*, происшедшій изъ *л*, произносятъ одинаково: какъ *в*, а не какъ *у*» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).—Нѣсколько текстовъ изъ Вельскаго у. въ Жив. Ст. 1895 г.

[2]) Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

[3]) Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между *в* и *у*.

гри́ётъ, ри́цька, *е* вм. *я*: ми́сець, мѣстоим. *що*. Шевыревъ упомянулъ, какъ объ устюжской чертѣ,—объ *нн* вм. *дн*: ланно [1]).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Колосова, что въ немъ *о* можетъ звучать (въ отдѣльныхъ словахъ?) какъ *уо*: тру́ось (= трость), что въ немъ обычны *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, *ё* изъ *е* (особенно въ концѣ словъ: до́броё, руки бе́лыё, но: ходи́те), *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согласными: въ ни́ге, къ неви́сте (при: не́га, неве́ста), *е* изъ *я* также передъ мягкими согл.: е́йцо́, сіе́ть, стое́ть, твердое двойное *ш*: е́шшо́, *с* (изрѣдка) изъ *ч* (*ш*); моло́сной (=молочный), твердое *л* передъ *н*: болнои; кое-гдѣ въ немъ мягкое *к*: ручкя, лёгонькёй; ф. род. на ово и на ово; ф. возвр. зал. на *цо*: битцо; ф. сравн. ст. на *яё*; мѣстоименіе *што*, *штё*, *щё*. Нѣкоторыя мѣстности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и въ концѣ словъ, *в* (*ў*?) вмѣсто *л*: довго, ко́локовъ, лпвъ, рѣдко стяженіе гласныхъ: зна́ётъ, *мм* вм. *бм*: оммань; ф. им.-вин. мн. на *ыё*; ф. дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*: къ ма́тере; ф. возвр. з. на *сё*, *со*, *цо*: напивсё, де́лаётсо, де́латцо [2]).

Изъ одного говора Тотемскаго у. (Харинская волость, с. Кептуръ) мы имѣемъ слѣд. данныя: оканье «часто въ увеличенномъ видѣ»: хусорошый, *и* изъ *е* безъ ударенія: вилицить, *ц* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: ви́рить (но обихъ, обимъ=обѣихъ), *е* изъ *я* также передъ мягкими согласными: опе́ть, де́телъ, мягкое *к* въ Фе́дькё, Васькя, суле́йкю, Сельменьгя («обиліе» подобныхъ окончаній), твердое *л* въ полза, болно; формы твор. мн. на *мъ*, 3 л. возвр. з. на *тцы*, *тсе*, *чче*: придечче, неопр. н. пекчи, сравн. ст. едрени́е. При мѣнѣ *ц* и *ч*, *ч* вм. *ц* употребляется обыкновенно женщинами [3]).

Изъ одного говора Кадниковскаго у. (с. Корбанка) мы имѣемъ такія данныя: *ц* и *ч* мягкія: солнчё, клюцёвая; спорадическое *и* изъ *ѣ*: грію, дивицья; мягкое *к* въ минуточкя, тётушкя, голубушкю, по малёхонькю; формы род. ед. ж. р. и им.-вин. мн. на *ыё*: род. кирпицьныё (и нашеё), им. какіё, тёмныё; мѣстоименіе *щё* [4]).

Изъ другаго говора того же уѣзда (волость Кремлевская, въ сѣверозападномъ углѣ уѣзда) мы имѣемъ слѣдующія данныя: *ц* мягкое употребляется вмѣсто *ч* часто, а *ч* является вм. *ц* «иногда»; *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными; *е* изъ *я* передъ тѣми же согласными; *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ: де́ўка, до́ўго, ходи́ў; *щ* звучитъ

---

[1]) Жив. Стар. 1893 г., III; Москвитянинъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Филол. Вѣстн. 1887 г., № 4; Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городишнѣ, Великоустюжск. у., мѣстоим. *счё*, *чё*, *цё* (рядомъ съ *щё*, *штё*).

[2]) Р. Фил. В. 1887 г., № 4.

[3]) Зап. Ак. Н., т. 71 (1893 г.), приложеніе къ протоколамъ.

[4]) Жив. Стар. 1894 г., I.

какъ твердое *шч*; нерѣдко *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*осъ, у*ф*атъ, *хв*орси́ть, даже Хроло́*ф*ъ день. Формы род. ед. м. р. на ово, а женск. р. на *ые* и *ыё*: до́бр*ые*, хоро́ш*ые*, род.-вин. ji*é* (ее), 3-го л. ед. съ *тъ*: даваё*тъ*, быва*тъ*, возвр. з. 2 л. ед. ругае*сь*, дере*сь* (съ однимъ *с*), 3 л. брани́*тцо* (ед.), бране́*тцо* (мн.). Сравн. степень на *яя* и *іе* рядомъ: сильн*яя* и сильн*іе*.

О третьемъ говорѣ того же у. (центральныя волости уѣзда: Петряевская, Васьяновская, Шапшенская, Устьрѣцкая и др.) мы знаемъ лишь то, что вмѣсто *о* въ немъ слышится звукъ похожій на *уо*: к*уо*ро́ва, т*уо*лько, п*уо*мню, к*уо*ни, д*уо*ма, и что *к* въ извѣстныхъ случаяхъ мягко: ноць*кю* и т. п. [1]).

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ *тибе́*, частое стяженіе гласныхъ: зна*ть*, и сверхъ того, среднее *л* въ формахъ прошедшаго врем.: зна*лъ*.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ *ц* вм. *ч* и *ч* (ясное) вмѣсто *ц*. Въ немъ извѣстно еще *и* вмѣсто *ѣ* и *е* вм. *я* передъ мягкими согласными [2]), мѣстоименіе *штё*.

Изъ цокающихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ кое-какія свѣдѣнія о говорѣ Тверскаго у., на границѣ съ Корчевскимъ у. Онъ имѣетъ не только *ц* вм. *ч*, но и *дз* вм. мягкаго *д*, *ц* вм. мягкаго *т*: *дзе́ло*, *дзядзя*, *цебя́*, у *ця*; *о* въ немъ звучи́тъ, можетъ быть, закрыто (отмѣчено: *у*топри́, съ па́лк*у*й, зъ доса́д*у*й); есть *е* изъ *л*: *е*рово́й, *е*йцо́; стяженіе гласныхъ обычно: дзе́*ла*шъ, дзе́*ла*тъ, мово́, мому́; ф. род. *цея́*, 2 л. ед. возвр. з. ругаеш*стя*. Повидимому, есть случаи аканья (отмѣчено: мол*а*нья́). Возможно, что этотъ говоръ находится въ тѣсной связи съ бѣлорусскими говорами Тверской губ. [3]).

Сверхъ того, у насъ есть старыя свѣдѣнія о говорѣ г. Торжка. Наблюдатель самаго начала нынѣшняго столѣтія отмѣчаетъ: твердое *ц* вм. *ч* (*цыщи*=чище), *уо* изъ *о*: п*уо*ра, *и* изъ *ѣ* въ дв*и* нед*или*, теб*и* (дат.), гд*и*, н*и*тъ, *и* изъ *е* безъ ударенія: ду́маитъ. Рядомъ съ *о* и *ё* безъ ударенія: ёво́, вчора́,—случаи аканья: ви́д*а* ди́л*а*. Форма возвр. з. просит*цы*; род. ед. мен*е* и тебя рядомъ [4]).

---

[1]) Тамъ же, 1895 г., III—IV.

[2]) «Сказки» Аѳанасьева.

[3]) Этнограф. Сб., I. Дзеканье, по Далю, слышится также въ Корчевѣ и въ Торжкѣ.—Бѣжечанки, по тому же Далю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кромѣ послѣдняго, который растягиваютъ».—Объ одномъ изъ цокающихъ говоровъ Бѣжецкаго уѣзда авторъ замѣтки: «О Бѣжецкомъ уѣздѣ и Теблишанахъ» (Москвитянинъ 1853 г., № 16), говоритъ: «интонація (у жителей с. Теблиши)—чижиная; какъ чижъ чиликаетъ, чиликаетъ, да наконецъ и протянетъ, такъ и Теблишанинъ».

[4]) Русскій дорожникъ для употребленія въ пути между столицами. Изд. 2-е. Спб. 1802, стр. 128.

Наконецъ, мы знаемъ, что говоръ д. Карцево, Новоторжскаго у.,— цокающій. Въ немъ отмѣчены формы тв. мн. на *мъ* и 3 л. мн. сидя [1]).

Одинъ изъ цокающихъ говоровъ Ярославской губ., въ Поситьѣ, Моложскаго у., и въ сосѣдней части Пошехонскаго у., имѣетъ не только *ц* вм. *ч* и *ч* вм. *ц*, но и мягкое *дз* вм. мягкаго *д*, мягкое *ц* вм. мягкаго *т*: *дзе*рéвня, па*дзи́*, *дз*верь, *цесиць*, *ц*ёмно́; *ё* изъ *е* въ немъ очень часто: безцáсцьё, велúкоё, идзи́цё, даже: песни весёлыё (им. мн.); двойныя *ш* и *ж* твердыя: *ишшу*, *дожжы*; формы дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: умываюсъ горюцьми слёзамъ, звейцёса яснымъ соколамъ, по глазьми, по полями цыстымъ; ф. 3 л. безъ *тъ*: гуля (=гуляетъ); ф. род.-вин. *ця* (=тя), *цеи́*, дат. *цее́*; ф. возвр. з. на *са*. Сверхъ того, здѣсь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ и, сверхъ того, послѣ *ш*,—мягкое *к*: косынь*кя*, солнышкё, хорошенькё, горь*кяя*, горь*кюю*, синень*кёй*, и въ концѣ словъ *ф* вм. *х*: во цюжы*ф*ъ людзя*ф*ъ, мое*ф*ъ ясны*ф*ъ оцей, и*ф*ъ (=ихъ) [2]).

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарьина, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* вм. *ѣ*: билой, *д*итушки, вм*и*сти, *е* изъ *я*: цюже́нинъ, провожéтой, снаре́нной (=снарядный), мягкое *к*: бирёзынь*кя*,—*кю*, *нн* вм. *дн* и еще *и* вм. *е*, обыкновенно передъ мягкими согласн., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ ударенiемъ: б*и*рёза, б*и*се́да, д*и́*рево (=дерево), д*и*нь, *и*ль (=день, ель), *и*фти гости (=эвти), дв*ири́й* (род. мн.). Но *дз* и *ц* вм. *д* и *т* нѣтъ [3]).

Въ Покровоситскомъ говорѣ (того же у.) «въ словахъ мѣлъ, сѣра, вѣсъ, дѣло буква *е* произносится какъ *е* въ словахъ день, весь, а не какъ буква *ѣ*; слѣдовательно, звукъ *е* приближается къ *и*» [4]).

Въ одномъ изъ говоровъ Пошехонскаго у. (с. Давшина), при мягкомъ *ц* вм. *ч* (*ця*съ) и частомъ *ё* изъ *е* (на́шо, какъ *жо*, копiёкъ), отмѣчены *и* вм. *ѣ* предъ мягкими согл.: сви́ча́, свитлiе, гори́ть (=горѣть), Тимофiй, *е* вм. *я*: петь, стоéть, *ф* вм. *х*: *ф*то (=кто), те*ф*ъ, въ око́шка*ф*ъ, формы дат. мн. вм. ф. тв. и на оборотъ: съ намъ, съ е́тем*ъ* подлымъ людьми, къ на*ми*, гъ двора*ми* (употребленiе ф. твор. вм. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. *тiя́*, *сiя́*, дат. *тiе́*, *сiе́* (рядомъ: тибя́, тибе́), возвратн. зал. на *сы*: занелс*ы*, занимаёт*цы*, мѣстоим. *що* (при *што*). Сверхъ того, остатки формъ члена: конямъ-*те* и т. п. [5]).

[1]) Матеріалы въ «Пѣсняхъ» Шейна, стр. 479 сл.

[2]) Этногр. Сб., I; Памятн. и обр. народ. яз. и словесн. (Изв. Ак. Н., I): о Поситьѣ.—Р. Филол. В. 1878 г., № 2: о Пошехоньѣ.—О «сицькаряхъ» сс. Байловскаго, Семеновскаго и Покровскаго—Яросл. Губ. Вѣд. 1856 г., №№ 31—32 (*ц* изъ *т*, тас*цы*=тащи).—Изъ словъ Даля можно заключить, что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

[3]) Этногр. Сб., I; Р. Фил. В. 1879 г. № 2.

[4]) Шахматовъ, Изслѣдованiя въ области р. фонетики. Варш. 1893, стр. 165.

[5]) Эти. Сб., II. Авторъ помѣщенной здѣсь статьи сообщаетъ, что описанный

О цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ очень мало. Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у.: Бугородица, очюнь; отъ другаго лица намъ извѣстно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (цоканье слышится лишь въ ней) распространено стяженіе гласныхъ: знашъ, знатъ, своово, сву сторону; форма род. ед. можетъ оканчиваться на ова, ф. род. и дат. звучатъ *тея́, сея́, теé, сеé*. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, нѣчто въ родѣ *а* вм. неударяемаго *о*, но «больше *о*, чѣмъ *а*»; *ч* вм. *ц*, повидимому, неизвѣстно [1]). Говоръ сѣверо-восточной части Мелековскаго у., повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ *ц* вм. *ч*, есть изрѣдка и *ч* вм. *ц*: чалкóвой. Въ другихъ частяхъ уѣзда рядомъ съ окающими говорами—акающіе, и тѣ и другіе съ цоканьемъ [2]).

Одинъ изъ говоровъ Покровскаго у. (Воронцовская волость, дер. Арханино и др.) имѣетъ рядомъ *ц*асъ, *ц*орный, но*ц*ъ и *ч*арь, сон*ч*а (только у старшаго поколѣнія; младшее говоритъ уже «правильно»); затѣмъ отмѣчено: утопри́, угуре́цъ, уброза́ (образа), морё, полё, скоре́ё и скоряё, пётýхъ; *и* вм. *е* безъ ударенія: би*и*рёжóкъ, вéти*и*ръ, бýди*т*ъ; твердые гортанные въ пежóтъ, запряги́мъ (1 л.), жиóтъ, мягкое *к* въ Ваньк*я*, тольк*ё* и т. п., твердыя двойныя *ж* и *ш*, стяженіе гласныхъ: дýмашъ, дýматъ, умéтъ, ясны дни; форма тв. мн. фсемя́ (отъ *весь*); остатки формъ члена: каша-*та*, масло-*то*, бабы-*те*. Повидимому, есть случаи аканья [3]).

Одинъ изъ говоровъ Юрьевскаго у. (с. Бережокъ, въ 25 верстахъ отъ Юрьева) не только имѣетъ *ц* вм. *ч*, но и *дз*, *ц* изъ мягкихъ *д* и *т*: *дз*éло, *ц*елéга, строи*ц*ь. Въ немъ еще отмѣчено: ёво (рядомъ съ котора́й, им. ед., лахма́тка), *ш*=*шш* и *с* въ молосной [4]).

Говоръ Нижегородской губ., Ардатовскаго у. имѣетъ, рядомъ съ очень закрытымъ *о* (*у*ддыха́ць) и съ *ц* (твердымъ) вм. *ч* и *ч* вм. *ц*,—также *дз* вм. мягкаго *д* и *ц* (мягкое) вм. мягкаго *т*: отве*дз*и́, е́*дз*етъ, Мор*дз*ви́нъ, ба́*ц*юшка, пу*ц*ёмъ, нес*ц*и́. Стяженіе гласныхъ: знатъ, своово;

имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по сосѣдству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и въ Вологодск. у.) отличается употребленіемъ не только *ц* вм. *ч*, но и на обор.: *ц*ёбукъ, *ц*аловéкъ, *ч*ерква, а также *шт* вм. *щ*: *шт*етина, е*шт*о, *шт*авель.

[1]) Труды Владим. Губ. Стат. Комит. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл. Г. Ст. К., I. Говоръ зарѣченской части Муромскаго у. «отличается растянутостью: тутъ-то-*тиии*, болезна*яяяя*» (Труды, X, 76).

[2]) Труды IX, Ежегодникъ I, IV; Уч. Зап. Каз. Ун. 1895 г., № 1 (ст. Будде).

[3]) Извѣстія отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1895 г., II.

[4]) Владим. Губ. В. 1854 г., № 24.

ф. дат. *цеé, цеэ́* (=тебѣ); *ц=ич*: пушче; спорадическое *а* вм. *о* послѣ ударенія [1]).

Цокающіе говоры Арзамасскаго у. имѣютъ только *ц* вм. *ч* (часто). Въ одномъ отмѣчены: *ё* изъ *е* безъ ударенія: цово́, цолко́вой, стяженіе гласныхъ: знатъ, форма род. *тея́* [2]).

Въ другомъ (с. Слизнева): *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія: нёсу́, ёво́, жона́, липёшка, идёти (2 л.), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*, стяженіе гласныхъ: бать = баять, формы род. *тія, сія*, дат. *тіе́, те, сіе́*. Въ концѣ словъ *а* вм. *о* безъ ударенія: ви́дна, го́рькай (им. ед.); *ч* вм. *ц* только въ че́ркофь [3]).

Изъ окающихъ и цокающихъ говоровъ Симбирской губ. мы знаемъ о существованіи лишь одного—с. Кувакина, Алатырскаго у.

Передъ нами Вятская губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частью Нижегородской, съ частями Костромской и Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлитъ Вятскую губ. на двѣ части—сѣверную и южную, и находитъ, что *о* сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ *о* звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ *ё* изъ *е* не особенно часто, *и* вм. *ъ* спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: здись, но: нитъ; причемъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ *ъ* могутъ быть и *и*, и *е* (въ концѣ словъ всегда *е*); *е* вм. *я*: опе́ть, забрецéло; твердыя двойныя *ж* и *ш* (ошшо́); то твердое, то мягкое *ц*; *с* изъ *ш*: яисьница, дивисьникъ; формы дат. мн. вм. ф. твор. (съ плечамъ), дат. мн. *имя́*, 3 л. безъ *тъ*, неопред. накл. на *ти*: се́яти (часто), также неопр. н. запрежчи; остатки формъ члена: дорогу-*ту*; мѣстоим. *штё, що*.

По Васнецову, вятскій край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверныя окраины Слободскаго и Глазовскаго у.), среднюю (южныя части Слободскаго и Глазовскаго у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловскій) и южную (южныя половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятскій говоръ, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ [4]). Особенности собственно вятскаго говора: «грубое» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: хоуроушо́, поулё, поупъ

[1]) «Сказки» Аѳанасьева.—Р. Филол. В. 1879 г., № 2.—Этнограф. Сб. V, смѣсь (с. Кужендѣево).

[2]) Р. Филол. В. 1879 г., № 2, стр. 172—163.

[3]) На основаніи сообщенія г. Сереброва. «Послѣдняя гласная буква въ предложеніи произносится протяжно: гдѣ ты бы...ылъ?»

[4]) «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятскій говоръ страненъ и служитъ предметомъ ихъ иронія».

(=попъ), и особое («какъ бы глухое») *у*: худу́ли, ну́жикъ; частое *ё* изъ *е*: доброё, морё, полё, ёй, за́днёй; взаимная мѣна *ц* и *ч* [1]); мягкое *ц*: *ця́рь*, отец*ь*; *е* вмѣсто *я*: ба́еть, баёлъ, фсе́чина (=всячина); формы неопред. накл. на *ти*: учи*ти*, роуботат*и*; остатки формъ члена: баба*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*, бабы-*ти*, окно-*то*, окну-*ту* [2]).

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *ц* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ *ч*»), *е* вм. *я*: тере́ть вре́ме, *я* вм. *е* подъ удареніемъ (въ нѣсколькихъ словахъ): ля́гче, кря́сло, ф. сравн. ст. на *яе* (тепля́е), мѣстоименіе *штё* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различнаго въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» [3]).

Будде считаетъ характерной чертой вятскихъ говоровъ неударяемсе *о* склонное къ *у* какъ въ слогѣ передъ удареніемъ, такъ и въ слогахъ удаленныхъ отъ ударенія [4]).

Мартыновъ говоритъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, щокаетъ и цокаетъ». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (чуво=чего), на мѣну *ц* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (ме́хче, *е*йчо́), на особенную мягкость *ц* и *ч* (*цюдо* и *чюдо*, *чюлъ*),

---

[1]) «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чакающая, а женская цокающая. Въ мужской рѣчи *ц* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *ц*, а *ц* произносится мягко. Чакающая рѣчь грубовата, а цокающая, напротивъ, отличается мягкостью».

[2]) Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891.

[3]) Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 118. «По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятскаго края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей болѣе и болѣе итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣзжалъ за предѣлы Вятской губ». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г., № 32).—По Колоссову, Вятчане мѣстами «говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничево*оо* и т. п. Кажется, всѣ гласные могутъ имѣть долготу. Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явленіе этой долготы довольно рѣдко. Оно, насколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ. Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ.» Замѣтки, стр. 64–65.—По Васпецову, въ собственно вятскомъ говорѣ въ концѣ *о* растяжимо: ну-к*оо*, зерн*оо*, худ*оо*. Календ. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

[4]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., № 10, стр. 30. По автору, «поговорка Вятчанъ не можетъ быть названа пѣвучей; она нисколько не похожа на поговорку подмосковныхъ крестьянъ или вообще акающихъ и скорѣе поражаетъ слухъ своимъ отчеканиваніемъ каждаго слога въ словѣ, чѣмъ плавностью, замѣчаемой въ пѣвучихъ великорусскихъ говорахъ.»

на *г*=какъ-бы *хг* (*хг*орохъ), на твердое двойное *ш*, на *нн* вм. *дн* (ла*нн*о), на ф. возвр. з. на *си* (случи́л*си*), на мѣстоим. *што* и *щё* [1]).

Изъ говоровъ отдѣльныхъ мѣстъ Вятской губ. мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Вятскаго у. (сс. Вожгальское и Верхобыстрицкое) отмѣчены: мягкое *ц* вм. *ч* и на оборотъ, *ё* въ бу́дётъ, со тыё воды, ста́рыё старухи, даже жони́дьба, *и* изъ *е* въ сти́ра́ть, ти́бе, ми́ня, *ш*што́, *е* изъ *я* не только въ взе́ть, загуле́ли, пре́ницьки, но и въ взела́, везе́ла́лъ, по́есъ, *и* изъ *ѣ* въ кли́ть, зди́сь, *я* въ дря́во, твердое двойное *ш*: тёшша, форма род. на ова, тв. ед. съ ма́терьёвъ, дат. мн. ко дверьми, тв. мн. на *мъ*, дат. и тв. мн. *имя́*, 1 л. ви́дю [2]).

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о*, близкаго къ *у* (пу́пикъ=попикъ, була́то), *ё* изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *г*, *к* даже въ *о*: могошь, моготь, моготе (=можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *ц* и «нерѣдкаго», *ц* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ѣ*: кли́ть, сви́чи, ни́ть, *е* изъ *я*: те́нётъ, пе́ть, даже: *е*зы́къ, везя́ть, ме́сно́й, твердое двойное *ш*: о*шш*о, пе*шш*о́ра, откуда простое *ш*: *ш*ока =щека, формы род. на ова, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ: ходитъ ногамъ, купилъ сукно дитьми, подошолъ къ нами, формы твор. мн. *имя́* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: съи́сти (=съѣсть), ф. неопред. накл. пе*кч*и, ф. сравнит. степ. на *яе*, мѣстоименіе *што* и *що*. Сверхъ того: мягкое *ц*: *ц*юю, *с* вмѣсто *ш* передъ *н*: молосной, *мм* вм. *бм*: омманъ, иногда твердое *л* передъ *н*: колоколна, формы дат.-мѣстн. дочере́, матере́, лошаде́, пече́, ф. 1 л. ед. колотю, вредю, пустю, бросю, можу [3]).

Въ говорѣ Кайгорода мѣстоименіе *что* звучитъ *чо* [4]).

Говоръ Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣстъ) имѣетъ очень закрытое *о*: оцюнно, частую мѣну *ц* и *ч* (*ц*юю, *сц*ссье=счастье, молодица, лючки=людски), частое *и* вм. *ѣ* пе́редъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: ди́вки, кли́ть, си́сь=сѣсть, нельзи́, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: опе́ть, бреча́ть (но: бря́кнуть), це́ю (=чаю), спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: ти́бе́, ци́во́, стяженіе гласныхъ: ба́тъ. ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: зъ боронамъ, по лугами, ф. 3 л. безъ *тъ*, «если передъ *тъ* должны быть два гласныхъ»: тоскуё, цюё, мѣстоим. *што* и *що*. Сверхъ того, ф. 3 л. возвр. з. чу́ечча, любу́ечча и т. п. [5]).

---

[1]) Братчина, Спб. 1859, стр. 277 слѣд.

[2]) Матеріалы въ архивѣ И. Р. Геогр. Общ.

[3]) Календарь Вятской губ. на 1892 г.;—Куропчевъ. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

[4]) Кал. Вятск. г. на 1892 г., стр. 211.

[5]) Календарь Вятской губ. на 1880 г. Составилъ Н. Спасскій.—Будде отмѣ-

Говоръ Котельнича и его уѣзда имѣетъ *ч* вм. *ц* (о *ц* вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. руга*ешша*, брани*шша* и т. п., ф. неопред. н. на *ти*: говори*ти*, мѣстоим. *штё* [1]). Сверхъ того (с. Вознесенское): *и* изъ *ѣ* въ *ји́дямъ* (=ѣдемъ), *сри́тиньска во́лось*, *е* въ *петь*.

Въ одномъ говорѣ Орловскаго у. (с. Истобенское) всѣ шипящіе мягки; еще: *ё* въ *тожё*, до самоё Вятки; мягкое *к*: верьшь*кёфъ* (род. мн.); *х* вм. *в* въ ф. род. мн.: това́рохъ, и въ предлогѣ *въ*: *хъ* Полянахъ; стяженіе гласныхъ: воро́чяшь, протяга́шь, при перест*аа*мъ, 1 л. мн.; ф. род. ед. одно́, безъ *в*, тв. мн. на *мъ*; мѣстоименіе *штё*. Въ другомъ (подъ г. Орловомъ) отмѣчено: Орло́*ўо*, на *лышадя́хъ*, *болшой*. Въ одномъ говорѣ Нолинскаго у. (с. Нема) отмѣчено: *ц* (мягкое) вм. *ч* и на оборотъ и звукъ средній между *ц* и *ч*, глухое *ы* изъ *о*: го́рытъ (=городъ), пывезў, ассимиляція гласныхъ: зна*а*тъ, зна*а* (3 л. ед.), формы дат.-тв. мн. *имя́*, 3 л. ед. и мн. безъ *тъ*: гыворя́ (мн.), пывезу́. Въ другомъ говорѣ (д. Грязево, волость Пужинская): спорадическое открытое *о*: во́*лось* (=волость), *ё* и *и* изъ *е* безъ ударенія: будётъ, другіё (им. мн.), но́ньци, дэ́*с*ить, *и* изъ *ѣ* въ нед*и́*ля, ассимиляція гласныхъ въ быва́*а*тъ (3 л.), робо́та*а*тъ. Въ четвертомъ говорѣ (д. Бабики, подъ г. Нолинскомъ): *е* изъ *я* въ *петь*, *и* изъ *ѣ* въ *нитъ*, мягкое *к* въ *толькя*, ф. тв. мн. съ лентам*ъ*, 3 л. мн. говор*я́*; мѣстоименіе *щё* [2]).

Въ говорѣ Уржумскаго у. отмѣчены: рѣдкое употребленіе *ц* вмѣсто *ч* и на оборотъ, частое *ё* изъ *е*: ля́гитё, по́лё, э́дакіё воры, спорадическое *и* изъ *ѣ*: здись, сникъ (=снѣгъ), *е* изъ *я* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.): бречё́ть, горе́чь, дя́дя, вэ́знуть, гре́зной, до́чке (изъ до́чкя; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ *я* вм. *е*: ля́хче), твердое двойное *ш*, мягкое *к*: клюкя, во́йскё, го́рькё, губе́рскёй, то́лькё, крючо́къ, крючкёмъ, двойное *м* вм. *бм*: оммо́рокъ, омме́нъ (=обмѣнъ), спорадическое *с* вмѣсто *ц* и *ш*: сарь (=царь), половиса, списъ (=спишь), формы род. ед. мене́, дат. мн. имя́ (=имъ), къ лошадя́ми, мѣстн. ед. фъ косте́, фъ грезе́ (=въ кости, въ грязи), неопред. н. да́ти, ходи́ти и т. п., бехчи́, жехчи́, сравнит. ст. на *яе*, мѣстоименіе *штё* (рядомъ по-*шчо*). Стяженіе гласныхъ рѣдко: дела́ётъ, зна́ётъ, копеёкъ [3]).

О говорѣ Сарапульскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ

тиль въ Глаз. у. (с. Лима) *у* въ коро*у* (род.), при рублё*фъ*, твердое *л*: *болшо*, и ф. род. ед. у *ко* (=кого).

[1]) Этнограф. Сб., V, стр. 88—89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: «языкъ — есть чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо».

[2]) Уч. Зап. Каз. Ун. 1896 г., № 10, стр. 31—32, ст. Будде.

[3]) Магницкій, Особенности русск. говора въ Уржумск. у. Вятск. губ. Казань, 1885. Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ *о* не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *а*: *харомы*, *карова* (?). Кал. Вятск. г. на 1892 г., 235.

есть *и* вм. *ѣ*: в*и*сь (=вѣсть), *е* вм. *я* (крич*е́*ть), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. им*я́*=имъ [1]).

Говоръ Малмыжскаго у. имѣетъ «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великорусскихъ». Отмѣчено *с* вм. *ц*: *сэ*рква, *сэ*ловальникъ [2]).

О говорѣ ветлужскаго края наши свѣдѣнія крайне скудны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *ц* вм. *ч* [3]), что ему свойственно стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, заиндев*е*тъ (= -вѣетъ), так*а* тростычка [4]), что подъ г. Ветлугою *ц* мягко, есть *и* изъ *ѣ* (п*и*сьня, но д*е́*виця) и *е* изъ *я* (оп*е*ть), при формахъ тв. мн. на *мъ* [5]). Въ говорѣ Варнавинскаго, Ветлужскаго и Кологривскаго у. Костромской губ. отмѣчены лишь *ц* вм. *ч* и *в* вм. *л*: мо*в*чать [6]).

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится *ё* изъ *е* безъ ударенія: ви́тёръ, тоску́ётъ, ва́ш*о*, куда́ ж*о*, *и* вм. *ѣ* передъ мягкими согл.: с*и*ть, полет*и́*ли, безд*и́*льникъ, даже: одол*и́*ла, *е* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: п*е*ть, па́м*е*ть, хоз*е́*инъ, п*е*тно́, вз*е*ла́, стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, зн*а*тъ, зн*а*мъ, твердое двойное *ш*: *шшо*ка́, ф. род. на ов*о* и ов*а*, ф. твор. *имя́* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *е* безъ ударенія (спорадически): н*и*ди́ля, в*и*дёте, т*и*бе́; мягкое (иногда) *ц*; ф. 2 л. ед. возвр. з. берё*шша* и т. п.; остатки формъ члена: мужыка́-*то*, мужыку́-*ту*, мужыки-*те*, о мужыка́хъ-*ту* [7]).

Говоръ г. Чердыни и Чердынскаго у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я*, стяженіе гласныхъ, твердое двойное

---

[1]) Календарь Вягской губ. на 1880 г., стр. 79.

[2]) Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»). Говоръ подъ Царевосанчурскомъ—«протяжный на букву *а* (свысока)», т. е. акающій? Кал. Вятск. г. на 1893 г., стр. 259.

[3]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенныя изъ Тульской губ., акающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходитъ неровность въ рѣчи, весьма непріятная для слуха».

[4]) Графъ Н. Толстой. Заволжскіе очерки. М. 1857.

[5]) На основаніи сообщенія г. Ястребова. Даль указываетъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *ц*: *цяриця*.

[6]) Матеріалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Спб. 1861, стр. 498.

[7]) Матеріалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборникѣ, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева.

ш, ф. род. на ова, дат.-мѣстн. гъ дочере́, на еле́ (на ели), твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: столами дубо́вымя, фсемя́ городами (даже: цвето́чкимя аленькимя), 1 л. ед. злетю́ (=взлечу́), неопр. н. легчи́. Сверхъ того, *и* вм. *е* безъ ударенія (изрѣдка): *ишо́* (=еще) [1]).

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *ля*: добря́ля, и мѣстоименіе *чо* или *цо*.

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: будли́вая, клубу́къ), что *и* можетъ быть на мѣстѣ *ѣ* [2]) и что *с* въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *ц*: улиса, сарь, а губныя *п* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучатъ твердо: корапъ, любофъ.

Въ говорѣ Екатеринбургскаго у. (д. Черноусова) отмѣчено: *у* изъ *о*: на усобицу, *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными: си́ни, засви́чивать, даже: неви́стушка, *е* изъ *я*: ребина, чуженинъ, тресла, *и* изъ *е* безъ ударенія: клино́вой (при клинъ-дерево), дубовинькой, ищо, стяженіе гласныхъ: свому́, быва́ть, *с* изъ *ц*: лисо́, кольсо́, сарь, молодесъ (при мягкомъ *ц*: се́рця, луцёкъ=лучокъ), формы род. на ова, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на за́воде, тв. мн. на *мъ*, сравн. ст. свѣтлѣ; мѣстоименіе *чо*. Сверхъ того: въ говорѣ Кыштымскаго завода: заѣждяй; въ говорѣ Уткинскаго завода: ишто́ (еще), ф. 2 л. возвр. з. добьешша [3]).

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: мѣна *ц* (мягкаго) и *ч*: ви́ця и ви́ча, стяженіе гласныхъ: бе́гать, бе́гамъ, твердое двойное *ш*: шшока́, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.: за губа́мъ, формы дат. мн. имя́, емя́, фсемя́ (=имъ, всѣмъ), формы род. фсе́ихъ, дат. фсе́имъ и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ [4]).

Въ говорѣ Богословскаго завода (Верхотурскаго у.) отмѣчено: алѣетца, дивья красота, улиса, платьисо, товаришшы, ф. 2 л. возвр. з. заглядишша.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цыльма) *о* «иногда какъбы приближается къ короткому *у*»: пушо́лъ думо́й; *ё* изъ *е* безъ ударенія не особенно часто: са́жонъ (род. мн.), зна́ётъ, зна́ёшъ, но: беру́, несу́, бе́рекъ (=берегъ); *ц* (мягкое) вмѣсто *ч* какъ-будто постоянно: цяша, цюдо, а *ч* вмѣсто *ц* или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; *и*

---

[1]) Даль отмѣчаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. н. на *ти*: ходити.

[2]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

[3]) Шишонко, Отрывки изъ народнаго творчества Пермской губ. Пермь, 1882. Даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ слышится (равно какъ и въ Верхотурьѣ) *ф* вм. *х*: добрыфъ.

[4]) Вѣстн. И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г.

вмѣсто *ѣ* спорадически: мн*и*, тоб*и́*, на столѣ́, фъ го́род*и* (но: свѣтъ, свѣ́цька, свѣ́телъ); *е* изъ *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: дѣ́дя, зеть, фсяка фсѣ́цина, благословлѣ́ть, свѣто́й, сѣ́дуть (=сядутъ); стяженіе гласныхъ: зна́тъ (но: моего и т. д.); двойное *ж* иногда твердо: до*жжу́*, до*жжо́*мъ; *ф* въ концѣ словъ всегда твердо: любо́*фъ*, кро*фъ*; формы твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*: бѣ́лы*ма* рука́*мы*, шырок*има* река́*мы*; ф. 3 л. ед. безъ *тъ*: несё (рядомъ: несёт*ъ*); ф. возвр. з. на *сѣ*; остатки формъ члена: хлѣ́бо-*тъ*, каша-*та*, ма́сло-*то*, кашу-*ту*, в-избушки-*ты*, кони-*ти*; мѣстоименіе *цё* (=что). Сверхъ того: *ѣ* произносится «значительно мягче *е*»; формы род. ед. сохраняютъ древнее *г*: до́брого, твоего [1]).

О цокающихъ говорахъ южнаго Пріуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ очень мало извѣстна. Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашего цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской, Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу въ словарномъ матеріалѣ [2]). Лишь немногіе изъ нихъ, сѣверно-сибирскіе, выработали себѣ подъ вліяніемъ инородческихъ языковъ новыя черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышеніе и пониженіе голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туруханскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. «Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч*, *ш*, *ж*, *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *рл*: посолъ, осень,

---

[1]) На основаніи сообщенія Ѳ. М. Истомина. Онъ замѣчаетъ: «рѣчь произносится довольно быстро, какъ-бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ реченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдь* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальною рѣчью)». Примѣры: масло-то однако, парень, я и позабылъ вѣть. Цяшу-ту потъ кашу-ту хошь взялъ ли? Цяшу-ту взялъ да; масла-то набъ было взеть да. Цё ино́! Инъ правда твоя.

[2]) «Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгузски. А на низу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе и не говорятъ по-русски, а по большей части говорятъ на мѣстныхъ инородческихъ языкахъ... Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчіи изъ 66 словъ число мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остяцкихъ и тунгузскихъ и словъ 8 финнскихъ, употребляемыхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчіи». Извѣстія Сибирск. отд. И. Русск. Географич. Общ., т. III (1872), стр. 189—190, ст. Щапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ея языкѣ въ частности см. еще «Этнографическіе очерки Сибири», Анучина, въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

больсой, зарко, мерла (=мѣра), альсынъ [1]). «Всѣ коренные жители Нижнеколымска картавятъ», замѣняя *р* и *л* черезъ *j* и мягкое *т* черезъ *ч*: иба=рыба, ёмъ=ромъ, юди=люди, тепей=теперь, пьиехаи=пріѣхали, чеё=тѣло, чеёнокъ=теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова, употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе» [2]). «Въ Обдорскомъ краю замѣчается то же явленіе. Но такъ какъ обдорское населеніе состоитъ большею частью изъ сравнительно недавнихъ пришельцевъ, то оно не такъ распространено и не такъ рѣзко выражено, какъ въ Туруханскомъ и Колымскомъ краяхъ. Сюсюканье встрѣчается лишь у природныхъ Обдорянъ, и то не у всѣхъ». Они имѣютъ и *л*, и *р*, но смѣшиваютъ свистящіе и шипящіе (даже *жо*лото, *ж*убы). «Сюсюканье, или сладкоязычіе есть явленіе, общее всѣмъ сѣверно-сибирскимъ поселеніямъ. Оно усиливается по направленію къ востоку и сѣверу» [3]).

Изъ говоровъ западной Сибири мы имѣемъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Усть-Ницынскаго, Тюменскаго округа, Тобольской губ. Отмѣчено: *ч* «иногда» вм. *ц* и *с* «почти всегда» вм. *ц*: улиса, сэрьква, молодесъ, *и* «часто» изъ *ѣ*: ви́рить, звирь (*ѣ* въ вѣра, бѣсъ произносится «правильно»), твердое двойное *ш*: дружы́*шшо*, *шшу*ка, и наконецъ «самая типичная особенность»—«средній звукъ между *в* и *у*» (т. е. *ў*?) на мѣстѣ твердаго *л* въ концѣ и серединѣ словъ: бра*ў*, ходи*ў*, па*ў*ка Остатки формъ члена: домо-*тъ*, дома-*та*, дому-*ту*, домомъ-*то*, дома́-*те*, домовъ-*то*, домамъ-*те*, домами-*те*, о домахъ-*то*; вода-*та*, воды-*то*, водѣ-*то*, водой-*то* [4]).

Говоръ большаго села Самарова, Тобольскаго округа, повидимому, сильно подвергся вліянію литературнаго языка, и въ немъ остаются лишь остатки прежнихъ особенностей. Отмѣчено: *и* вм. *ѣ* въ си́ти, си́ни, ви́никъ, изуви́чить, наді́ятца, но обыкновенно *ѣ*=*е*; *е* изъ *я* въ опе́ть, ме́чикъ, де́веть, ты́сеча, запрега́ть, чехо́тка, но: пять, грясь, виля́ть; *с* въ сара́пать; твердыя двойныя *ж* и *ш*; *вв* и *мм* вм. *бв*, *бм*: овводи́ть, омма́нъ; стяженіе гласныхъ: зна*м*ъ, игра*м*ъ; формы род. на ова, тв. мн. те*мя* людьми,

---

[1]) Тамъ же, стр. 190.

[2]) Тамъ же, стр. 162.—Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г., стр. 16.—Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Восточно-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

[3]) Бартеневъ, На крайнемъ сѣверо-западѣ Сибири. Спб. 1896, стр. 20;—Жив. Стар. 1894 г., I, ст. Бартенева. О кяхтинско-маймачинскомъ яз. мы считаемъ излишнимъ распространяться: онъ не принадлежитъ къ числу русскихъ говоровъ.

[4]) Жив. Ст. 1894 г., I. «Пѣвучесть и растянутость произношенія», говоритъ наблюдатель, вызываютъ насмѣшки со стороны сосѣдей, которые имѣютъ «особую интонацію».

худы*мя*; сравнит. ст. скор*я́*, сильн*я́*; остатки формъ члена: титьку-*ту*. Сверхъ того: *е* «сохраняется», но т*и*бя, с*и*бя, *и*шшо; ф. дат. и мѣстн. ед. ж. р. и ф. дат. и тв. мн. «правильны» [1]).

Въ юго-западной части Томской губ. говоры разнообразны. Въ Тарѣ и въ другихъ мѣстахъ акаютъ; у казаковъ на Иртышѣ говоръ средній между окающимъ и акающимъ; казаки на Алтаѣ слегка акаютъ; напротивъ, казаки около Петропавловска сильно окаютъ. Отмѣчено: *с* почти всегда вм. *и*: сана́ (цѣна), *я́иса* (въ деревняхъ внутри Томской губ.), формы дат.-мѣстн. ед. на путе́, на лошаде́, горсте́, мѣстн. ед. на те́мъ, на че́мъ, тв. мн. *имя́* (ими), неопр. н. пе*к*чи, ля́*к*чи [2]).

Сверхъ того, мы имѣемъ отрывочныя данныя изъ другихъ мѣстъ западной Сибири. Звукъ *ё* въ бёру́, нёсу́ отмѣченъ въ Ишимскомъ у.; *и* изъ *е* подъ ударе́ніемъ: ли́бедь, дв*и*рь, д*и*нь, т*и*сть, пи́тля, пи́чка, м*и*льница, рядомъ съ *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными,—тамъ же; *с* изъ *ц* («почти всегда»)—тамъ же; мягкое *к* въ Ва́нь*к*я, чай*кю́*—въ Туринскомъ у.; мягкія *ж* и *ш*: *жя*ръ, *шя*гъ, мо*жь*но, то*шь*но—въ Тарскомъ у.; формы у мене́, у тебе́, у себе́—тамъ же; формы 2 л. возвр. з. годи*шша*, брани*шша*—въ Курганѣ. Затѣмъ отмѣчены безъ точнаго указанія мѣста (въ у. Ишимскомъ, Курганскомъ и Тарскомъ, Тобольской губ.): *ѣ* въ м*ѣ*ра, с*ѣ*ра, в*ѣ*съ звучащее «большею частью» какъ наше *е* въ де́нь, с*ѣ*ть, м*ѣ*рь; *ё* въ здоро́вьё, поле́, чи́стоё, мн. ч. дубо́выё, сравн. ст. бѣля́ё; *и* изъ *е* безъ ударе́нія: бу́д*и*ть, ле́б*и*дь, вѣт*и*ръ, прощ*а́йти*; *я* изъ *е*: взя́ть, де́дя, хозя́йка, ядро́, пята́къ; *т* изъ *к* въ т*и́*нуть, т*и*се́ль, и на оборотъ: *ки́*хо, *к*етрать; твердое *ц*; твердыя двойныя *ж* и *ш*; *мм* изъ *бм*: о*мм*анъ; стяженіе гласныхъ; формы тв. мн. на *мг* и на *мя*: добры*мя* людьми, фсе*мя́*, дат. мн. *имя́*, возвр. з. на *се*; сравнит. ст. на *яя*, *яе*, *яё*, *я* (скоря) [3]).

Наконецъ, мы имѣемъ указаніе, что великорусское населеніе Алтая имѣетъ очень закрытое *о* (отмѣчено *у*пя́ть, *ду*ко́ль, *у*тко́ль), двойное твердое *ш*, стяженіе гласныхъ (поднима*т*ъ), формы род. на ов*а* и мѣстоименіе *чо* (=что) [4]).

---

[1]) Лопаревъ. Самарово, село Тобол. губ. и округа. Изд. 2-е. Спб. 1896.

[2]) Этнографъ. Сборникъ, VI, ст. Потанина. Данныя изъ Томскаго округа (волости Ояшинская, Кайлинская, части волостей Уртомской и Тутальской)—въ Живъ Ст. 1895 г., III—IV. Говоръ акающій (старики акаютъ замѣтно сильнѣе, чѣмъ молодые), но главныя особенности—окающихъ говоровъ: *с* часто вм. *и*, стяженіе гласныхъ: зн*а*ть, крутящ*а* гора; ф. тв. мн. *имя*, 1 л. носю, косю, шутю; мѣстоименіе *чё*.

[3]) Изв. отд. р. яз. и сл. Ак. Н. 1896 г., III.

[4]) Вѣсти. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 106—108;—Журн. Мин. Нар. Пр. 1894 г., № 5, стр. 65. Гуляевъ о говорѣ населенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же, что въ сѣверо-восточныхъ частяхъ европейской Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха... по самой интонаціи,

Говоръ, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири: въ Иркутскѣ, въ низовьяхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря; всѣ жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *ц* и *ч*, *о* звучитъ очень закрыто (отмѣчено даже: ну́ги=ноги, на ту́й стороне, ду́ле =доле, подгу́рье), нерѣдко *и* вм. *ѣ*: хлибъ, переи́халъ, и *е* вм. *я*: опе́ть; встрѣчается *и* вм. *е* и на оборотъ: симь (=семь), шале́ть (=шалить), бре́тца (= бриться); «повсемѣстно» *в* вм. твердаго *л*: быва (=была), вошка (=ложка; въ нѣсколькихъ словахъ?); *т* вм. мягкаго *к*: тину (=кину), рукавичти, речте (=рѣчкѣ; въ нѣсколькихъ словахъ?); *нн* вм. *дн*, *кн*: ланно, три нни (=дни), сунно (=сукно); *вв* вм. *бв*: овводи́ть, овварно́й; *с* вм. *ш*: пасня, сесть (=шесть), наси (въ нѣсколькихъ словахъ?); *х* вм. *ф* въ формахъ род. мн.: изъ мешкохъ, прутьёхъ; формы дат.-мѣстн. на *ы*, род.-дат.-твор.-мѣстн. на *ей*: съ тей жоной, съ какей стороны, въ однéй шкуре; ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ: съ рукамъ, по людьми, дат. и тв. мн. имя́, неопр. н. бекчи, мокчи (=мочь), взясть (=взять), гнасть, достасть, слячча (=шляться), сравн. ст. на *ле* [1]).

О смѣшанномъ и сильно пострадавшемъ отъ вліянія инородцевъ говорѣ Верхоянскаго округа Якутской губ. мы имѣемъ немного данныхъ. Въ немъ есть случаи аканья: чаво́, сабе́, тапе́ръ, рядомъ съ первуё ме́сто, ка́мушёкъ, случаи *и* изъ *ѣ*: ни́ту, *е* изъ *я*: опе́ть, *с* изъ *ц*: саръ, серква (при мягкомъ *ц*), *в* изъ *л*: вывомать, твердое *р*: царъ, моро, пратать, твердые гортанные въ могóмъ, (1 мн.), волоко́тъ, стяженіе гласныхъ: знашъ, робе́шъ; формы род. мн. отъ песцёхъ, лисицёхъ, медведёхъ; тв. мн. съ нима́, съ этима людьми, 1 л. сердю, неопр. н. легчи,

---

похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Пам. нар. яз. и словесн. при Изв. Ак. Н. II)

Рядомъ съ Великоруссами на Алтаѣ живутъ говорящіе по-бѣлорусски раскольники изъ Вятки и Черниговской губ., извѣстные у сосѣдей подъ названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Записки Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. II, Омскъ, 1880, стр. 97).

[1]) Извѣстія Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., IV, Иркутскъ, 1873 г., ст. Ровинскаго. Авдѣева говоритъ объ Иркутскѣ: «кто пріѣдетъ прямо изъ Москвы или Петербурга, .. его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣчанія о Сибири, М. 1837, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто русскіе, и если бы не противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркутскихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти возвышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на *о*—чрезвычайно непріятны, особенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что такой выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается областная грубость аксана» (Отеч. Зап. 1848 года, т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ», стр. 131).

лягчи; остатки формъ члена: ѳъ кать-*ту* (кадь), ноги-*те*, святымъ-*те*, косами-*те*. Въ синтаксисѣ этого говора рядъ своеобразныхъ чертъ; напримѣръ, предлогъ *къ* въ немъ не всегда употребляется: пришолъ этому мору, пришолъ медведямъ [1]).

---

[1]) Верхоянскій Сборникъ, стр. 238 сл.

II. Бѣлорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ бѣлорусскаго нарѣчія съ языками литовскимъ и польскимъ и съ нарѣчіемъ великорусскимъ. Граница его съ нарѣчіемъ малорусскимъ можетъ быть опредѣлена лишь условно [1]): если мы тѣ переходные говоры, которые имѣютъ вмѣстѣ бѣлорусскія аканье и дзеканье и сѣверно-малорусскіе дифтонги, отнесемъ къ числу бѣлорусскихъ, а тѣ, въ которыхъ, при малорусскихъ дифтонгахъ, слышится или только аканье, или только дзеканье,—къ числу малорусскихъ, то южная граница бѣлорусскаго нарѣчія будетъ нами проведена приблизительно по серединѣ Черниговской губ. [2]) и по теченію Припети въ

---

[1]) Смотри карты Риттиха и Кояловича (при «Лекціяхъ по исторіи западной Руси»). Микуцкій въ своемъ «Отчетѣ» говоритъ: «Границы бѣлорусскаго нарѣчія довольно вѣрно обозначены Шафарикомъ въ его извѣстномъ «Славянскомъ народописаніи». Нужно только прибавить, что часть Смоленской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Порѣцкій, и часть Черниговской губ., по крайней мѣрѣ уѣздъ Суражскій, должно причислить къ бѣлорусскому говору. Часть Гродненской губ., а именно уѣзды Брестскій, Кобринскій и отчасти Пружанскій, а также Пинскій уѣздъ Минской губ., принадлежатъ къ южнорусскому, или малорусскому говору.» Извѣстія Ак. Н., IV, 110 слѣд.

[2]) «Малороссіяне, составляя почти $^2/_3$ всего населенія губерніи, сплошною массою заселяютъ уѣзды Конотопскій, Борзенскій, Нѣжинскій, Козелецкій, юго-восточную часть Остерскаго, степную Сосницкаго и наконецъ южныя части Черниговскаго, Кролевецкаго и Глуховскаго... За рубежемъ черноземной полосы, къ сѣверу, поселенія Малороссіянъ встрѣчаются лишь какъ весьма рѣдкія исключенія.» Малороссы «всѣхъ живущихъ къ сѣверу отъ нея (р. Десны) вообще называютъ Задесенцами и и считаютъ ихъ Литвинами, не смотря на то, что въ такъ называемомъ Степкѣ, Сосницкаго уѣзда, преобладаетъ чисто южнорусскій типъ.» Календарь Черниговской губ. на 1887 г., стр. 679—680.—«Чистый типъ Бѣлорусса въ полной силѣ является только въ уѣздахъ Мглинскомъ, Суражскомъ, Новозыбковскомъ, Стародубскомъ и отчасти Городненскомъ.» Матеріалы для географіи и статист. Россіи. Черниговская губ., стр. 533.—«Уже около Глухова и Кролевца попадаются то небѣленыя избы, то телѣги съ двумя узкими досками по бокамъ, то волъ, запряженный товарищемъ съ лошаденкой...; но нарѣчіе въ этой мѣстности все еще носитъ рѣзкій отпечатокъ малорусскаго. Сѣверные же уѣзды Черниговской губ. принадле-

предѣлахъ Минской губ., то южнѣе Припети (въ Мозырскомъ уѣздѣ), то сѣвернѣе (въ Пинскомъ) [1]), а западная—почти по серединѣ Гродненской губ. [2]).

Бѣлорусское нарѣчіе—не болѣе, какъ третье, западное, или акающе-дзекающее поднарѣчіе великорусскаго нарѣчія, наиболѣе близкое по своимъ особенностямъ къ южно-великорусскимъ сильно акающимъ говорамъ. Оно отличается отъ южно-великорусскаго поднарѣчія слѣдующимъ.

Неударяемое *у* можетъ не составлять слога: *ўда́рыць* (два слога), и приближаться къ *в*, даже переходить въ *в*: *вда́рыць*.

Древнее (=орѳографическое) *в*, какъ твердое, такъ и мягкое, передъ согласными (въ ихъ числѣ и *j*-мъ) и въ концѣ словъ обыкновенно (не всегда) звучитъ какъ *у* не составляющее слога: *ў* томъ, дзе́*ў*ка, здаро́*ў*я (=здоровье), кро́*ў*ю (=кровью), Пятро́*ў*; это *ў*, находясь послѣ гласныхъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними составляетъ одинъ звукъ-дифтонгъ. Предлогъ-префиксъ *въ* можетъ переходить въ *у* составляющее слогъ: *у* томъ (два слога), или даже въ *ув*, *уво*: *ув* аўсе́ (=въ овсѣ), *уса* сне́ (во снѣ). Еще отмѣтимъ: *уве́сь* (=весь), *ўся́* и *уся́* (=вся).

Древнее (=орѳографическое) твердое *л* въ серединѣ словъ передъ согласными [3]) и въ концѣ формъ прошедшаго времени обыкновенно звучитъ также какъ *у* не составляющее слога, образуя вмѣстѣ съ предъидущими гласными одинъ звукъ-дифтонгъ: во*ў*къ (=волкъ), то*ў*стъ, во́*ў*на, спа*ў* (=спалъ), ишо́*ў* (=шолъ), бы*ў*.

жатъ къ ней только административно: въ нихъ начинаетъ развертываться передъ вами Литва.» Русскій Вѣстникъ, т. 46, стр. 192, ст. Ковальскаго.

[1]) «Сѣверо-восточная часть Пинскаго уѣзда, гдѣ на географическихъ картахъ обозначены деревня Хотыничи, Бобрикъ, Малковичи, Лунинъ, Богдановка и друг., есть едва ли не самая скудная и мало населенная мѣстность Минской губ... Жители составляютъ переходъ отъ бѣлорусскаго племени къ малорусскому. Этимъ они отличаются отъ своихъ сосѣдей. Переходъ этотъ замѣчается яснѣе всего въ выговорѣ, который почти въ каждой деревнѣ особый». Такъ, напримѣръ, въ деревнѣ Хотыничахъ, первой по тракту изъ Минска въ Пинскъ, говорятъ х*адзили*, въ слѣдующей деревнѣ, Бобрикѣ,—х*одили*, еще далѣе, въ Плоскиняхъ,—ход*ылы*. Памятная книжка Виленскаго генералъ-губернаторства на 1868 г., Спб. 1868, стр. 63, ст. Быковскаго.

[2]) «Заблудовское нарѣчіе, на которомъ говорятъ... живущіе въ 40 деревняхъ вокругъ м. Заблудова,—рѣзко отличается.... отсутствіемъ измѣненія буквы *о* на *а*. Это какъ-бы переходный типъ отъ бѣлорусскаго къ малороссійскому. За рѣкою Наревъ уже нѣтъ измѣненія буквы *д* на *дз*, свойственнаго бѣлорусскому языку, и вообще въ Бѣльскомъ уѣздѣ языкъ замѣтно отклоняется отъ бѣлорусскаго, переходя въ малороссійскій, которымъ говорятъ Надбужане.» Бобровскій, «Можно ли одно вѣроисповѣданіе принять въ основаніе племеннаго разграниченія Славянъ западной Россіи» (изъ Русскаго Инвалида 1864 г.), стр. 31—32.

[3]) Немало исключеній (подъ вліяніемъ аналогіи): пчолка, кабылка, маhилка, hарэлка.

Гортанное *г* звучитъ всегда какъ латинское *h*. Звукъ *g*—только въ полонизмахъ и германизмахъ.

Древнія мягкія *д* и *т* передъ гласными и въ концѣ словъ въ большей части говоровъ звучатъ какъ очень мягкія *дз* и *ц*, изъ которыхъ *дз*—одинъ звукъ-дифтонгъ: *дз*етъ (=дѣдъ), *ци́*ха, би*ць* (=бить). Древнія *д* и *т* звучатъ какъ *дз* и *ц* также передъ мягкимъ *в*: *дз*ве, *дз*веръ (=двѣ, дверь), *ц*вярдзи́ць, ча*ц*вёртый (=четвертый). Группа *ждз* обыкновенно переходитъ въ *ждж*: *ждж*и (=жди), *ждж*ець (=ждетъ), бар*ждж*е́й (=борзѣе) [1]).

Древнее мягкое *р* въ значительной части говоровъ звучитъ твердо: за*ра́*, ha*ру́*, ha*рэ́*ць, ha*ры́*ць (=заря, горю, горѣть, горитъ), ца*ръ*.

На мѣстѣ нашихъ сочетаній мягкихъ согласныхъ съ *j* въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышатся двойные мягкіе согласные: вясе́*лля* (=веселье), со́*ллю* (=солью, твор. ед.), сви*ння́*, су*дзъдзя́* или су*дъдзя́*, пла́*цьця* или пла́*тьця* (=платье), даже иногда пе*рря* (=перье), откуда могутъ быть простые мягкіе согласные: вясе́*ля*, сви*ня́*. Но: *бъ*ю, *пъ*ю и т. п., при *ллю*.

Шипящія *ж* и *ш* звучатъ всегда твердо. Шипящее *ч* также, повидимому, звучитъ тверже, чѣмъ у насъ: *чы*, рэ*чы*нька и т. п. Мѣсто нашего двойнаго мягкаго *ж* въ большей части бѣлорусскихъ говоровъ занято твердою группою *ждж*: пая*жджа́*й.

Свистящее *ц* изъ древняго *ц* и изъ *ч* звучитъ твердо: *цэ*пъ, и ясно отличается отъ *ц* изъ древняго *т*.

Звука *ф* въ значительномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ совсѣмъ нѣтъ; его мѣсто въ заимствованныхъ словахъ занято или *х*, *хв*, или *п*: Хранцу́съ, *Хвё*даръ, *хво́*ртка, тра́*п*лю, *пля́*шка, *П*пли́пъ.

Древніе (=орѳографическіе) звонкіе согласные въ концѣ словъ звучатъ какъ соотвѣтствующіе глухіе (кромѣ *в*): дру*х*ъ, мядзве́*ць* (=другъ, медвѣдь); при этомъ наши мягкіе губные звучатъ твердо: кара́*бъ*, се*мъ* (=семь).

Изъ формъ мы должны отмѣтить: формы имен.-вин. ед муж. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *ый* или *ы*, на *ій* или *и*, на *эй*: сляпы́*й* или сляпы́ или сляпэ́*й*, друhи́*й* или друhи́ или друhе́*й* (=другой); но той (=тотъ, рядомъ съ тэй), сей. Рядомъ формы им. ед. и род. мн. существительныхъ на *ей*: салав*ей*, hасьце́*й*.

Формы мѣстн. ед. муж. и ср. р. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть съ древними свистящими: на паро́*зи*, на*зе́*, ру*цэ́*, са*се́* (=ногѣ, рукѣ, сохѣ), доч*цы* или доц*цы*, хазяюс*цы*; рядомъ (въ сѣверныхъ говорахъ): на паро́*hи*, ру*ке́*, са*хе́*, до́*чки*.

---

[1]) Бѣлорусское *ц* (изъ *т* мягкаго) по своему звуку нѣсколько отличается отъ великорусскаго: тогда какъ въ великорусскомъ *ц* обѣ его части—*т* и *с*—протягиваются равномѣрно, въ бѣлорусскомъ вторая часть *ц*—*с*—протягивается больше первой. Журн. М. Н. Пр. 1890 г., № 11, стр. 178, ст. Карскаго.

Формы дат. и мѣстн. мн. на *ёмъ*, *ёхъ*: людзёмъ, hасьцёмъ, касьцёмъ, людзёхъ и т. д. (рядомъ: на *ямъ*, *яхъ*).

Формы род.-вин. мяне́, цябе́, сябе́, дат.-мѣстн. табе́, сабе́.

Формы род.-вин. на *hо́*, *о́hа*, *аhа*: яhо́, сляпо́hа, до́браhа; вмѣсто маяhо́, твяhо́—обыкновенно майhо́ (вмѣсто маямý—маймý).

Формы род. ед. женск. мѣстоименій и прилагательныхъ могутъ быть на *е́*, *ыя*: яе́ (=её), мае́ (изъ моее́), тые́; до́брыя, друhи́я; рядомъ: мае́й (или—въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ говорахъ—мае́й) и т. п. Форма *яе́*—также вин. п.

Формы дат.-твор.-мѣстн. (а иногда и род.) ед. женск. р. прилагательныхъ и мѣстоименій могутъ быть на *эй*: сляпэ́й, тэй; рядомъ: сляпо́й, той, маёй и т. п.

Формы твор. ед. кімъ, чімъ, ўсімъ, тымъ, им. мн. ўси, тыя, род. ўсіхъ, тыхъ, дат. ўсімъ, тымъ и т. д. (рядомъ: ўсе, ўсехъ и т. д.).

Формы мѣстн. ед. канí и т. п., маíмъ и т. п., тымъ (рядомъ: кане́, маёмъ, томъ).

Формы им.-вин. мн. мае́, тваé и т. п. (рядомъ: маí, маiхъ, маiмъ).

Формы 3 л. ед. и мн. на *ть*: вядзе́ць (съ *е*, не *ё* [1]), будзіць; формы ед. ч. могутъ быть безъ *ть*: вядзе́, бу́дзя (но обыкновенно: лю́біць и т. п., вядзе́тца и т. п.); рядомъ: ёсць и ё или е (=есть).

Формы 1 л. мн. могутъ быть на *мо*: будзямо́, е́жма (отъ *ѣсть*, повел. н.).

Формы настоящ. вр. мы́ю, ры́ю и т. п. (=мою, рою), повелит. н. мый, мы́йця, бій и би, би́йця и би́ця.

Формы повелит. накл. съ шипящими на мѣстѣ нашихъ гортанныхъ: испячы, памажы (=помоги) и т. п. Формы неопредѣленн. накл. на *ть* и—рѣже—на *ти*: рабі́ць, рабі́ци.

Формы возвратн. зал. на *ся*: кажу́ся, кажу́сь (но: ка́жытца), изрѣдка на *си*.

Большая часть бѣлорусскихъ говоровъ имѣетъ формы зват. п. на *е*: по́пя, Ива́ня (=попе); нѣкоторые говоры—также формы зв. п. на *у*: ва́тку, сынку, карава́ю.

Нѣкоторые изъ нихъ сохраняютъ древнія формы пм.-вин. двойств. ч. женск. р.: дзве жане́, руцэ́, сасе́ (=двѣ жены, руки, сохи); большая часть ихъ утратила древнія формы двойств. ч. муж. р.: два воўкі́, два дварцы́. Форма род.-мѣстн. отъ *два*—*двох*; рядомъ: *двух*.

Сверхъ того, отмѣтимъ, что въ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ нашего *о* (=древне-русск. ѣ) послѣ *р* и *л* какъ подъ удареніемъ, такъ —

---

[1]) Формы 2 л. ед. и мн. изъявит. н. и 1 и 2 л. мн. повел. н. также съ *е*: вядзе́шъ, вядзе́ця (=ведёте), вядзе́мъ, вядзе́ця (=ведите). Нерѣдко впрочемъ и вядзёмъ, вядзі́це.

чаще — безъ ударенія можетъ быть *ы*: ў крывы́, трысцы́нка, блыха́; что на мѣстѣ нашего *и* въ началѣ словъ можетъ слышаться *и* не составляющее слога (не *j*): *йшовъ*, *йграць*, *йдзе*; что предлоги-префиксы *изъ* и *съ* могутъ звучать какъ *зъ* передъ гласными, передъ *j*, *в*, *л*, *м*, *н*, *р*: *зъ аднаhо́*, *зъ адно́ю*, *зъ ёю* (=изъ одного, съ одною, съ нею), *зварыць*, *зняць*; что предлогъ-префиксъ *съ* можетъ также звучать *изъ*, *исъ*: *изъ адно́ю*, *издзе́лаць*; что мѣстоименіе 3-го лица обыкновенно звучитъ *ёнъ*, *яна́*, *яно́*, *яны́* (на югѣ: *вонъ*, *вана́*, *вано́*, *ваны́*); что формы 2 л. ед. звучатъ *даси́*, *ясі́* (=дашь, ѣшь).

Мѣстоименіе э т о т ъ звучитъ или *е́тый*, или *hэ́тый*.

Словарный матеріалъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ лишь немногимъ отличается отъ словарнаго матеріала сосѣднихъ говоровъ великорусскихъ (*якъ*=какъ, полонизмы); въ южныхъ и юго-западныхъ говорахъ онъ близокъ къ словарному матеріалу малорусскаго нарѣчія [1]).

Бѣлорусскіе говоры дѣлятся на двѣ группы: на говоры 1) цокающіе и 2) не цокающіе.

I. Ц о к а ю щ і е г о в о р ы очень немногочисленны. Они слышатся въ сѣверной полосѣ и въ сѣверо-восточномъ углу бѣлорусской территоріи— въ Витебской, Смоленской и Тверской губ.

Въ смѣшанномъ говорѣ пограничной съ Псковскою губ. мѣстности Себежскаго у., кромѣ *дз* и *ц* изъ *д* и *т*, отмѣчены частое *я* изъ *е*: *ляжу́*, *вядзе́*, *пяке́*, *вме́я* (=умѣетъ), *ня мо́жа*, род.-вин. ед. *цябе́* и *цябя*, род. на *во*: *ницаво́*, рядомъ съ ф. на *го*: *майго́*, 3 л. ед. безъ *ть*: *вядзе́* (съ *е*), *пля́ша*, *хо́дзя*, *лю́бя*, *ва́ря*, рядомъ съ формами на *ць*: *вядзе́ць*, настоящ. врем. *но́я* (=ноетъ), повелит. накл. *пе́йця*. Замѣна *ч* черезъ *ц* постоянна, такъ что звука *ч* нѣтъ: *цы́мъ*, *круцы́на* [2]); встрѣчаются формы твор. мн. на *мъ*: съ *падру́шкамъ*, зъ *гаряцымъ* *слязя́мъ*. На употребленіе въ этомъ говорѣ *ў* изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* въ *вга-*

---

[1]) Лучшій трудъ по бѣлорусскому нарѣчію—«Очеркъ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Карскаго, М. 1886. Краткая, но не дурная характеристика бр. нарѣчія въ «Календарѣ сѣверо-западнаго края на 1889 г.», изд. Запольскимъ, М. 1889. Единственный, очень неполный словарь—«Словарь бѣлорусскаго нарѣчія», Носовича, Спб. 1870. О звукахъ бѣлорусскаго нарѣчія писали: Чечотъ во введеніи къ «Piosnki wieśniacze znad Niemna i Dzwiny», Wilno, 1846, Безсоновъ во введеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ пѣснямъ», М. 1871, и Шейнъ въ приложеніи къ своимъ «Бѣлорусскимъ народнымъ пѣснямъ», Спб. 1874.

Указатель матеріаловъ по бѣлорусскому нарѣчію—статья Ельскаго: Słówko o materyałach służących do badań gwary, etnografii i literatury białoruskiej», въ варшавской газетѣ Chwila 1886 г., №№ 17—23.

[2]) «Читатель, безъ сомнѣнія, замѣтилъ отсутствіе буквы *ч* и замѣну ея буквою *ц*. Эта особенность говора—причина названія цвикуновъ». Пам. книжка Витебской губ. на 1865 г., Спб. 1865 г., стр. 88.

сиць, *вме́я*),также какъ на употребленіе двойныхъ мягкихъ согласныхъ, одного твердаго *р* (отмѣчено рядомъ: *хра*сци́цель и цяпе́*рь*) и *зъ* вмѣсто *съ* (отмѣчено: *свядзе́*, *сни́мя*=сниметъ) [1]).

Въ говорѣ другой мѣстности того же уѣзда (имѣніе Гороватки), кромѣ *дз* и *ц*, частаго *я* изъ *е* (*яму́*, дзяце́й, *сябе́*, *ня* бье́ць, рядомъ съ *и*: цв*и*ты́, п*и*раста́ну), отмѣчены частое глухое *ы* изъ *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: *сыба́ка*, *зыда́ли* (=задали), *пыва́тка* (=повадка), *рыбыта́ць*, *пымыга́ць*, *быя́лись*, *го́лысъ*, рядомъ съ *а*: *харашо́*, *каро́ва*, *маладзе́цъ*, двойные мягкіе согласные: абражэ*нн*я, абли*чч*а, жы*цц*ё, сп*лл*ю (=силью, сплою), частое твердое *р*: *пра́мо*, *грабу́* (=гребу), звя*ры́*, цяпе*ръ* (рядомъ: бя*рё*за, цяпе́*рь* и т. п.), формы им. ед. на *ей*: яке́й, таке́й, друге́й (рядомъ: лихо́й), род.-вин. цябе́ и цибя́, мяне́ и миня́, род. на *во*: цаво́, рядомъ съ ф. на *го*: *яго́*, майго́, до́брыга и т. п., дат. мн. людзе́мъ, 3 л. ед. идзе́ць (рядомъ: вядзе́ць и т. п.), повел. накл. бей, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): мали́ли*си*. Мѣна *ч* черезъ *ц* часта, но непостоянна: *цы́ста*, вя*цэ́рня*, рушни*цо́къ* и т. п. На употребленіе *ў* изъ *у*, *в*, *л* нѣтъ указаній (отмѣчено лишь *в* изъ *у* и *л*); *зъ* вмѣсто *съ*, повидимому, рѣдко. Можно отмѣтить еще: *було́*, *бува́ла* [2]).

Говоръ одной мѣстности Велижскаго у. отличается не очень сильнымъ аканьемъ. Въ немъ *я* вмѣсто *е*: *ляжы́ть*, гр*я*хи́, м*я*не́, н*я* по́йдить, рядомъ съ *и*: н*и*сла́, гр*и*хи́, св*и*та́я, *ј*и*на́* (=она), даже цы*ты́*ри, дянёц*ы*къ; глухое *ы* вмѣсто неударяемаго *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ въ серединѣ словъ (очень часто даже въ слогѣ передъ удареніемъ): п*ы*ха́ть (=пахать), *сысла́ть* (=сослать), *рыспла́катца*, *ў го́рыди*, Ива́н*ы*ва, *я́нгелывъ* (ангеловъ), *сыгряшы́ла*; сверхъ того: до́бр*ы*ю (вин. ед.); *ў* изъ *в* и *в* (?) изъ *л*: да*в*жны́, сысла́*в*ъ; двойные мягкіе согласные: И*льля́*, збавле́*ньня* (но Ма*рья*); *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: *зъ*ядать, *зъ* ме́ртвыхъ; мѣна *ц* и *ч*: *ц*аго́, *ц*асо́*ц*ыкъ, се́р*ч*а, *ч*ерьква. Мягкія *д* и *т* сохраняются: *сяди́ть*, *дянё*цыкъ (однако отмѣчено: а*дзё*жа); мягкое *р*—также: *хрясти́*тиль, *трёхъ*, че́*рь*ква; формы 3 л. ед. обыкновенно съ *ть*. Еще: двойное мягкое *с* вмѣсто мягкихъ *ст*: ми́лы*сьси* (=милости) [3]).

Говоръ другой мѣстности того же уѣзда (с. Узкое) — съ такимъ же аканьемъ (н*я*су́, м*я*не́, з*я*млю́, *сыма́*=сама, п*ы*шла́, м*ыя́*=моя, к*ы*ня́, д*ы*цка́=дочка), съ мѣною *ц* и *ч* (ма́*ц*ыха, жани́*тч*а), съ мягкимъ *р*

[1]) Матеріалы, плохо записанные, въ двухъ Памятн. книжкахъ Витебской губ. на 1865 и на 1866 гг., Спб. 1865—1866, ст. Серебренникова.

[2]) Матеріалы, плохо записанные, въ рукописномъ трудѣ П. Ѳ. Альхимовича (архивъ И. Р. Геогр. Общ.); къ этимъ матеріаламъ очень близки по языку тексты у Шейна, Бѣлорусскія народныя пѣсни (Спб. 1874), стр. 482 слѣд; въ нихъ только *ц* вм. *ч* (рядомъ съ древнимъ *ч*), формы им. ед. бо́*жы* све́тъ, твор. мн. гарацы*мъ* сляза́*мъ*, повел. накл. пиця (=пейте), пайдзе́мъ. Эти тексты, какъ всѣ вообще матеріалы, изданные Шейномъ, записаны не вполнѣ удовлетворительно.

[3]) Бѣлорусскій Сборникъ, Романова, V (Витебскъ, 1891).

(пʼяжа), съ формами 3 л. ед. на *цъ*, но безъ мягкихъ *д* и *т*: придзе́ць. Въ этомъ говорѣ можно еще отмѣтить спорадическое *у* вмѣсто неударяемыхъ *о* и *ы*: пувяла́ (=повела), пумагла́, мужуки́, и *сыйцасъ*=сейчасъ [1]).

Говоръ мѣстечка Усвяты, Витебскаго у., отличается частымъ употребленіемъ *я* вмѣсто *е*: тябе́, пяри́на (но: *лижа́ть*), и глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о* послѣ твердыхъ согласныхъ: мыха́ю, нышла́, у стыга́хъ, у гыспыда́хъ; мягкое *р* сохраняется. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: рукаво́цыкъ, пцо́лка. Отмѣчено рядомъ: *дяви́ца*, пыта́ть и т. п. (часто) и мылыдзе́цъ [2]).

Въ говорѣ деревень Васьковичи и Козловичи, того же у., отмѣчены *дз* и *ц*, всегда твердое *р*, двойные мягкіе согласные (даже пе́рря), формы имен. ед. на *ы*: до́бры. Замѣна *ч* черезъ *ц* непостоянна: цо́рный и чаму́ [3]).

Говоръ неизвѣстной мѣстности того же у., кромѣ *дз* и *ц*, имѣетъ сильное аканье (глухаго *ы* нѣтъ): панаси́ць, па́намъ (твор. ед.), зялёный, нядзе́ля, па на́шаму, бе́лая (=бѣлое); но *и* изъ неударяемаго *е* обычно: дзисятникъ, јина́ (=она), висялу́ха, ду́рынь, на мо́рдзи, до́бри (=добрѣ), назво́льци (=позвольте), скажы́ци; двойные мягкіе согласные (даже: сме́рцю, твор.); мягкое *р*. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта, но не постоянна: ўцо́ра (=вчера), при: ув-аччу (=въ очью); рядомъ съ нею вмѣсто *щ* слышится *шц*: яшцо́ (=еще), прашца́лась. Формы род. ед. ницо́хъ (=ничего), твор. мн. (изрѣдка) на *мъ*, 3 л. на *е* (нерѣдко): нясе́, возвратн. зал. на *си* (изрѣдка): павита́лиси [4]).

Цокающій говоръ Дубокрайской волости, Городокскаго у., имѣетъ, кромѣ *дз* и *ц*, менѣе сильное аканье: бярёмъ, устава́йця (2 л. мн.) рядомъ съ пыказа́ць, кы Христу́, ми́лыспина; двойные мягкіе согласные мягкое *р*; замѣна *ч* черезъ *ц*: цы́стъ, жэ́мцухъ, и на оборотъ: ча́рства. Формы дат.-мѣстн. на *ы*: старань́. Отмѣчено *у* вмѣсто *о*: пубрядў, Бугуро́дзица [5]).

О цокающемъ говорѣ с. Рибшева и другихъ мѣстъ Порѣцкаго у. наши свѣдѣнія очень скудны. Отмѣчено, кромѣ *дз* и *ц*: бярі́, мяня́, сястра́, ня до́лга, яго́, тыго́; ў вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; мягкое *р*; *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* ма́цирью. Замѣна *ч* черезъ *ц* очень часта: ноцъ. Группа *во* замѣнена дифтонгомъ *ўо* въ дўоръ; группы *ов*, *ев*—звукомъ *у* въ крусуа́лася, кукуа́ла, нацуа́ла (=красовалася); группа *ву* утратила *в* въ дзе́ушка, группа *дн* перешла въ *нн*: ранно́й, анні́

---

[1]) Тамъ же, IV, № 49.

[2]) Матеріалы у Шейна, Пѣсни, стр. 74, 146, 166, 177, 216.

[3]) Матеріалы тамъ же, стр. 71, 152, 163. Изъ неизвѣстной мѣстности, съ частымъ *ц* вм. *ч*,—стр. 153.

[4]) Москвитянинъ 1843 г., ч. IV, разсказъ «Гецыки».

[5]) Бѣлорусскій Сборникъ, V, стр. 398.

(=одни). Формы им. ед. на *о́й* (варано́й) и на *ый*, род. на *во* (варано́ва, таво́) и на *го*, род.-вин. мня, цябя, мѣстн. ед. на тэй, 3 л. ед. только на *ть* (ёсь=есть). Сверхъ того, въ этомъ говорѣ важная черта—спорадическія *з* и *с* вмѣсто *ж* и *ш*: за́лко=жалко, зазги́=зажги, ва цузы́хъ людзёхъ, ло́зыцка=ложечка, сацёръ=шатеръ, сярдзе́цуськo [1]).

Цокающій говоръ Поникольской волости, Бѣльскаго у., повидимому, почти тожественъ съ говоромъ рибшевскимъ. Отмѣчено: *дз* и *ц*, двойные мягкіе согласные, аканье (нясѝ, нясу́, нядýжа, жана́; но: крыва́ть=кровать), *ў* вмѣсто *в* и *л* (шоўкъ, даже стоў=столъ) [2]), *ўо́* вм. *во*: дўоръ, *у* вм. *ов*: скуа́ць=сковать, кукуа́ла, *у* вм. *ву*: дзе́ушка, *нн* вм. *дн*: гало́нная, анно́, формы им. ед. на *ы* и на *ой*: я́ры воскъ, свято́й, другой, род. мня́, цябя́, твор. множ. на *мъ*: за драва́мъ, 3 л. ед. на *ець*, возвр. зал. на *ця* (не *ца*): покло́нюцця (3 л. мн.). Замѣна *ч* черезъ *ц*: ру́цка, *цу́ю*, и изрѣдка *ж* черезъ *з*: ло́зацка (=ложечка) [3]).

О цокающемъ говорѣ д. Буланиной, Духовщинскаго у., свѣдѣнія очень скудны. Частое *я* изъ *е*: пяляна́, рябя́та, при: гуля́ить; *дз* и *ц* (рядомъ: гуля́ить и т. п.); двойные мягкіе согласные; мягкое *р*; *ў* вмѣсто *в* и (въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; *у* вм. *ов*, *ыв*: дiуа́лась, цалуа́ла, укруа́ла; *нн* вмѣсто *дн*: ро́нная, анна́; формы им. ед. на *ой*: дарагой, род. маво́ (=моего), при яго́, мѣстн. на даро́ги, 1 л. мн. изъявит. н. аддадзёмъ. Замѣна *ч* черезъ *ц*: ключы́, крыле́цка [4]).

О говорѣ села Пречистаго, того же уѣзда, мы знаемъ лишь то, что въ немъ обычно *ц* вмѣсто *ч* [5]).

Говоръ с. Бобровки, въ юго-западной части Ржевскаго у., имѣетъ очень сильное аканье (*ы* изъ *а*, *о* нѣтъ), съ «грубымъ», т. е. очень открытымъ *а*: *аба*рацiўся, во́ранъ, яго́, вязу́, нядзе́ля, зямля́, тако́я, по́ля (рядомъ *и* изъ *е*: дзире́вня, дзе́риво, мо́ладзицъ, гаво́рьци, 2 л. повелит. н.); *дз* и *ц*; двойные мягкіе согласные (даже Марря=Марья); мягкое *р*. Употребленіе *ў* вмѣсто *у*, *в* и (лишь въ концѣ формъ прош. вр.) вмѣсто *л*; частое *зъ* вмѣсто *съ*, *изъ*: зматрю́, звида́ння, *зъ* ба́ни, *зъ* ле́су, даже звиння́, зме́лась (=свинья, смѣлость). Мѣна *ц* и *ч* часта и взаимна: доцъ, цасъ и ча́рства, ву́лича. Формы им.-вин. ед. на *ый*, *ой* и *эй*: ву́мный, ўтаро́й, любе́знай и рябэ́й, худэ́й, бальшэ́й; род.-вин. мяне́ и миня́,

---

[1]) Шейнъ, Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края. Томъ I, часть I (Спб. 1887), №№ 184, 195, 198, 403, 450, 562, 563, 593, 596, 656; часть II (Спб. 1890), стр. 419 слѣд.

[2]) Матеріалы такъ дурно записаны, что трудно сказать что-либо о произношеніи *р*.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, №№ 113, 118—120, 143, 454, 479, 557: ч. II, стр. 392 сл. Изъ неизвѣстной мѣстности Бѣльскаго у.: ч. I, № 284.

[4]) Тамъ же, ч. II, стр. 425 сл.

[5]) Смоленскій Этнографич. Сборникъ, Добровольскаго, ч. I, Спб. 1891, стр. 43.

цябе́ и цибя́, майго́; дат.-мѣстн. на руке́, на ру́цэ́и; род.-дат.-мѣстн. маладэ́й, сляпэ́й; дат. мн. людзе́мъ; 3 л. ед. всегда на *ть*; настоящ. вр. рыю и т. д.; повел. н. идзе́мъ (съ *е*). Сверхъ того: формы род. ницо́хъ (= ничего), дат.-мѣстн. на *ы*: на галавы́, твор. мн. «всегда» на *мъ*, твор. ед. каки́имъ ро́дамъ. Мѣстоименіе *що* [1]).

II. Не цокающіе говоры. Говоры Виленской губ. представляютъ одно цѣлое, имѣя *ў* вмѣсто *в* и *л*, *дз* и *ц*, постоянно твердое *р*, *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*. Аканье очень сильно: глухое *ы* или совсѣмъ не слышится, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *е*, *я* очень рѣдко (мине́, цибе́, ниха́й). Двойные мягкіе согласные слышатся очень часто, но не постоянно; въ Ошмянскомъ у. отмѣчено: зе́лья, засто́лья (рядомъ: ща́сця и т. п.), въ Трокскомъ: баярьё; они иногда замѣняются простыми согласными: трокск. заруча́ня. Формы им. ед. обыкновенно на *ы*: малады́, дат.-мѣстн. могутъ быть на *эй*: ошмянск. ў тэ́й карчо́мца, 3 л. ед. въ Дисненскомъ уѣздѣ обыкновенно на *ець*, въ Трокскомъ—и на *ець*, и на *е*, въ Вилейскомъ и Лидскомъ—обыкновенно на *е*: даé, пыта́я, шы́я (= шьетъ), повелит. накл. *би* (= бей, Трокск. у.). Сверхъ того, можно отмѣтить: спорадическое *у* вмѣсто *о* безъ ударенія: вилейск. ў чо́рнумъ, трокск. кали́нунька, лидск. на чирво́нуй калини, на харо́шуй, во́бруць (= оброть), спорадическое *дж* вмѣсто *ж* изъ *д*: вилейск. нинави́джу, трокск. ві́джу, раджу́, спорадическое твердое *с* вмѣсто мягкаго: ошмянск. сыдзи́, ошмянск. и трокск. сэ́рца; префиксъ *от* иногда звучитъ *од*: дисненск. и лидск. адмыка́ць, адъе́хаць и т. п.; формы им.-вин. мн. трокск. дварэ́, галубэ́, лидск. карабле́; род. ед. трокск., лидск. маго́, рядомъ съ майго́, маяго́; род. мн. ж. р. иногда на *оў*: сястро́ў (= сестеръ) и т. п.; формы повел. накл. ошмянск. памале́мся, лидск. глядзе́ця (2 л.). Начальное *а* часто имѣетъ передъ собою придыханіе *г*: гарбхъ, гара́ць (= орать) [2]).

Не цокающіе говоры Витебской губ. дѣлятся на двѣ группы.

Одна (Дриссенскій, Полоцкій, Лепельскій, Городокскій уу.) отличается, кромѣ *дз* и *ц*, постоянно или почти постоянно твердаго *р*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, *зъ* вмѣсто *съ*,—довольно сильнымъ аканьемъ (глухое *ы* очень рѣдко, только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ), при частомъ употребленіи *и*: мине́

[1]) Этнографич. Сборн., I.—«Сказки» Аѳанасьева.

[2]) Тексты въ Русск. Филол. Вѣстн. 1889 г., № 2 (Трокск. у.), въ Виленск. Вѣстн. 1888 г., №№ 104—122, ст. Карскаго (Ошмянскій у.), у Вериги, Podania białoruskie, Lwów, 1889 г. (Лидск. у.), въ Этнографич. Сборникѣ, I, ст. Юркевича (Лидскій у.), въ Сборникѣ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ, Вильна, 1866 г. (Дисненск. и Вилейскій у.), у Дмитріева, Собраніе пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края, Вильна, 1869 г. (Дисн. у.), и у Шейна, Матеріалы, т. I.

(и мяне́), *іе́* (и *яе́*), ў жы́ц*и* (но: жни́ц*я*, 2 мн.), сл*и*за́ (и сл*я*за́), п*и*ту́шо́къ (и п*я*тушо́къ), жына́ (и жана́), се́*и*ць (и се́*я*ць), ра́нн*і*я, им. ед. (и ра́нн*я*я). Формы им. ед. на *ы* и *ый* (малад*ы́* и —*ы́й*), 3 л. ед. обыкновенно на *ець*. Еще отмѣчено: *у* вм. *о* безъ ударенія: зъ гарэ́лк*у*ю, *дж* вмѣсто *ж* въ гля*дж*у́ (Лепел. у., с. Дубровка). Формы им. ед. котъ шэ́р*эй* (Полоцк. и Город. у.), им. мн. ўс*е*, род. ўс*е*хъ и т. д., дат.-мѣстн. ед. малад*э́й* (Лепел. и Город. у.), творит. мн. на *мъ*: надъ звязда́*мь* (Городокск. у.), мѣстн. ед. на сине́хъ (Леп. у.), 1 л. ед. на *ая*: высыла́*я* (Город. у.), возвратн. зал. на *си* (*ци*): аста́ну*си*, аста́ц*ци* (Леп. у.) [1]).

Къ этой группѣ принадлежитъ также говоръ части Витебскаго уѣзда: (с. Вороново и др.) [2]).

Другая группа (главнымъ образомъ въ другой части Витебскаго уѣзда: волости Велшиковская и Королевская, село Маделино и др.), совпадая съ первою въ прочихъ чертахъ, отличается отъ нея слабымъ аканьемъ. Въ ней глухое *ы* вмѣсто *о*, *а* является очень часто, даже въ слогѣ передъ удареніемъ: м*ы*я́ (=моя), к*ы*ня́, к*ы*па́ць, м*ы*л*ы*да́, ш*ы*р*ы*ка́, кр*ы*с*ы*та́ и т. п., дзе́в*ы*ч*и*къ (род.), б*ы*га́т*ы*га, рядомъ съ *я* и *и* вмѣсто *е*: мяне́, вядзе́ць, сястра́ и т. п., б*и*рэ́ць, с*и*стра, с*и*ло́, в*и*сялу́ха, ч*и*рназё́мъ, ж*ы*луды́ (даже: запр*ы*га́ць=запрягать). Еще отмѣчено: *у* вм. *о*: сухута, ф. им. ед. на *ы* (но: так*ей*), дат.-мѣстн. т*эй*, мѣстн. на ра*цэ́* (рѣкѣ), повел. н. *би*, зъядзё́мъ (съѣдимъ), возвр. з. пытаюцц*о* [3]).

Группа не цокающихъ смѣшанно-переходныхъ говоровъ [4]) Смоленской губ., уѣздовъ Смоленскаго (сс. Даньково, Шаталово, Киселевка, Чепищево и др.), Ельнинскаго (сс. Бердибяки, Крутиловка, Сухой Починокъ, Проверженка), Порѣцкаго (с. Иньково), Красненскаго (с. Холощево), Духовщинскаго (сс. Пречистое и Шиловичи), Бѣльскаго (сс. Шоп-

---

[1]) Тексты у Чечота, Piosnki, 1846 г. (см. также введеніе), у Шейна, Пѣсни и Мат. тт. I и II, въ Бѣлорусск. Сб., т. V.

[2]) Тексты у Шейна и въ Бѣл. Сб., V (отмѣчены ф. дат.-мѣстн. на т*эй* рэцэ, у буйн*эй* галаве́, повел. н. *пи*, неопред. н. на *ць* и на *ци*: хадзи*ци*).

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, и т. II. Вѣроятно, этому говору принадлежатъ матеріалы Никифоровскаго въ «Очеркахъ простонароднаго житья-бытья въ Витебской Бѣлоруссіи». Витебскъ, 1895. Здѣсь, примѣчаніе 11-е, мы читаемъ: «*всѣ* неударяемыя твердыя гласныя произносятся какъ *ы*»; «неударяемое *е* произносится за *и* безъ исключенія»; «буква *т* передъ мягкими гласными и *ь* произносится какъ умягченное *ц*»; «нѣтъ *дз*, потому что буква *д* передъ мягкими на самомъ дѣлѣ не даетъ такого звука». Но въ матеріалахъ мы читаемъ: пир*а*рѣзъ, вяно́къ и т. п. Тамъ же: им. ед. м. р. на *эй*, род. ед. ж. т*эй*, 2 л. ед. маи*сьця*.

[4]) При корректированіи этой страницы мы получили письмо отъ В. Н. Добровольскаго, изъ котораго видно, что нѣкоторые изъ означенныхъ здѣсь говоровъ— цокающіе. В. Н. Добровольскій пишетъ: «Въ Духовщинскомъ у. цоканье замѣчается къ сѣверу отъ Духовщины (напр. оно замѣчается въ с. Бересневѣ, въ с. Шиловичахъ) и тянется непрерывно къ сѣверу. Цоканье въ с. Шиловичахъ проявляется въ самой

тово и Дунаево) и Рославльскаго (сс. Лѣтошники, Романовка, Митюли), составляетъ одно цѣлое. Въ нихъ нѣтъ *дз* и *ц*, сохраняется мягкое *р*; но двойные мягкіе согласные; *ў* вмѣсто *в* и *л* (однако *л* въ серединѣ словъ нерѣдко сохраняется: па*ў*зу́ и да*л*блю́, а мѣстами даже въ концѣ формъ прошедш. вр.); *зъ* вмѣсто *съ*: *зъ* вами, *зня́ли*. Аканье сильнѣе нашего: *а* вмѣсто *о* послѣ твердыхъ согласныхъ является не только въ первомъ, но даже и во второмъ слогѣ передъ удареніемъ: х*а*рашо́, пр*а*даю́, г*а*лава́; глухое *ы* передъ удареніемъ рѣдко: п*ы*вяду́, м*ы*я́=моя, ст*ы*ю, к*ы*за́, но тотчасъ послѣ ударенія очень часто: като́р*ы*му, даро́г*ы*й (твор.), чи́ст*ы*га (род.), пла́к*ы*ть; *я* и *и* изъ *е* въ слогѣ передъ удареніемъ употребляются рядомъ: м*я*не́ и м*и*не́, с*я*стра́ и с*и*стра́, но: п*и*ряско́чить, ч*и*р*и*па́ха, сто́йт*я*, стай́т*я* (2 л.), мор*я* (им.), быва́*и*ть, де́ла*и*ть, у го́рыд*и*, у астро́з*и*; встрѣчается *и* изъ *я*: *и*на́ (=яна, она). Сверхъ того, неударяемыя *о* и *ы* послѣ согласныхъ могутъ замѣняться черезъ *у*, а *о* и *а* въ началѣ словъ (послѣ гласныхъ)—черезъ *и*: л*у*ма́ю, х*у*ва́ю, п*у*па́ (=попа), па́лк*у*й, муж*у*ка́, б*у*ваю, *и*пя́ть (при *а*пять), *и*ўса́ (=овса́), *и*дна́ча, *и*мба́ръ, на *и*гни́ (на огни). Сверхъ того, есть случаи *е* изъ ударяемаго *я*: кричéть, глéдючи. Двойное мягкое *с* замѣняется черезъ мягкія *ст*: бай*сьтя*, заду́мыи*сьтя* (2 л. возвр. з.), вало́*стя* (=волосья), *ст*ешъ (=ссешь, сосёшь). Изъ формъ отмѣчено: им. ед. на *эй* и *ой*: тэ*й*, кривэ́*й*, таке́*й*, бальшэ́*й* и криво́*й*, малад*о́й*, род. на *го* и *во*: я*го́* и я*во́*, ча*го́*, ничо́*га* и ча*во́*, май*го́*, мая*го́* и маи*во́*, до́бры*га* и до́бры*ва*, род., дат., твор., мѣстн. ед. женск. на *эй*: аднэ́*й*, яке́*й*, святэ*й* и т. п. (рядомъ на *ой*), род.-вин. мяне́, тябе́, я́е, дат. ед. тябе́, сябе́ (рядомъ съ болѣе обычными т*а*бе́, с*а*бе́), им. мн. на *эя*, *эи*: маладэ́*я*, дамавэ́*я*, чужэ́*я*, таке́*я* (рядомъ на *ыя*, *ыи*), им. мн. ўс*и*, род. ўс*и*хъ и т. д. (рядомъ ўс*е*, ўс*е*хъ), дат. мн. дитё́мъ, гасьтё́мъ, мѣстн. дитё́хъ, гасьтё́хъ, 3 л. ед. на *ть* (*ёсть*; на *е* очень рѣдко: мо́ж*а*), 3 л. мн. на *ють* вмѣсто *ять*: хо́д*ють*, 2 л. повел. накл. п*ий*, п*и* (Смол. у.), п*ей*. Сверхъ того: *л* звучитъ иногда твердо передъ твердымъ *н*: си*л*но (Смол. у.); *с* звучитъ твердо въ *сы*йчасъ; *жд* переходитъ въ *ждж* въ *жджи* (=*жди*), *жджешъ*; *дн* переходитъ въ *нн*: ро́*нн*ый (Росл. у., с. Романовка; Духовщ. у., с. Шиловичи). Формы дат.-мѣстн. ед. съ свистящими: на паро́*зи*, на даро́*зи*, и формы съ гортанными рядомъ; ф. дат.-мѣстн. ед. женск. р. могутъ быть на *ы* (Ельн. и Бѣльск. у.), а ф. твор. мн.—на *мъ* (Бѣльск. у.): на галав*ы́*, падъ нага́*мъ*; ф. имен. мн. могутъ быть — по-великорусски—

сильной степени, оно сопровождается и чоканьемъ: отечь, при: до*цъ*. Цоканье замѣчается около станціи Гусиное (Могилевск. губ.), Моск.-Брестской жел. дор.; распространяясь въ сосѣднія мѣстности Красненскаго и Смоленскаго у., оно переходитъ въ Порѣцкій у. (сс. Иньково, Лойно, Мамошки, Аретово, Борода, Луги, Низъ). Около Щучья озера цоканье ослабѣваетъ, проявляясь болѣе въ части Порѣцкаго у., прилегающей къ Бѣльскому у.»

на *а* (Бѣл. у.): галас*а́*; ф. зват. на *е* (кромѣ Бо́ж*а*) неизвѣстны; ф. возвр. з. могутъ быть на *са* (Ельн. у.) [1]).

Говоръ Рославльскаго у., с. Краснозаборья, отличается отъ предыдущихъ говоровъ только болѣе частымъ употребленіемъ глухаго *ы*: п*ы́*ха́ть (=паха́ть), р*ы*б*ы*та́ть, г*ы*в*ы*ря́ть, пр*ы* на́съ (=про насъ), к*ы*гда́, ма́тушк*ы*й (твор.). Другія особенности въ немъ тѣ же: мягкія *д* и *т*, мягкое *р*, двойные мягкіе согласные, *ў* вм. *в* и *л*, частое *я* вм. *е* рядомъ съ *и*: мяне́, яму́, пусти́тя и ўзила́, н*и* влави́ли, *у* вм. *о*: п*у*вила́, п*у*пла́чъ; формы род. на *го* и *во*: таго́ и яво́, хыласто́*га* и прія́тны*ва*, им. мн. на *э́я*: зылатэ́*я*, 2 л. ед. возвр. з. кида́*исьтя* (рядомъ: даку́*пись*ся) [2]).

О другихъ бѣлорусскихъ не цокающихъ говорахъ Смоленской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній и можемъ сказать лишь то, что въ приднѣпровскихъ селеніяхъ Красненскаго у., рядомъ съ двойными мягкими согласными и *зъ* вмѣсто *съ*, слышатся *дз* и *ц* и встрѣчаются формы род. на *во*: сва*во́* [3]).

Говоры сѣверной (бо́льшей) половины Могилевской губ., кромѣ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, *зъ* вм. *изъ*, *съ* и *цзъ*, *исъ* вм. *съ*, имѣютъ всѣ, болѣе или менѣе часто, *у* вм. *а*, *о*, *ы*: пае́х*у*ў, п*у*х*у*ва́ю, п*у*па́ (=попа), му*ж*у*ки́*, б*у*ло́, *е* вм. *я* подъ удареніемъ въ гле́дзючи, дре́нно, *дж* вм. *ж* изъ *д*: ви́*дж*у, твердое *л* передъ твердыми *н* и *ц*: си́*л*ный, во́*л*ный, па́*л*цы и т. п., твердое *с* въ *сы*ча́съ, *сэ́*рца и т. п., формы им. ед. тэ́*й* и т*ой*, маладэ́*й* и малад*ы́й* (на *ы* нѣтъ), род. ед. женск. р. ма*е́*, т*ы*е́ и т*ы́я*, сляп*ы́я*, до́бр*ыя*, ва́ш*ыя*, друг*и́я*, таке́*я* (рядомъ съ ма*е́й*, до́бр*ай*, таке́*й*), дат.-твор.-мѣстн. ед. тэ*й*, адн*э́й*, мѣстн. ед. на кан*и́*, на канц*ы́*, род. мн. (изрѣдка) сястро́*ў* (=сестеръ), дат. мн. людзе́мъ, 3 л. ед. *ёсць*, 3 л. мн. во́з*ю*ць, 2 л. повелит. п. б*и*, п*и*, неопр. н. на *ць* и (изрѣдка) на *ци*: е́с*ци* (=ѣсть), дане́с*ци*, возвр. зал. (изрѣдка) на *си*: сабра́ли*си*. Формы зват. п. употребляются, но рѣдко.

Одинъ говоръ Сѣнненскаго у. имѣетъ въ однихъ мѣстахъ мягкое *р* (тр*ё*мъ и т. п.; рядомъ, нерѣдко: ца*ръ*, мо*ра*=море и т. п.), въ другихъ только твердое *р*. Глухое *ы* послѣ твердыхъ согласныхъ вмѣсто *а*, *о* безъ ударенія—какъ въ сосѣднихъ говорахъ Витебской и Смоленской губ., т. е. даже въ слогѣ передъ удареніемъ: адд*ы*ла́, д*ы*ста́ць, ск*ы*ка́ць, к*ы*ня́, аста́л*ы*ся пяро, р*ы*з*ы*йшли́си; *я* вм. *е* вполнѣ обычно: бяри́, вяли́кій, яму́, идзи́ц*я*, выв*я*ў (рядомъ: б*и*да́, *и*на́, ў ле́с*и*, по́*и*съ и т. п.). Предлогъ-префиксъ *отъ* изрѣдка звучитъ *одъ* въ *од*ымкну́ць и т. п. Формы вин. ед. до́бр*аю*, до́бр*ыю*, мѣстн. ед. ны вако́шк*у*, им. мн. тэ́*я*, 3 л. ед. на *ець* (*ёсь*=есть).

---

[1]) Смоленскій Этногр. Сб., чч. I и II.

[2]) Русск. Фил. Вѣстн. 1884 г. № 3.

[3]) Смоленскій Вѣстникъ 1892 г., №№ 14, 45. Текстъ изъ того же уѣзда—у Безсонова, Калѣки, стр. 118.

Другой говоръ того же у. (с. Ульяновичи и др.) — отличается отъ предъидущаго постоянно твердымъ *р* и рѣдкимъ употребленіемъ *ы* вмѣсто *а*, *о* въ слогѣ передъ удареніемъ (но: пла́*кы*ць, ко́*зы*чка). Формы им. мн. *яке́я* дзярэ́въя [1]).

Говоръ Оршанскаго у. близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у., но имѣетъ только твердое *р*. Глухое *ы* даже передъ удареніемъ: м*ыя́*, к*ыза́*ць и т. п.; *у* вмѣсто *о*, *а*, *ы*: п*у*мага́ць, пр*у*гожый и т. п. [2]).

Одинъ говоръ Горецкаго у. (Городищенская волость и др.) также близокъ къ первому говору Сѣнненскаго у.: глухое *ы* даже передъ удареніемъ: д*ы*са́да, р*ы*дня́, *у* вм. *о*: аб*у*бра́ть; но отличается отъ него сохраненіемъ мягкихъ *д* и *т*: *де́*тки, *т*яперь; *р* въ немъ мягко: пи*ря*ме́нить [3]).

Въ другомъ говорѣ (с. Любиничи съ его волостью и др.) глухое *ы* повидимому, очень рѣдко; *и* вм. *е*, *я* не такъ часто, какъ *я*: абн*и*ла́, се́*и*ць, *и*на́ (но: м*я*не́, ц*я*бе́, н*я*си́, ц*я*рьпе́ць, на з*я*мле́ и т. п.). Другія черты: мягкое *р* (даже—въ отдѣльныхъ случаяхъ—вмѣсто твердаго: адба*ря́*ниваць), формы твор. мн. на *мы*: рука́*мы*, ва́*мы*, людзь*мы́*, мѣстн. мн. на лясо́*хъ* (=лѣсахъ) и т. п., 3 л. ед. на *ець* (на *е*—рѣдко: *ёсць* и *ё* [4]).

Прочіе говоры этого уѣзда—переходные отъ перваго говора ко второму. Напримѣръ, говоръ г. Копыся имѣетъ *дз* и *ц* при твердомъ *р* и сильномъ аканьѣ; говоръ с. Святошицъ—*дз* и *ц* при мягкомъ *р* и *ы* изъ *о*: д*ы*ста́л*ы*сь и т. п. [5]).

Одинъ говоръ Чаусскаго у. (Гладковскій приходъ, въ юго-зап. части у.) близокъ къ говору Оршанскаго у.: *дз* и *ц* (спорадически *д* и *т*: *т*ябе́), мягкое *р*, глухое *ы* изъ *о*, *а* даже въ слогѣ передъ удареніемъ: б*ы*ра́мъ (=борамъ), танц*ы*ва́ць, пад*ы* мно́ю (не часто), к*ы*лыхни́ся, скры́п*ы*чка, жо́н*ы*къ (род.), *и* изъ *е*, *я*: н*и*ха́й, ве́ч*и*ръ, в*и*сяла́ (рядомъ съ *я*). Формы 3 л. ед. всегда на *ць* [6]).

Другой говоръ того же у. (Городецкая волость, въ сѣверо-восточной части у.) отличается отъ предъидущаго очень частымъ употребленіемъ мягкаго *р*, даже вмѣсто твердаго: п*ря*жы́ць (=прожить), д*ря*ць (=драть), *ря*бе́ць (=робѣть), ку́че*ря* (=кучера), и очень рѣдкимъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *о*, *а* (только во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, и то рѣдко. Формы мѣстн. ед. на купц*у́*, на то́м*у* све́ци, тв. мн. на *мы*: слава́*мы*, го́рька*мы* слязм*ы́*; 3 л. ед. всегда на *ць* [7]).

---

[1]) Бѣлор. Сборн. (особенно в. III).

[2]) Бѣлор. Сборн., IV, №№ 9 и 15.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. II, стр. 641, 655, 669.

[4]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 10, 23 и др.

[5]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I. Въ копысьскомъ говорѣ отмѣчено: ви*джу*, до́*жжы*къ, *ад*амкну, форма им. ед. до́бр*ы*.

[6]) Тамъ же.

[7]) Бѣлор. Сб., IV, №№ 2, 29, 33, 34, 41.

Съ этимъ говоромъ очень сходенъ одинъ говоръ Могилевскаго у. (с. Полыковичи, на сѣверо-востокъ отъ г. Могилева). Онъ имѣетъ мягкое *р*. Глухое *ы* изъ *о*, *а* въ немъ очень рѣдко.

Другой говоръ (Княжицкая волость, на сѣв.-западъ отъ Могилева, не далеко отъ с. Полыковичей, сс. Нѣжково, Браково) имѣетъ твердое *р* и формы 3 л. ед. на *е*: идзе́, заку́суя (=закусываетъ), про́ся (=проситъ), хо́дзя и т. п. (ф. на *ець* и *иць* гораздо рѣже). Аканье очень сильное (но: *и*на́, рядомъ съ *я*на́ и *й*на́, на даро́з*и*). Формы род. ед. е́т*ыя* мае́ дачки́, твор. мн. свата́*мы*, и́*мы*, касця́*мы* [1]).

Говоръ Мстиславскаго у.: мягкое *р*, сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* очень рѣдко, *и* вмѣсто *е*, *я*—чаще); формы им. мн. тэ́*я* гро́шы, 3 л. ед. на *ець* (*ёсь* = есть) и—рѣже—на *е* [2]).

Говоръ Чериковскаго у. почти тожественъ съ говоромъ Мстиславскаго. Можно отмѣтить лишь болѣе частое глухое *ы* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ послѣ ударенія: н*ы* кани́, д*ы*гада́тца, рабо́т*ы*иць, изрѣдка встрѣчающееся мягкое *р* вмѣсто твердаго: ста*ря́*тца, формы им. мн. таке́*я*, бальшэ́*я*, мѣстн. п. мн. на лясо́*хъ*, на мхо́*хъ*, 3 л. ед. одинаково часто на *ець* и на *е* (даже: гаво́р*я*, ви́дз*я* [3]).

Одинъ говоръ Климовицкаго у. (с. Забѣлышино, въ южной части у., близь границы Рославльскаго у.) отличается, кромѣ мягкаго *р* (даже: сты*ря*целный = старательный), сравнительно частымъ употребленіемъ глухаго *ы* вмѣсто *а*, *о*, иногда даже въ слогѣ передъ удареніемъ: н*ы* за́ўтра, п*ы*ста́виць, укл*ы*ня́йся, и *и* вмѣсто *е*, *я*: пл*и*са́ць, се́*и*ць. Формы 3 л. ед. на *ець* [4]).

Другой говоръ того же у. (с. Тиманово, близь г. Климовичи, къ юго-западу) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ *р* мягкимъ (даже: ста*ря*тца) встрѣчается *р* твердое: ў го́*ра*сци (= въ горести), падгава́*ру*иць; употребленіе глухаго *ы* очень ограничено (изрѣдка во второмъ слогѣ передъ удареніемъ). Можно отмѣтить формы дат. мн. бацько́мъ, кавале́мъ.

Въ третьемъ говорѣ (с. Забычанье, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отмѣчены, рядомъ съ формами 3 л. на *ець*, формы на *е*, даже: гаво́р*а* и т. п. [5]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 7 (Полыковичи), 38, 42, 76.

[2]) Тамъ же, дополненія, №№ 8, 11, 43, 44, 45, 47. У Шейна, Мат., т. I, ч. II, стр. 355, нѣсколько пѣсенъ будто-бы изъ с. Монастырщины. Мст. у., съ мягкими *д* и *т* и съ нерѣдкимъ твердымъ *р* вмѣсто мягкаго. Сравни въ Бѣлор. Сб. (№ 43) сказку изъ того же села.

[3]) Бѣлор. Сб., III, стр. 254; IV, №№ 75, дополн. 2, 13, 18, 46, 53, 58.

[4]) Тамъ же, IV, дополн., №№ 1, 16, 52.

[5]) Тамъ же, III.

Одинъ говоръ Быховскаго у. (сс. Городище, Чигринка, м. Пропойскъ и друг. [1]) имѣетъ твердое *р* и очень сильное аканье (*ы* вмѣсто *о*, *а* неизвѣстно, *и* вм. *е*, *я* рѣдко: мяне́, нясй, змяя́, вядро́, но: у даро́зи, ина́); формы мѣстн. на ўсёмъ маймъ ца́рству, дат. мн. брато́мъ, атцо́мъ, кучаро́мъ, твор. мн. на *мы* и на *ма*: харо́шымы напи́ткамы, сваймы рука́мы, дзяцьмы́, и́мы, нага́ма, кнута́ма, слеза́ма, мѣстн. на твято́хъ, 3 л. ед. на *ецъ* и на *е*: идзе́цъ и и́дзя, пусцицъ и пу́сця, бъё, ёсь (= есть), есь (= ѣстъ), 1 л. мн. дадзе́мъ, повелит. н. уцяка́йма.

Другой говоръ (с. Гайшино, въ южной части у., на границѣ Чериковскаго у.) отличается отъ предъидущаго тѣмъ, что имѣетъ то мягкое, то вмѣсто мягкаго твердое *р*, и тѣмъ, что въ формахъ им. ед. женск. р. и 3 л. ед. передъ *а* иногда отсутствуетъ *j*: та́а до́браа баба, зна́а, ду́маа, гоня́а, ска́зуа (= сказываетъ), завидуа (рядомъ: тая, зная и т. п.). Формы дат. пятухо́мъ, твор. нога́мы, 3 ед. на *ецъ* и—чаще—на *е*, 1 мн. мао́мъ (= можемъ) [2]).

Говоры южной половины Могилевской губ. болѣе разнообразны, чѣмъ говоры сѣверной.

Одни изъ нихъ (въ юго-восточной части Рогачевскаго и въ большей части Гомельскаго у.) близки къ послѣднимъ и мало отличаются другъ отъ друга. Они имѣютъ, кромѣ обще-могилевскихъ чертъ, мягкія *д* и *т*, твердое *р*, сильное аканье (зямля́, гуля́яшъ, пасе́ямъ, 1 л. мн., пайди́тя), предлогъ-префиксъ *одъ* (рядомъ съ *отъ*), формы им. ед. на *ый* (но той), мѣстн. мн. на *охъ*: на мужыко́хъ, балато́хъ, 3 л. ед. на *е* (хо́дя и т. п.) и на *итъ*, 1 л. мн. на *омъ*: идо́мъ, запрого́мъ, сатко́мъ, загребо́мъ, неопр. н. на *ти* (часто; мѣстами [3]) «почти совершенно оставлено окончаніе *ть*»): бе́кти (= бѣчь) и т. п.; въ формахъ 3 л. мн. употребляется окончаніе *ути*: ска́чути (мѣстами «окончанія *уть* избѣгаютъ»). Сверхъ того, въ нихъ, то чаще, то рѣже, слоги *вя*, *мя*, *вё* и т. п. замѣняются—

---

[1]) Этотъ говоръ Романовъ называетъ друтскимъ: онъ употребляется на р. Друти и въ треугольникѣ между нею и Днѣпромъ, какъ въ Быховскомъ, такъ и въ Рогачевскомъ у. Бѣл. Сб., III, стр. XV.

[2]) Бѣлор. Сб., III.—У Шейна, Мат., т. I, ч. I, тексты изъ с. Бовки, Быховскаго у., на востокъ отъ Ст. Быхова. Въ нихъ *ы* вм. *о*, *а* очень часто, даже передъ удареніемъ: кыня, зыгыда́ю, стыя́ть, пы сыда́хъ; то *дз* и *ц*, то мягкія *т* и *д*; то твердое вмѣсто мягкаго, то мягкое *р*.

[3]) Въ Дятловицкой волости. Г-жа Радченко, Гомельскія народныя пѣсни, Спб. 1888 (введеніе).—«Въ Гомельскомъ уѣздѣ . . . свой говоръ, нѣсколько отличающійся отъ бѣлорусскаго языка всего сѣв.-западнаго края. . . Рогачевскій уѣздъ (къ сѣверу отъ Гомельскаго) есть уже настоящая Бѣлоруссія. Эта разница отчасти находитъ себѣ объясненіе въ экономическомъ положеніи крестьянъ Гомельскаго уѣзда. Съ сѣверомъ они не имѣютъ никакихъ связей, и потому постепенно забывается бѣлорусскій яз.; а на югъ часто отправляются на заработки, и тамъ заимствуютъ малорусскія слова и пѣсни. Тамъ же, стр. IX.

по-малорусски—черезъ *въя*, *мъя*, *въё* и т. п.: ўрэ́*мъя* (=время), за*въя́*съ (=завязъ), и употребляются формы им.-вин. ср. р. и нарѣчія на *э*: харашэ́, и мѣстоименіе *що* (иногда рядомъ съ *шо*), при *што*. Формы им. ед. муж. и дат.-мѣстн. ед. женск. р. въ родѣ тэ*й*, сляпэ́*й* и им. мн. въ родѣ тэ́*я*, сляпэ́*я* на югѣ Могилевской губ. рѣдки.

Изъ этихъ говоровъ говоръ с. Переростъ и близкихъ къ нему мѣстъ Гомельскаго у. (въ юго-восточной части у., близь границы Новозыбковскаго у.) имѣетъ, кромѣ указанныхъ особенностей, также формы 3 л. мн. на *ять* вмѣсто *ють* (при отсутствіи ударенія): лята́*ять*, лята́*яти*, дабега́*ять* и т. п. [1]).

Другіе говоры юга Могилевской губ. болѣе своеобразны.

Это—одинъ изъ говоровъ Рогачевскаго у. (м. Городецъ, близь г. Рогачева, на юго-востокъ отъ него, с. Нисимковичи). Онъ, имѣя большую часть чертъ общихъ ему съ сѣверными говорами Могилевской губ. (между прочими очень сильное аканье, мягкія *д* и *т*, рядомъ съ *дз* и *ц*, твердое *р*, *дж*, твердое *л* въ си́*л*на, па́*л*ца и т. п., формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е*, неопр. накл. на *ти*), отличается отъ нихъ частымъ употребленіемъ *у* вмѣсто неударяемыхъ *а*, *о*: запла́к*у*ў, г*у*во́рацъ, св*у*ёй (дат.), частымъ опущеніемъ *j* передъ *а* и *у*: залата*а* уздэчка, се́на то́*а* (=то́е), тро́*а* су́такъ, чужы*а* ко́ни, прасты*а*, разу́мны*а* (им.-вин. мн.), ты*а* ра́дасци (род. ед.), жывы*а* вады́, гно́*а*мъ (тв. ед., =гноемъ), дабяга́*а*, спра́шу*а* (=спрашиваетъ), пайма́*а*мъ (1 л. мн.), сва*у́*, ту́*у* часъ, збру́*у* (вин.). Сверхъ того: слоги *вя*, *мя* и т. п. могутъ замѣняться черезъ *въя*, *мъя*: ўрэ*мъя*, да*въё*съ; формы 1 л. мн. на *омъ*: паедо́*мъ* (=поѣдемъ), вядо́*мъ*, маго́*мъ* (при во́зьмямъ), формы 3 л. мн. на *ти* (изрѣдка): падо́хну*ти*. Наконецъ, твердое двойное *ш*: ве́*шшы* (=вещи), пу*шшу́*; *ы* въ нагы́ (род.); *ф* вм. *хв*: у*ф*ачу́ [2]).

Это—другой говоръ того же уѣзда (с. Озераны). Въ немъ [3]) обращаютъ на себя вниманіе очень закрытыя *а* и *о*, которыя наблюдателемъ были приняты за *о* и *у* [4]), или—быть можетъ—уже вполнѣ развившіяся *о* и *у* на мѣстѣ нашихъ ударяемыхъ *а* и *о*: ско́ска (=сказка), ко́жа (=каже), до́й (=дай), дуво́й, ступо́й, номъ (=намъ), кро́дзешъ, чосъ, жо́ли (=жали), слядо́ми (=слѣдами), пёць (=пять), ўзе́ли, ме́са, ўсе́кій и т. п., пу́сли (=послѣ), хлу́пцы, дару́гай (твор.), пру́ся (=про-

---

[1]) Этотъ говоръ названъ у Романова переростовскимъ («юго-восточная часть Гом. у.»). Бѣл. Сб., III, IV.

[2]) Бѣл. Сб. III. Говоръ мѣст. Жлобина отличается отъ говора с. Нисимковичей менѣе частымъ опущеніемъ *j* и употребленіемъ мѣстоименія *шо*, рядомъ съ *што*.

[3]) Романовъ, называющій этотъ говоръ озеранскимъ, говоритъ, что онъ распространенъ въ западной части Рогач. у., на границѣ съ Минской губ., и наиболѣе рѣзкимъ является въ Озеранскомъ приходѣ.

[4]) По Романову, «звукъ *о* произносится почти какъ *у*: м*у*й, г*у*л*у*ва̀».

ситъ), в*у́*ко (=око), пл*у́*ть, хв*у́*стъ, *ю*нъ (=ёнъ), *ю*й (=ёй). *ю*, *ю*сь (=ё, ёсть), л*ю*хъ (лёгъ), н*ю*съ, кул*ю́*сы (=колёса), ц*ю́*плый, жыв*ю́*мъ (1 л. мн.), бъяц*ю́*сь (=бьетесь), *ўсю* сва*ю́* сял*ю́* (=всё) и т. п. Употребленіе *у* на мѣстѣ неударяемыхъ *о* и *а* очень часто, такъ что *о* замѣняется черезъ *у* чаще, чѣмъ черезъ *а*: гул*у́*ва́, п*у́*русла́, чул*у́*ви́ча (зв.), здур*у́*ва, нав*у́*ри́ли (=варили), ви́д*у́*ю (=вѣдаю), чар*у́*ви́ци. Затѣмъ, *ъ* звучитъ какъ долгое *и*: хл*и́*пъ («какъ бы хл*и́*ипъ»,=хлѣбъ), мядзв*и́*ць, *и́*хаць, зус*и́*къ (=засѣкъ), пув*и́*шу, дзи́лаць, ц*ы́*лый, р*ы́*заць. Сверхъ того: *дз* и *ц*, твердое *р* и другія черты общія говорамъ Могилевской губ., сохраненіе (иногда) древняго *е* безъ ударенія, отсутствіе *j* въ *а*къ (=якъ), здур*у́*ва*а*, б*у́*жа*а* м*о́*церъ (=божья матерь), зна́*а*, умоля́*а*, папыта́*а*мъ (не часто), формы 3 л. ед. на *е* (х*о́*дзя), 1 л. мн. на *омъ*: начн*о́*мъ, напад*у́*мъ, повел. н. худз*е́*мъ. Глухое *ы* очень рѣдко; *я* вм. *е* обычно: мян*е́*, пер*а*вяд*у́*, б*е́*га*я*; формъ твор. на *мы* не отмѣчено [1]).

Это—говоръ южной полосы Гомельскаго у. (сс. Марковичи и Старо-Юрковичи съ волостью послѣдняго), имѣющій кое-что общее съ говоромъ озеранскимъ, именно иногда *и* (какое?) вмѣсто *ъ*: *и́*хали, д*и́*ло, ц*ы́*лая нядзи́ля, р*ы́*зать (=рѣзать), и отсутствіе *j*: д*о́*бра*а*, д*о́*бру*у*. Сверхъ того: мягкія *д* и *т*, твердое *р*, спорадическое неударяемое *о*, частое *я* вмѣсто *е*: ян*а́*, мял*а́*, *я́*е, вясе́льля, нясли́, бяры́, запрага́йтя, рядомъ съ *и*: лит*е́*ть, ни*в*е́хна, зи*л*ёная, ни*м*а́, во́зи*г*ра; изрѣдка твердые согласные (по-малорусски): *ўсэ* (=всё), мэ*т*ь (=медъ; Юрковичи); изрѣдка (по преимуществу послѣ губныхъ) *и* вм. *ы*: в*и́*шла, коров*и* (им. мн.), в*и* (=вы), в*и*сиха́ть, с*и*но́чки (при нявёск*и*, им. мн.); *въя*, *мъя* и т. п. вм. *вя*, *мя*: *пъя*ть, *въ*ёсъ (=везъ), сто *въ*ёрстъ; формы твор. мн. на *мы*, 3 л. ед. на *е* (х*о́*дя), 3 л. мн. на *ятъ* вм. *ютъ*: гул*я́ятъ*; б*у́*ў, бул*а́*; мѣстоименіе *що* [2]).

Романовъ сводитъ говоры Могилевской губ. къ тремъ:

1) центральному, чистому бѣлорусскому, въ уу. Сѣнненскомъ, Чаусскомъ, большей части Могилевскаго, западныхъ частяхъ Оршанскаго и Горецкаго, съ дзеканьемъ, твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *ть*. Изъ Могилевской губ. онъ направляется въ Витебскую и Минскую губ. и переходитъ во всей своей чистотѣ въ Дисненскій и Вилейскій уу. Виленской губ.;

2) восточному, въ уу. Климовицкомъ, Чериковскомъ, Мстиславскомъ, восточныхъ частяхъ Горецкаго и Оршанскаго, сѣверной части Сѣнненскаго, съ дзеканьемъ, мягкимъ *р*, формами 3 л. ед. на *ть*. На сѣверѣ онъ сливается съ говоромъ смоленскимъ, направляется къ Днѣпру и затѣмъ, за Днѣпромъ, переходитъ въ Витебскую губ., гдѣ наполняетъ

[1]) Бѣл. Сб., III.

[2]) Бѣл. Сб., IV, №№ 60, 102. Шейнъ, Мат., т. I, ч. I (здѣсь еще: им. ед. *сизой*, род. *табя*, вин. *яё*, что сомнительно).

Витебскій, часть Городокскаго и Невельскаго уу. и сливается въ Велижскомъ у. съ говоромъ смоленскимъ цокающимъ;

3) южному, въ у. Гомельскомъ и большей части Рогачевскаго (сѣверная граница на востокѣ, въ Климовицкомъ у.,—рѣка Бесѣдь, на западѣ—граница Сѣнненскаго у.), безъ дзеканья, съ твердымъ *р*, съ формами 3 л. ед. на *е*. Онъ переходитъ въ Минскую губ. [1]) и имѣетъ въ ней значительное распространеніе, пока не сливается съ окающимъ говоромъ. Этотъ говоръ разбивается на много подговоровъ, изъ которыхъ важнѣйшіе переростовскій, озеранскій и друтскій [2]).

Говоры Минской губ. дѣлятся на три группы: сѣверо-восточную, западную и южную.

Говоры сѣверо-восточной группы очень близки къ сосѣднимъ говорамъ Виленской, Витебской и Могилевской губ. и отличаются сильнымъ аканьемъ и употребленіемъ *дз* и *ц*, *ў* вм. *у*, *в*, *л*, двойныхъ мягкихъ согласныхъ, твердаго *р*, твердыхъ шипящихъ (даже двойныхъ: цéшша = тёща, дажджы́ = дожди) и *с* въ сэ́рца, *сы*ножа́ць и т. п., *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*, формъ дат.-мѣстн. съ свистящими, дат. и мѣст. гасцёмъ, гасцёхъ.

Въ говорѣ Борисовскаго у. (сравн. говоры виленскій и витебскій) нерѣдко употребленіе *и* вм. *е*: лита́ла, плила́, у набо́ры=въ наборѣ и т. п. (рядомъ: мядо́къ, ляці́ць, нясе́ць, сейця; с. Волосовичи); формы им. ед. на *ъ*, дат.-мѣстн. ед. тэй, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (сс. Волосовичи, Лотыголичи), въ другихъ, къ югу отъ первыхъ, обыкновенно на *е* (м. Холопеничи; даже: хо́дзя), повел. н *би*, пи. Формы зват. п. обычны: му́жу, нягадзя́ю; рядомъ съ формою *цябе́*—форма *це* (род.-вин.): ў *це* (=у тебя).

Въ говорѣ сѣверной, большей [3]) части Минскаго у. (сравн. говоръ виленскій) употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, очень рѣдко (въ концѣ формъ дат.-мѣстн.); двойные мягкіе согласные иногда замѣняются простыми: свиня́; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (рѣдко на *е*; с. Лусково), въ другихъ обыкновенно на *е* (но хо́дзя и т. п. извѣстны; м. Койдановo, д. Грычино), 3 л. мн. хо́дзюць (с. Лусково), возвратн. зал. на *ця*: гадзи́ццця (с. Лусково).

Объ одномъ изъ говоровъ этой части уѣзда — объ говорѣ Семково-Городецкой волости—мы имѣемъ болѣе свѣдѣній. Употребленіе *и* вм. *е* въ немъ отмѣчено въ *би*рагі́ (= берега, им. мн.), *си*рабро́, *нисиц*ё (= несете), ў ха́ци; *дж* отмѣчено въ гля*дж*у́ и ви*дж*у; формы им. ед.

---

[1]) По г-жѣ Радченко, гомельскій говоръ слышится въ Рѣчицкомъ у. Минской губерніи.

[2]) Бѣл. Сб., III, введеніе.

[3]) Съ м. Ко́йдановымъ включительно (на юго-западѣ, въ 40 верстахъ отъ Минска). На основаніи сообщенія В. З. Завитневича.

на *ый*, род. ед. женск. *тый*, сляпы́й бабы, глухи́й дзе́ўки, мѣстн. ед. на кани́, на гво́здзику, род.-дат.-твор.-мѣстн. ед. ж. р. *тае́й*, *тэй* и *той*, аднае́й, аднэ́й и адно́й, дат. мн. пано́мъ, хлапцо́мъ (и—чаще—пана́мъ и т. п.), тв. мн. ачы́ма, ушы́ма, па́рма (= парами), мѣстн. мн. у дваро́хъ, у грудзе́хъ, 3 л. ед. ха́па, гуля́, съ долгимъ *а*, при гуля́я, гуляе́ць, 1 л. мн. вядзе́мъ, нясе́мъ (при вядзе́шъ, нясе́шъ), хадзе́мъ, хадзе́ма, по́йдзима (повел.), 2 л. мн. повел. изрѣдка нясе́ця, хадзе́ця (при обычномъ няси́ця и т. п.), 3 л. возвр. на *цца*, неопр. н. пе́кци и пякци́ и т. п. Формъ им. мн. на *э́* (валэ́) нѣтъ [1]).

Сверхъ того, въ говорѣ мѣстечка Волма (въ 40 верстахъ отъ Минска) и окрестныхъ деревень, Минскаго же у., отмѣчено *о́ў*, *е́ў* изъ *ав*, *ал*: зо́ўтра (= завтра), до́ў (= далъ), казо́ў, ўзе́ў [2]).

Говоръ части Игуменскаго у.: употребленіе *и* вм. *е* рѣдко (дзися́тникъ, мине́, нихай, у камо́ры, но: на маро́зя, на стрэ́ся, на чужой старо́нушца, новыя се́ня = сѣни), встрѣчается *у* вм. *о*: шшы́руя = щирое, на круце́нькумъ бярашку́ (с. Микуличи), на жо́ўтумъ пясо́чку (м. Узды), изрѣдка *дж*; формы им. ед. на *ы*, им. мн. блинэ́, валэ́ (= волы), купцэ́ (м. Узды и с. Цитво), 3 л. ед. на *е*, повелит. 2 л. ед. ч. *жджы* (= жди), 1 л. мн. хадзе́мъ (с. Цитво), 2 л. мн. заве́ця (м. Узды), возвр. з. садзиса (с. Цитво).

О говорахъ части Бобруйскаго у. наши свѣдѣнія крайне скудны. Употребленіе *и* вм. *е*, повидимому, рѣдко (дат.-мѣстн. даро́зи, сва́си и т. п., но: куса́яшъ, ра́дуятца, ед.; д. Михалево); двойные твердые шипящіе иногда замѣняются простыми: *я́ш*еръ (= ящеръ, д. Михалево); нерѣдко *дж*; формы им. ед. на *ы* и на *ый*, мѣстн. ед. на хво́стику, зват. рабо́тничку (с. Жилинцы), дат.-мѣстн. ед. *тэй*, им. мн. стральцэ́ (с. Жилинцы), каральке́, павадке́, касничке́ (= поводки, коснички; д. Михалево), твор. мн. плячы́ма, свячы́ма (= свѣчами, д. Михалево), 3 л. ед. въ однихъ мѣстахъ обыкновенно на *ець* (с. Бацевичи), въ другихъ обыкновенно на *е* (д. Михалево; даже: хо́дзя, с. Жилинцы), 1 л. мн. бу́дамъ (д. Михалево), повел. н. сварэ́цеся, памирэ́цеся (= сваритесь, миритесь; Городокъ). Сверхъ того, употребляется *j* передъ начальнымъ *а* въ началѣ рѣчи и послѣ словъ, оканчивающихся на гласные: *я* (= а, союзъ), *я*го́нь (с. Жилинцы), и два *е* сливаются въ одно: смешъ, умешъ (д. Михалево) [3]).

---

[1]) На основаніи сообщенія А. А. Розенфельда.

[2]) Р. Филол. Вѣстн. 1895 г., № 3, ст. Карскаго.

[3]) Тексты изъ разныхъ мѣстъ этихъ уѣздовъ Минской губ. — у Шейна, «Пѣсни» и «Мат.», тт. I и II. — Вполнѣ возможно, что въ нѣкоторыхъ говорахъ, нами здѣсь описанныхъ, слышатся дифтонги *уо*, *іе*, не отмѣченные въ текстахъ Шейна.

Извѣстные намъ говоры Рѣчицкаго у. всѣ съ *дз* и *ц* (рядомъ съ которыми изрѣдка мягкія *д* и *т*), твердымъ *р* и формами 3 л. ед. на *е* и *ицъ*. Въ одномъ изъ нихъ, м. Горваля, можно отмѣтить только частое *я* вм. *е* (но: на яво́ры, мѣстн.) и форму 1 л. мн. по́йд*амъ*. Въ другомъ говорѣ, с. Колки, при аканьѣ и частомъ *я* изъ *е*, кажется, послѣ ударенія спорадически сохраняются *о* и *е*. Сверхъ того, въ немъ *у* вм. *ы* (спорадически): п*у*та́ли (пытали), нав*у́*ми, нав*у́*хъ (= новыми, новыхъ), кап*у́*цики (= копытики), им. мн. мало́тцэ, твор. мн. тры*ма́* (= тремя), 1 л. мн. на *мо*, 2 л. мн. повел. н. кладзе́ця, неопр. накл. на *ци* (рядомъ на *цъ*), возвр. зал. на *са* [1]). Въ третьемъ говорѣ, д. Рудни, Якимовичской волости, при аканьѣ и *я* изъ *е*, также, кажется, *о* и *е* послѣ ударенія сохраняются. Еще въ немъ: *у* вм. *ы*: исъ сало́м*у*, часав*у́*е (им. мн.), в*у́*цяну; им. ед. утаро́*й* (?), дат. ма́мпньки (?), 3 л. идзёцъ (?), пайма́*е*, возвр. з. зары́*ўсе*, напъ*ю́са*. Въ пятомъ говорѣ, Дубицкой волости, кромѣ аканья и спорадическаго *дж* (са*джу́*), отмѣчено: Иванов*у*й (род. и дат.), Ива́нов*у*го, небгёсъ (род.), в*у* (вы), зу́б*у* (им. мн.), г*у́*гяў, 3 л во́зьм*ецъ*. Наконецъ, въ говорѣ с. Мухоѣдовъ отмѣчено: *е́ки* (им. ед.) *е*къ (якъ), в*у́*скочили [2]).

Изъ говоровъ Мозырскаго у., тоже съ *дз* и *ц* (спорадически также *д* и *т*) и формами 3 л. ед. на *е*, мы знаемъ кое-что лишь объ одномъ (неизвѣстной мѣстности). Онъ отличается сильнымъ аканьемъ и частымъ употребленіемъ *я* вм. *е*: залато́г*а*, варано́г*а*, далёк*а*, бо́ж*а*, зват. (но: на паро́з*и*, на ха́ц*и*, на рэ́чц*ы*). Формы им. ед. на *ы*, 1 л. мн. пайдо́*мъ*, ся́дзь*ма*, павячара́й*ма* [3]).

Говоры западной группы отличаются соединеніемъ аканья съ оканьемъ, т. е. сохраненіемъ болѣе или менѣе часто неударяемыхъ *о* и *е*, при *дз* и *ц*, твердомъ *р*, *дж*, *зъ* вмѣсто *съ* и рядомъ съ *съ*, *одъ* вм. *отъ*, формахъ им. ед. на *ы*: до́бр*ы*. Формъ им. ед. на *эй*, дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* въ этихъ говорахъ не отмѣчено.

Одинъ изъ говоровъ Новогрудскаго у. (Щорсовская волость) [4]) сохраняетъ неударяемое *о* послѣ ударенія и неударяемое *е* какъ послѣ ударенія, такъ часто и передъ нимъ [5]): старо́*го*, пи́в*о*мъ (твор.), кита́й*ко*ю (тв.), сэ́рц*о*, со́нц*о*, пагуля́ньё, злета́*е*ць, прылега́*е*ць, чецвёрты, ў

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I.

[2]) Тамъ же, т. II, стр. 52, 640, 469.—Жив. Стар. 1894 г., I, 110, 113.—Янчукъ говоритъ какъ объ особенности рѣчицкихъ говоровъ — о замѣнѣ *ы* черезъ *у* м*у* = мы, с*у*нъ, б*у*къ, б*у*йстрый = быстрый. Сборникъ свѣдѣній...

[3]) Тексты у Запольскаго, Бѣлорусская свадьба и свад. пѣсни, Кіевъ, 1888.

[4]) «Piosnki wieśniacze z nad Niemna.... są zebrane w Nowogródzkiem we włości Szczorsowskiej (на границѣ Виленской губ.), najbardziej w Prześliczce, i kilka w Dałmatowszczyźnie».

[5]) «Porównywając dialekt nadniemnowy z naddzwińskim... w pierwszym ma przewagę samogłoska *e*, a w drugim *a*».

селе́, залаты́е, любы́е (им. мн.), стрэча́е; рядомъ: табе́, залаты́, ў даро́зе мядокъ, у вянку. При этомъ неударяемое *о* послѣ ударенія можетъ звучать какъ *у*: на цихумъ Дунаю, на бе́ленькумъ ка́мени, у трэ́цюмъ поли (рядомъ: цихомъ), неударяемое *а* съ предъидущимъ *j* или мягкимъ согласнымъ послѣ ударенія—какъ *е*: по́есъ, хо́дзець, а неударяемое *е* передъ удареніемъ—какъ *и*: нима́, мине́, ципе́ръ (рядомъ: нема́, мене́, цепе́ръ). Сверхъ того, группа: согласный+*j* сохраняется: куцья́, ве́цье, гальё, пагуля́ньё (но: весе́ле); формы имен.-винит. мн. жэньцэ́, касьцэ́ (= жнецы, косцы), сватэ́ (= сваты), дамэ́, дварэ́, пастушке́, дзеўке́, лю́дзе; 3 л. ед. обыкновенно на *е* (рѣдко: ска́чець), но: *есць*, *ёсць*, *есть* (= есть), *есць* и даже *есци* (= ѣсть); 1 л. мн. иногда на *мо*: ро́бимо, седзимо́; повелит. накл. съ *е*: жне́це; неопр. накл. на *ць* и на *ци*; возвр. зал. на *ся* и *ца*, *се* и *це*: прасі́ласе, смею́це (на *съ* нѣтъ). Сверхъ того: формы дв. ч. дзве шко́дзе и дзве шко́ды, им.-вин. ед. ср. р. се́рцо маё́ и маё, мѣстн. ед. на бары́ и на бару́; придыханіе *г* (= *h*): гара́ць при *а*ра́ць (= орать), рядомъ съ болѣе обычнымъ *в*: во́ко, вакно́ (при око, *а*кно) [1]).

Другой говоръ того же уѣзда (с. Березовецъ) имѣетъ безъ ударенія звукъ близкій къ *о* во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ послѣ ударенія: молады́й, сокала́, отступи́ся, до́брога, жо́нко (зват.), се́рцо, зе́ллё, засто́ллё; въ другихъ слогахъ неударяемое *о* = *а*: бали́ць, маё. Неударяемое *е* сохраняется въ тѣхъ же слогахъ, гдѣ и *о*, но гораздо рѣже; оно замѣняется въ остальныхъ черезъ *я* или черезъ *и*: сястра́, вязи́, ляце́ць, е́здзя, мине́, цибе́, засмія́ўся. Въ этомъ говорѣ удвояются мягкіе согласные: зе́ллё; формы мѣстн. ед. на *и*, *ы*: ў сяльцы́, на гары́ (= горѣ); формы 3 л. ед. только на *е*: вязе́, пляце́, ка́жа; формы повел. накл. жне́ця. Формы зват. п. [2]).

Третій говоръ того же уѣзда (мѣстности неизвѣстны) сохраняетъ неударяемыя *о* и *е* во второмъ слогѣ послѣ ударенія: вяли́каго, це́лаго, ме́рано (= мѣряно), дзе́раво, за па́зухой, далёкаё, бли́скаё, са́мые, ме́ньшые, на пе́радзе; а спорадически, можетъ быть, и въ слогѣ слѣдующемъ за удареніемъ: по́ле, здоро́вье; въ другихъ слогахъ *о* и *е* замѣняются черезъ *а*, *я* и *и*: адна́, каза́, мя́хка, вязе́, ле́зя, ў ле́ся, нима́, ищё́. Двойные мягкіе согласные обыкновенно замѣняются простыми: свиня́, вясе́ля (но: здоро́вье). Формы им. ед. на *ы* (той), мѣстн. на канцы́, твор.

---

[1]) Матеріалы въ двухъ книжкахъ Чечота: Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, z dołączeniem pierwotworuych w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1844;—Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dzwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy w mowie sławiano-krewickiej, Wilno, 1846.

[2]) Русск. Филол. Вѣстн. 1884 г., № 2 и 3.—У Шейна, Мат., т. II, стр. 131: хлѣвэ, пастухе́, шапке́, им. и вин. мн., би, повел. н. С. Березовецъ—на юго-западѣ отъ Щорсъ, недалеко отъ послѣднихъ.

плячы́*ма*, 3 *л.* ед. на *е*, но: *есць* = ѣсть, повел. н. дарэ́це, напи*ся*, возвр. зал. всегда на *ся* [1]).

О четвертомъ говорѣ того же уѣзда (дер. Круговичи) мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, кромѣ того, что неударяемое *о* въ немъ иногда въ концѣ словъ сохраняется; записано: другоѐ, суджоноѐ, перъѐ, сняданьнѐ, даўсѐ (= дался), рядомъ съ цвятокъ, цябе, глядая, пъеця, бѣлоя лицо, на болоци, на рыби, жына, сусѣдочыкъ (род.), даже: у вяликуй дорози. Въ этомъ говорѣ двойные мягкіе согласные: зе*мьлѐ*, снядан*ьнѐ*, формы вин. ед. бела́*ю* руку, им.-вин. мн. гужэ́, паслэ́ (= послы), мядэ́, быке́, дзяўке́, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. величя́*мо*, повел. н. идзе́це, возвр. зал. на *сѐ* (рядомъ на *ся*). Сверхъ того: *ящэ* (двойные твердые согласные?) [2]).

Какъ далеко на востокъ заходятъ говоры западной группы, мы не можемъ опредѣлить, такъ какъ находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ внушаетъ къ себѣ мало довѣрія.

Тексты, записанные Дмитріевымъ въ неизвѣстныхъ мѣстностяхъ Минскаго и Игуменскаго уу., позволяютъ думать, что говоры этихъ мѣстностей, не имѣя дифтонговъ *уо*, *іе*, въ томъ или другомъ количествѣ сохраняютъ неударяемыя *о* и *е*. Напримѣръ, въ нихъ стоитъ: хорошае, дастаўсе, налета ўсе (минск.), скажысе, подзелисе (иг.), рядомъ съ формами абрусе (вин. мн., = убрусы, иг.), у сянёхъ (минск.), збира*ць* (минск.), хо́дзе, насяко́*мъ* (иг.) [3]).

Тексты изъ сс. Побережья и Скуплины (на р. Березинѣ), Борисовскаго уѣзда, изданные графомъ Тышкевичемъ, также позволяютъ думать, что говоръ этихъ селъ (несомнѣнно дифтонговъ *уо*, *іе* не имѣющій) часто сохраняетъ послѣ ударенія неударяемыя *о* и *е*. Записано: табе́, залаты, гала́ва́, я́е́, мяне́, дзе́ла (= дѣло), це́ста (тѣсто), ли́жа (3 л. ед.), засто́лья, падво́рья (им.-вин. ед.), дубо́вай (твор.), и рядомъ: далёко, на́шаго, до́браго, у до́ўгой даро́зе, крыни́цой (твор.), у гаро́дзе, на частако́ле, до́брые, угада́е (3 л.), ржы́це (повел.), раёчекъ, ве́черъ. Другія особенности: *дз* и *ц*, твердое *р*, сохраненіе мягкихъ согласныхъ+*j*: застолья (рядомъ: каха́не=коханье), формы им. ед. на *ы*, род. майго́, мѣстн. пры

---

[1]) Тексты изъ Новогрудскаго у., Дыбовскаго, въ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, тт. V, X, Kraków, 1881—86, и у Шейна, Мат. т. I, ч. II, 221 сл.

[2]) Тексты у Шейна, Мат., т. I, ч. II, 235 сл. Еще тексты изъ Новогрудскаго у.—у Дмитріева въ «Собраніи пѣсенъ, сказокъ, обрядовъ и обычаевъ крестьянъ сѣверо-западнаго края», Вильна, 1869 (пѣсни перепечатаны у Шейна), и въ «Сказкахъ» Аѳанасьева, вып. 3-й, №№ 2—10 (сообщенные Дмитріевымъ). Здѣсь: свиня, пищы (род.), формы звat. кумко (ж. р.), дурачку, возвр. з. сашлисе, схватилисе.

[3]) Памятная книжка Гродненской губ. на 186

татэчку, твор. мн. ручками бяленькáми, 3 л. ед. на *ець* и на *е*, возвратн зал. на *се* и на *ся*; формы зват. п. [1]).

Говоры ю ж н о й группы—переходные отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ сѣверно-малорусскому поднарѣчію—слышатся въ центрѣ Минской губ.: въ южной окраинѣ Минскаго у., въ Слуцкомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Мозырскомъ уу. Они соединяютъ въ себѣ бѣлорусскія аканье (въ той или другой степени неполное) и дзеканье съ сѣверно-малорусскими дифтонгами *уо*, *уы*, *ыо* и *іе* на мѣстѣ собственно бѣлорусскихъ ударяемыхъ *о*, *ё* и *е* (= древн. *е* и *ѣ*) и (иногда) ихъ неударяемыхъ рефлексовъ, причемъ въ этихъ дифтонгахъ въ сѣверо-восточной части территоріи говоровъ южной группы преобладаетъ вторая часть звука: в*уо́*лъ, м*ыо́*дъ, с*іе́*мъ (= семь), с*іе́*но, а въ прочихъ мѣстахъ—первая: в*у́*олъ, м*ы́*одъ, с*и́*емъ, с*и́*ено [2]). Сверхъ того: *р* звучитъ обыкновенно лишь твердо; двойные мягкіе согласные (съ болѣе или менѣе частыми исключеніями); *зъ* вмѣсто *изъ*, *съ*; *дж*; твердое *л* въ си́лно, бо́лно, па́лцы, что́ «не составляетъ однако общаго правила» (Игуменскій, Слуцкій, Бобруйскій уѣзды) [3]). Формы им. ед. на *ы*, род. ма́йго́ и ма́го́ и т. п., 3 л. ед. на *е* и *иць* (но: *ёсць* и *есць* = есть, *есць*=ѣстъ); формы зват. пад. на *е* и на *у*. Формъ им. ед., дат.-мѣстн. ед. на *эй*, им. мн. на *эя* здѣсь совсѣмъ или почти совсѣмъ нѣтъ.

Неизвѣстно, звучатъ ли въ этихъ говорахъ древніе звонкіе какъ глухіе, или сохраняются, т. е. произносится ли мыо́дъ, или мыо́тъ, сало́дкій, или сало́ткій [4]).

Часть этихъ говоровъ, тѣ, которые находятся на сѣверномъ берегу Припети, исключительно или по преимуществу послѣ губныхъ имѣютъ *у* вмѣсто *ы*: бу́къ (быкъ).

Объ степени аканья въ говорѣ дер. Ячонка (близъ м. Столбцы), на южной окраинѣ М и н с к а г о уѣзда, мы не можемъ ничего сказать; отмѣчено: пясо́чакъ, пчала́, поглядя́л и т. п.; несомнѣнно, неударяемыя *о* и *е* въ большемъ или меньшемъ количествѣ случаевъ сохраняются. О дифтонгѣ *іе* (онъ одинъ отмѣченъ) также мы не можемъ сказать, какая часть, первая, или вторая, въ немъ преобладаетъ, и какъ часто онъ упо-

---

[1]) Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego. Wilno, 1847.

[2]) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. I, М. 1889 г. (Извѣстія И. Общ. Любит. Естествозн., Антропол. и Этногр., LXI), ст. Ячука.—Позволяемъ себѣ напомнить, что дифтонгъ—о д и н ъ звукъ.

[3]) Т а м ъ ж е, стр. 70.

[4]) «Относительно тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ я не успѣлъ побывать, я могу сказать только, что на югѣ Минской губ., въ сторону Польши и Малороссіи, бѣлорусскій языкъ далеко не такъ чистъ, какъ въ сѣверной части, не только въ отношеніи звуковъ, но и въ отношеніи словоупотребленія и формъ; тамъ совсѣмъ особый типъ языка съ большой примѣсью польскаго и малорусскаго». Т а м ъ же, стр. 70.

требляется; едва ли можно сомнѣваться, что онъ употребляется много рѣже, чѣмъ въ сѣверно-малорусскихъ говорахъ: таб*іе* (= тебѣ), выб*іе*гла, посѣдз*іе*нки, п*іе*сня, п*іе*ли, зацв*іе*та́е, стрэм*іе*но́ў (род. мн.=стремянъ), и рядомъ: на дворэ́ (мѣстн.) и т. п. Другія особенности: твердое двойное *ш*: *шшы*гелъ (= щеголъ), формы род. св*эй* матушки, сво*е́* цётушки, повелит. н. заверне́це, одберэ́це, запросе́це, возвр. з. женици*се* [1]).

Въ говорѣ Ново-Сверженской волости, на границѣ Минскаго у. съ Новогрудскимъ, отмѣченъ звукъ средній между *о* и *а*, являющійся спорадически и передъ удареніемъ (во 2-мъ слогѣ), и послѣ него: похава́йма, жы́т*о*, жа́лк*о*, рядомъ съ чистымъ *а*. Сверхъ того: *и* изъ *е* безъ ударенія: дз*и*ся́токъ, п*и*нёкъ, ц*и*пе́ръ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части,—обычное явленіе: сак*уо*лъ, б*уо*йся, м*уо*й, вал*уо*мъ (дат.), ж*уо*нка, даже: б*уо*рзды (= борзый), в*уо*ўкъ (= волкъ) п*уо*вянъ (= полонъ), ст*уо*ликъ, гав*уо*рыць (3 л.), залат*уо*му, жыв*уо*га (род.), рядомъ съ конь; н*іе*тъ, няв*іе*хна, ј*іе*сьци (= ѣсть), р*ые*чка, гар*ые*лка, таб*іе*, щац*ые* (=щекѣ, дат.), п*іе*чка, пасьц*іе*ль, даже м*іе*ду (род.); рядомъ: на роки́тав*у*мъ кусту, пра́в*у*й, си́н*ю*й (дат.), р*ы́*ку (= рѣку, вин.), сястр*ы́* (дат.). Другія особенности: чат*ые*ры (= четыре), *и*къ (безъ ударенія) = якъ, *пъя*ць (пять), *мъё*тъ (медъ), скаро́*джу*. Формы: им. ед. свят*ы* дзень, род. ед. у мо́*я* ма́тки, им.-вин. мн. съ ударяемымъ дифтонгомъ въ концѣ: арл*ые*, мяд*ые*, сват*ые*, ключ*ые*, гаршк*ие*, залат*ые*, жалк*ие*, род. мн. ўс*ю*хъ (= всѣхъ), 3 л. ед. жыв*е́*ць, вяз*е́*ць, 2 л. ед. повел. н. б*и*, 1 л. мн. повел. н. да́й*ма*, пагуля́й*ма*, 2 л. мн. повел. пакаже́ця, сяче́ця, возвр. з. закаци́ла*се* [2]).

О степени аканья въ говорѣ с. Подлѣсья, Слуцкаго у., мы не можемъ ничего сказать; записано: го́рд*а*=гордо, таб*и́*, подм*а*ви́ли, в*я*нокъ, ч*а*го́, в*я*зли́, ж*а*ню́, дз*я*ўчи́на, на́ш*а*го, пла́ч*а*, 3 л., ма́тц*а*, дат., буольшо́*я*, пуойдз*и*шъ. Дифтонги *уо* и *іе*, неизвѣстно съ преобладаніемъ какой части, употребляются очень часто: м*уо*й, дв*уо*ръ, б*уо*ръ, б*уо*гъ, т*уо*льки, дор*уо*жка, в*уо*йна, *юо*нъ (=онъ), м*юо*дъ, лябю*о*дка, ж*уо*нка, зял*юо*нъ [3]), дз*іе* (= гдѣ), в*іе*къ, чалов*іе*къ, л*іе*съ, об*іе*дъ, на стол*іе*, п*іе*чъ, м*іе*чъ, причемъ рядомъ съ ними изрѣдка являются съ одной стороны *у* и *и*: вуойт*у*ўна (= войтовна), вол*у*ў (род. мн.), дол*у*ў (=доловь) [4]), таб*и*, в*іе*, с*іе* (= вѣетъ, сѣетъ), п*и*ръя (= перье), съ другой—*о* и *е*: мёдъ, семъ (= семь) и т. п. Придыханіе *г* въ *го*стры (= острый). Формы: им. ед. т*о*й, хитр*ы*, род. кажд*аи* ночи, мѣстн. на вуойськ*у*, дат. мн. па-

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I. Д. Ячонка—близь границъ Новогрудскаго и Ошмянскаго уу.

[2]) Жив. Стар. 1893 г., I, ст. Довнара-Запольскаго; матеріалы, тамъ же, 1894 г., I, стр. 111—113.

[3]) Даже: т*уо*й, им. ед., немн*уо*го и т. п.

[4]) Даже: зъ Бѣл*уй* Руси.

*нуо*мъ, твор. плеч*ыма*, оч*ыма*, 1 л. мн. бу́д*амъ*, повел. н. 2 ед. помо*жы́*, 1 л. мн. поста́ў*ма*, возвр. з. на *са*: забыла*са*, бою*са*, и на *ця*: напьец*ця*. Форма буд. вр. 3 л. мн. собираць *муць* [1]).

О говорѣ с. Семежова, того же у., наши свѣдѣнія очень скудны. Повидимому, онъ близокъ къ говору подлѣсскому: т*а*бѣ́, ч*а*му́, на́ш*а*го, сце́ж*а*чка; р*уо*дны, гол*уо*вка, к*уо*жны (= каждый), ў бож*у*мъ домѣ, у шелков*у*мъ пуцѣ (отъ путо), рядомъ съ м*о*й, тв*о*й и т. п. Сверхъ того: *е*къ (=якъ), сва*е́*, род. е́д., зал*и*ся, повел. н., *о*дорве́ц*ця*, 3 л. ед., хорошэ (= хорошо).

То же можно сказать о говорѣ д. Островковъ, Царевской волости, того же у. Отмѣчено: га́ёкъ, ст*уо*лъ, с*уо*ль, м*уо*й (рядомъ: тв*о*й), неб*юо*съ (род.), растр*уо*съ (= растрёсъ), сл*юо*зки; сверхъ того: *е*къ (=якъ). Въ говорѣ д. Малой Млынки, той же волости, отмѣчены ф. им. ед. сам*ый*, высок*и*, так*и*, и возвр. з. на *се*. Сверхъ того: *е*къ [2]).

Въ говорѣ д. Конюховъ, того же у., при сильномъ аканьѣ (п*а*х*а*ва́е, *я*на́, дз*я*ржа́ў, п*я*р*а*ли́чимъ), тѣ же дифтонги: т*уо*льки, мужык*уо*ў, ма*іе* апастолы (им. мн. [3]).

Въ говорѣ дер. Мелешкевичей и Мащицъ (въ 10 и 8 верстахъ отъ Слуцка), при аканьѣ (т*а*бѣ, ч*а*го, гет*а*го), отмѣчено: б*уй*сь, что, по всей вѣроятности, должно читать: б*уо*йсь [4]).

Въ говорѣ имѣнія Рачковичи отмѣчено: ба́б*о* (зв.), таб*и́* (дат.), по*въё́*ў, по*мъё́*ръ, *пъя*дзеся́тъ, в*у́*пиць (=выпить), дат. мн. жыд*о́*мъ, 2 л. мн. пов. поглядзе́це, *ёсь*=есть [5]).

Въ говорѣ с. Юревичи, Игуменскаго у., сильное аканье: г*а*ло́вочка, м*а*л*а*ды́, д*а*лина, з*я*лё́ны, б*я*ле́нькій, н*я* зняў; дифтонги только подъ удареніемъ: м*уо*й, т*уо*й (дат.-мѣстн. женск. р.), в*уо*нъ (= онъ), р*уо*дны, веч*юо*ръ, мн*іе* (= мнѣ), сус*іе*дъ, слёзы ма*іе*, у крыв*іе* (= въ крови); рядомъ: на син*ю*мъ моры; формы имен. ед. не только на *ы*, но и на *ый*, род. ед. ма*е́* (= моей). Сверхъ того: быв*а́*це (= бываете) [6]).

О степени аканья въ говорѣ Якшинской волости, того же у., не можемъ сказать ничего (отмѣчено: на мо́р*а*, мѣстн., и на даро́з*и*). Дифтонгъ *ыо* только при удареніи: к*ыо*нь, т*ыо*лько, н*ыо*чъ, н*ыо*ччу, т*ыо*й (дат.), жарапц*ыо*ў (род.), даже мн*ыо*го, рядомъ съ ка́жд*у*й (дат.), объ гэ́т*у*мъ. Еще

---

[1]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I; т. II.

[2]) Тамъ же, т. I, ч. II, стр. 206 сл., 290 сл., т. II. Въ текстахъ изъ д. Іодчицы, Грицевич. волости, Слуцк. у.: по вороненьк*у*мъ, ф. повел. н. будзе́це (= будите), ходзе́це. Тамъ же, ч. I, № 151.

[3]) Календарь сѣв.-зап. края на 1889 г., стр. 136. Здѣсь, стр 135, два стихотворенія, повидимому, на этомъ же говорѣ; въ нихъ мы находимъ: к*а*х*а*н*а*къ, (им. ед.), *а*тк*а*па́цца, ж*уо*нка, н*уо*ччу, *спъя*ць (= спятъ).

[4]) День (газета) 1863 г., № 28, стр. 10.

[5]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 301, 302.

[6]) Тексты въ Сборникѣ свѣдѣній,..., ст. Янчука.

отмѣчено: *дж*; формы свайго́, чу́*я*, хо́*ча* (3 л., рядомъ на *ищь*), неопр. н. помо́чи.

О степени аканья въ говорѣ Бродецкой волости (с. Колбча) также сказать нечего (отмѣчено: со́сня, ёлацца=елочкѣ, дат.). Дифтонгъ *уо* подъ удареніемъ: кобыла жа*руо*бна, пан*уо*мъ (дат.), при *у* безъ удренія: у гэ́тумъ ста́дзи, у цёмнумъ ле́ся. Сверхъ того: прывгёў, помгёръ, формы им. ед. м. на *ы*, дат. свайму, 3 л. ед. мо́жа, гово́ра, 2 л. пов. би, возвр. з. набра́ўсе [1]).

Въ говорѣ одного глухаго селенія на Полѣсьѣ, того же у., сильное аканье: карава́й, памажы́, залато́га, при зевзю лька, ена́ (она), старые; отсутствіе двойнаго мягкаго согл. въ снѣда́нье, твердое двойное *ш* въ це́шша (при пущчавъ), твердое *в*: въ чатво́ртомъ, *дж* въ побуджа́ла; формы род. ед. ж. р. свято́ѣ, пречи́стаѣ, тваѣ, сваѣ, род. свайго́, дат. свайму́, 1 л. мн. из. н. ведо́мъ, ѣдамъ, 1 л. мн. пов. ѣдзьмо, пакланѣмся, 2 л. ед. пов. вы́ли (=вылей), 2 л. мн. пов. вазьмѣце, палажѣце, ламѣце, возвр. з. крыйса, пастригався. Сверхъ того, ф. буд. вр. мѣць *мешъ* [2]).

Говоръ Дерновичской волости, Р ѣ ч и ц к а г о у., имѣетъ дифтонги *оу* (не *оу*) и *іе*: *боуг*ъ, *коун*ь, *стоулка*, *лі*есъ, *сьві*етъ [3]).

Говоръ с. Языль, Б о б р у й с к а г о у., имѣетъ сильное аканье передъ удареніемъ: *карава́й*, *залаты́*, *аны*=они, *нясли́*, *вязли́*, *цябе́*, *жана́*, но: *свича́* (рядомъ: гаѣчокъ, до́*брого* и т. п.), и дифтонги въ ударяемыхъ слогахъ: м*уо*й, н*уо*чъ, р*уо*дъ, малу*о*дочка, н*уо*жка, т*уо*й (дат.-мѣстн.), м*іе*сяцъ, л*іе*то, таб*іе*, та*іе* (род. ед. жен. р.), чы*іе*, ма*іе* (им.-вин. мн.), м*іе*чъ, п*іе*чечка, вяс*іе*ля, изъ которыхъ *уо* замѣняется, при отсутствіи ударенія, чрезъ *у*: вувто́рокъ, у первумъ углѣ, на паповуй синажаци, у цёмнуй цямницы, пиваварувъ (род. мн.). Сверхъ того: формы им.-вин. муж. р. на *ый* (и на *ы*), им.-вин. ед. сред. р. на *э*, *эе*: бясхвостэ, шырокее, вяликее (рядомъ на *ое*: другое), повелит. накл. съ *ѣ*: хадзіемъ, сядзіеце, абламіеце, повел. накл. пи (= пей), возвр. з. на *ся* и на *са*: збира́ўса, накры́юса, буойса (повел. н.). Еще отмѣтимъ: формы мѣстн. ед. ў вишнёвамъ саду, двойств. ч. дзвіе бярозе, трама (дат.-тв.), прош. вр. буў и быў [4]).

Въ говорѣ с. Петриковъ и его волости, М о з ы р с к а г о у. (на сѣверномъ берегу Припети), аканье неполное, повидимому, чаще передъ удареніемъ: акно́, хадзі́ў, нясе́, ня бу́дзе (но іе́=ее), чѣмъ послѣ ударе-

[1]) Ш е й н ъ, Мат., т. II, стр. 276 (Якш. в.), 50, 159 (Брод. в.).

[2]) К і е в с к і й Т е л е г р а ф ъ 1859 г., №№ 17—25, ст. «Свадьба на Полѣсьѣ» Полагаемъ, на основаніи особеннаго употребленія *ѣ*, что авторъ ея не умѣлъ изобразить дифтонговъ.

[3]) Жив. Стар. 1893 г., I, стр. 13, ст. Запольскаго.

[4]) Тексты въ С б о р н и к ѣ с в ѣ д ѣ н і й.... ст. Янчука.

нія: угаль, мóжа, 3 л. единств. (рядомъ: ёгó ёмý). Дифтонгъ подъ удареніемъ—обычное явленіе: звуонъ, луый (лой), суыль (но свой, носъ, марóзъ), біѣгали, біѣдны, чаловіѣкъ, собіѣ, іѣсци (при ф. дат. дарóзи, хáци). Сверхъ того, твердое *р*, *дж* въ ходжý, *у* изъ *ы*: вýскочиць, вýйду, мýю, *е* изъ *я*: еки, пóесъ, рóбець (3 л. мн.), *ё* въ міѣсёцъ, *мъя* изъ *мя*: мъя́со; формы им. ед. муж. на *ы* и *ый*, ср. р. такéе, якéе, род. ед. магó, моé жóнки, жывэ́е воды, дат. маймý, тв. ед. однэю рукою, дат. мн. братóмъ, сынóмъ, бацькóмъ, 1 л. мн. повел. ходзéмъ, побáчемо, уцекáймо, 2 л. мн. пов. пúце, возвр. з. на *са* и *со*, буд. вр. йци *ме*, бачиць *ме* (3 л.). Губные согласные передъ *е* часто звучатъ твердо: доўбэ́шка, вэрнецца, вэльми [1]).

Говоръ м. Скрыголовъ, на южномъ берегу Припети (почти напротивъ Петрикова, повидимому, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ говора Петрикова. Отмѣчено: маладзúца, начавáць, сцяна́, дифтонги въ луый, чóрнуый (дат.), суоль (при носъ), хаджý, вýйду (=выйду), мýю (=мóю), мъясо, мъяць, ф. им. ед. на *ы*, 3 л. ед. збира, при лятáе.

То же, кажется, слѣдуетъ сказать о говорѣ Михалковской волости (на югъ отъ г. Мозыря). Отмѣчено: акнó, начавáць, дифтонги *уó* и *уы*, *дж* въ ходжу, *у* изъ *ы* въ мýю, *е* изъ *я* въ любець, рóбець (3 л. мн.), при пóясъ, яки, мъя́со, привъёзъ; формы малады́ (им. ед.), майго, маймý, 3 л. ед. на *е* и *ицъ*, 2 л. мн. пов. пице, бице, 3 л. ед. возвр. бъеца. Можетъ быть, въ отдѣльныхъ словахъ вмѣсто бѣлорусскаго *ц* передъ *е* слышится *т* (отмѣчено: стенá) [2]).

Говоръ с. Мелешковичи (на югъ отъ Припети) въ сущности тотъ же, что и петриковскій. О степени его аканья мы не можемъ сказать ничего рѣшительнаго (отмѣчено: табé, цябé, няйдзéшъ, козняты, чамý, нáшаму; рядомъ: козынька и козанька, светы, вежý, везáла = вяжу, лáецъ, неопр. н., ечмéнь); объ употребленіи дифтонговъ тоже (отмѣчено лишь *уо* подъ удареніемъ: на туомъ сельцэ́, пѝруохъ, туолько, коруовочка, руожечки, нуожечки, даже: дуоброва; рядомъ: бóйся, уцёкъ, стральцóў, род.). Сверхъ того: *у* вм. *ы*: вýшеў (= вышелъ), копýцики (=копытики), *и* вм. *ѣ*: зъ лива ўшка; формы им.-вин. средн. светэ, правэ, колосúстэ, тэ́е сельцэ, им. мн. хлопцэ́, стральцэ́, род.-вин. табé, дат. мн. сынóмъ, 3 л. ед. шыя, гýбя, 1 л. мн. на *омъ*: знайдомъ, 1 л. мн. повел. на *мо*, неопр. н. éсци (=ѣсть), возвр. з. на *са* и *со*. Рядомъ съ *дз* и *ц* какъ будто слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

---

[1]) Труды этнографическо-статист. экспед. въ юго-зап. край, Чубинскаго, т. VII, стр. 597;—Шейнъ, Мат., т. II, 173.

[2]) Труды, VII, 596, 597.

[3]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, стр. 56 и др.

Въ говорѣ с. Кочищи, Скородинской волости (къ югу отъ с. Мелешковичей, близь границы Волынской губ.), отмѣчено: *табе́*, *вярацена* (= веретёна) *мяне́*, рядомъ съ *па́нно*, *ба́бо* (зв.), *гэ́тае се́но*, формы им. ед. м. р. на *ый*, ср. р. (и нарѣчія) на *э*, *эе*: *хоро́шэ*, *тэ́е* акно, род.-дат. мѣстн. ед. на *эй*, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *са* и *ця*: *вярну́ццця* (неопр. н.). Дифтонги не отмѣчены, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться [1]).

Въ говорѣ Морочскаго прихода (Полѣсье) аканье слышится, повидимому, только передъ удареніемъ: *малады́*, *галасо́къ*, *табе́*, *чаты́ры* (при *ба́цюхно*, *ло́жочки* и т. п.; но: *бо́рза*). Дифтонги не указаны, но въ ихъ существованіи трудно сомнѣваться. Отмѣчено: *е*кая, формы им. ед. на *ы*, ср. р. *хорошэ*, род. свого и *свойго́*, *маладо́е*, мѣстн. мн. въ *сѣнъхъ*, 3 л. ед. на *е*, 1 л. мн. *ведо́мъ*, подзякуйѣмо, 2 л. мн. пов. *идзѣ́це*, возвр. з. на *са*. Еще: *а*скресенье=воскресенье, *сяты*=святой. Рядомъ съ *дз* какъ будто слышится мягкое *д*.

Въ говорѣ Грабовской волости отмѣчено очень немногое: *ма́таццы* (дат.,=*ма́точкѣ*), *весть*=вѣсть, формы род. ед. *пра́вое* *руки́*, тв. мн. *старыма* *пчелыма*, 3 л. ед. на *е*, 2 л. мн. повел. *бите*, *диве́те* (дивите); *дз* и *ц* и мягкія *д* и *т* рядомъ [2]).

Въ говорѣ с. Красная Воля, Лахвинской волости (къ сѣверу отъ Припети, близь границы Пинскаго у.), аканье не полное. Отмѣчено: *тваѝ*, *ясянъ*, *посылаѝ* (3 л.) *вэдзе́*, *бэрэ́* (3 л.), *свэча*. Изъ дифтонговъ отмѣченъ дифтонгъ *уо*: *муой*, *друобны*, *жуонка*, *жуоўты*; рядомъ: *раннюй* (дат.), *мэдъ*. Сверхъ того: *у* вм. *ы*: *бу́стры*, *му́ты* (=мытый), *ву́шоў* (=вышелъ), изрѣдка *и* вм. *ъ*: *мни* (дат.), на *не́би*, на *ла́ўцы*, *г* въ *г*остры, *дж* въ *буджу*, одиночное мягкое *л*: на *ралье́* (отъ ролья), *и* изъ *о*: до *и*боры. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *е* и *ее* (*чы́стэ*), род. *майго*, *маé* дочаньки, дат.-мѣстн. *маёй*, *цибэ* (=тебѣ), зв. *му́жу*, им. мн. *жураўле́*, дат. мн. *ворого́мъ*, 3 ед. *посылаѝ*, *зазыва́ѝ*, 1 л. мн. *бу́дамо*, *дождомоса*, 2 л. мн. повел. *шэбэчэ́ця*, *идзе́це*, возвр. з. на *са* и *ца*. Повидимому, рядомъ съ *дз* и *ц* слышатся мягкія *д* и *т* [3]).

Бѣлорусскіе говоры Гродненской губ. могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, отличающіяся другъ отъ друга главнымъ образомъ тѣмъ, что одна, сѣверная, или вовсе не имѣетъ дифтонговъ, или имѣетъ дифтонгъ *уо* и *у* на мѣстѣ *о* лишь изрѣдка, а другая, южная, напротивъ того, богата дифтонгами. Другія черты ихъ въ значительной части одни и тѣ же: *дз* и *ц*, твердое *р*, двойные мягкіе согласные, неполное аканье

---

[1]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. I, стр. 44. О говорѣ с. Скороднаго — малорусскомъ — см. ниже.

[2]) Минскія Губ. Вѣд. 1877 г., №№ 23—26 (Мор. пр.), 32—33 (Граб. в.).

[3]) Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, Кіевъ, 1895, стр. 140. Тексты записаны очень дурно.

(*о* и *е* безъ ударенія болѣе или менѣе часто сохраняются), формы им. ед. на *ы*, 3 л. ед. на *е* и *ицъ*, 1 л. мн. на *мо*, неопред. н. на *ць* и *ци* (безъ ударенія); отсутствіе формъ им. ед. на *эй* и дат.-мѣстн. ед. на *эй*.

Говоры сѣверной группы занимаютъ сравнительно небольшую территорію въ Гродненскомъ и Сокольскомъ у.

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ д. Новоселки, Масляно-Богородицкой волости, Гродненскаго у.: *сабе́*, *сястра́*, *ка́жа* (3 л.), *пла́чацл* (2 л. мн.), на *све́ци*; *ту́лько* (т. е. *туолько*?) = только, *ў гэ́туй ра́ццы*; формы род. ед. *сваго́*, *ма́е* мацяры, род. мн. *сястро́ў* (=сестеръ), им. мн. пастухе́, 3 л. *бу́дзя* и *идзе́ць*, повел. н. складзе́ця, спусьце́ця, неопр. запраці́ц, возвр. з. *баю́са*, *вярну́со*, *вы́браўсо*.

Вотъ данныя о говорѣ деревень Конюхи и Демидково, того же уѣзда: *ззяси́* (2 л., съѣшь), *ту́лькы* (т. е. *туолькы*?), у *на́шумъ* сяле́; формы род. ед. карчмэ́, 1 л. мн. *дамо*, 2 л. повел. вазьме́це, спале́це (=спалите), разлаже́це. Въ сосѣдней съ этими деревнями околицѣ Залевичи записано: *мѣйсьцо*, *екъ*, *ла́ець* (неопр.), *знаюса* [1]).

Вотъ данныя о говорѣ с. Лаши, того же у.: *маладая*, *табе́*, *вяли́ки*, *нядзе́ля*, *на́шаго*, *ако́нца*, *пла́ча*, *зна́я*, *на дарози*; *на гэ́тумъ све́ци*; *о* изъ *а* передъ *j* подъ удареніемъ: *устако́йце*, *лето́ючы*, *вечэро́й* (=вечеряй); *дж* въ *абуджаць*; *пья* въ *пъяты*; твердое *с* въ *сэрцэ*; твердые шипящіе въ *щэ*; отсутствіе начальнаго *і* въ *атава́ць*, *адава́ць*, *удзе*. Формы им. ед. на *ы*, им.-вин. ср. р. на *э*, род. *маго́*, *доброй*, *пшени́чнэй*, мѣстн. на *маи́мъ* лицу, зв. *Юръю*, им. мн. *жэньцэ́*, *сватове*, род. *дзвёхъ*, дат. *людзёмъ*, дв. ч. *тры лѣци* (=лѣта), 3 л. ед. на *е* и *ицъ*, 1 л. мн. на *мо*, повел. *пойдзе́мъ*, *тамеце* (=томите), при *дагани́це*, и возвр. зал. на *са*: *валю́са* [2]).

По словамъ наблюдателя, говоръ сѣверной части Гродненскаго у. отличается отъ говоровъ бѣлорусскаго центра «болѣе твердымъ произношеніемъ и меньшимъ измѣненіемъ *о* въ *а*»: *гаспода́рыку* (зват.), *адному́*, *каро́ўка*, *ста́лася*. Имъ отмѣчено: *бугъ* (=богъ), *ру́вня* (рядомъ: *твуя́*), *хлибъ*, *рижъ* (= рѣжь) [3]).

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., д. Жуки (въ 7 верстахъ отъ г. Соколки къ сѣверу), наблюдатель называетъ «вообще чисто бѣлорусскимъ». Онъ отмѣчаетъ въ немъ лишь формы: род. ед. *зямле́*, *руке́*, *сястрэ́*, *травэ́*, *пяче́* (отъ печь), им.-вин. мн. *валэ́* (волы), *чапцэ́*, *жанке́*, дат. ед. *сы́нови*, *жабраке́ви*, *жарапце́ви* (жеребцу), возвр. з. обыкновенно на *са*, но при подлежащемъ средн. р. на *со*: *прасы́лосо*, а при подле-

[1]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 149, 183 (Новос.), 318 (Кон. и Дем.).

[2]) Шейнъ, Мат. т. I, ч. I, № 588, ч. II, стр. 359, 615, 683. Довнаръ-Запольскій, Пѣсни Пинчуковъ, стр. 148.

[3]) Матеріалы для геогр. и старист. Россіи. Гродн. губ., I стр. 626—627.

жащемъ мн. ч. на *сэ*: напили́*сэ*. Сверхъ того, ф. буд. вр. по-польски: будзешъ прасіў. Еще: га́ты рокъ=гэты [1]).

Въ одномъ изъ говоровъ Бѣлостокскаго у. отмѣчено: *сабе́*, ба́*баю* (тв.), *абъ* ры́*бцы*, ни́*такъ* (род.), гало́*ванька*, бе́*днай* (род.), мя*не́*, при две́*сце* (= двѣсти), вы́*ведзе*, пущае; сверхъ того: осе*ню* (=осенью) [2]).

Говоры южной группы—говоры переходные, постепенно сливающіеся съ сосѣдними сѣверно-малорусскими говорами.

Одинъ изъ говоровъ Сокольскаго у., окрестностей м. Суховоли, имѣетъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова: *маладо́й* (дат.), ў *нач*е́ (въ ночи), г*э́та*го, сохраняя *о* въ исходѣ слова: ме́йсц*о*, васе́л*ё* (=веселье), муо́ц*но*; рядомъ *нидаўно*, *его́*, старіе́йшые (им. мн.). Дифтонгъ *уо́*: б*уо*гъ, к*уо*стка, на т*уо*мъ свеци, *юой* (ей), *юонъ* (онъ), зв*юоў* (свелъ), даже: т*уой* (им. од.), паш*уоў*, дв*уо*хъ (род.). рядомъ съ маладо́й, дат., пасто́й (пов.), прыне́съ. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*: р*іе́*чка, р*іе́*дко, хитр*іе́*йшы. Формы: мѣстн. на земл*е́*, на св*е́ц*и, ў нач*е́* (отъ ночь), им. мн. грэх*е́* людзкі*е*, крыж*э́*, ўс*е́* (дат. мн. ўсемъ и ус*и*мъ), 1 л. мн. повел. зрабе́мъ, возвр. з. на *се*. Сверхъ того: *е*къ. Звонкіе согласные въ концѣ словъ и передъ глухими повидимому сохраняются.

Говоры Волковыскаго у. мало отличаются отъ предъидущаго говора. Они имѣютъ *а* изъ *о* передъ удареніемъ и послѣ ударенія не въ исходѣ слова и сохраняютъ *о* въ исходѣ слова; отмѣчено: зо́л*ато*, здаро́в*нё* (им.), пако́*яў* (покоевъ, род.), ўсяго́; рядомъ: *нидаўно*, *нидзе́ля*, *мижъ* нуогъ, *ее* (род.), *его́*, пыта́*е*, хо́*че* (3 л.), хо́*чешъ* (2 л.). Дифтонгъ *уо́*: пар*уо*хъ, кс*юо*ндзъ, *жуо*нка, па дам*уо*хъ (мѣстн.), *муо*хъ (мохъ), хв*уо*ры, *муо*ста, н*уо*чи (род.), мн*уо*го, п*оо*ро (перо), ўвайш*уоў*, т*уо*й (им. ед.), дурн*уо*й (им.), в*уо*ўкъ, в*уо*ўка (волкъ,-а), *дуоў*го, *чуо*рны, кр*уоў*ю (кровью), даже: атс*юо*къ (отсѣкъ); рядомъ: на прав*о́*й старан*е́*, ёй (дат.), пэрэвёў. Дифтонгъ *іе́* (изъ *ѣ*) послѣ *р*, *л*, *ш* и *ц*: ср*іе*бро, на гар*іе*, р*іе*жу, ўл*іе*зъ, ў л*іе*си, хл*іе*ба (род.), ш*іе*сць, ц*іе*лы, рядомъ съ *е́*хаць, на дарози и др. Сверхъ того, *дж* въ гле*джу́*, ра*джу́*, са*джа́*ць. Формы род. ед. та*е́* карчмы, сва*е́* земля́нки, ма*е́* галавы, тако*и* жуонки, бо́л*ае*, да *се* (=до себя), мѣстн. ед. на канцы́, на межы́ и на меж*е́*, на печ*е́*, пры агн*е́*, зв. дзе́ўк*о*, им. мн. святы́*е*, ўс*е́* (род. ўс*ихъ*), 2 л. мн. повел. накл. ведзе́це, скрабе́це (скребите), варі*е́*це (варите), неопр. н. сек*чи*, бег*чи*, возвр. з. на *се* и *сё* (каза́л*асё*, ср. р.), мѣстами (близь м. Роси и Свислочи) на *са*. Наконецъ: *е*къ, *е*на́ (=она); гара́ць (=орать).

Говоръ Слонимскаго у., д. Студеровщизны,—тожественъ съ предъидущими. Можно отмѣтить лишь ща*ка́*, *жанюся*, пша*ница*, ничу*ого* (=ни-

[1]) Р. Фил. Вѣстн. 1896 г., № 2.

[2]) Матер. для геогр. и статист. Россіи. Гродн. губ., I, стр. 639 — Дмитріевъ, Собраніе. Одинъ текстъ въ Запискахъ Акад. Н., т. 60, стр. 151 (ст. Авенаріуса). Другіе тексты изъ Бѣлост. у. здѣсь и въ другихъ изданіяхъ—малорусскіе.

чего), *г* въ *гоўца*(=овца), ф. зв. дзе́д*у*, челаве́ч*ку*, им. дв. дзве ха́ц*и*, 3 л. буд. вр. думаць *ме*, 2 л. мн. пов. забъе́це, возвр. з. на *ся* [1]).

Бѣлорусскіе говоры Черниговской губ. намъ извѣстны очень мало. Романовъ говоритъ объ могилевскихъ говорахъ, по его названіямъ—восточномъ и южномъ, что они выходятъ въ Могилевскую губ. изъ Черниговской (первый въ Климовицкій у.). Г-жа Радченко сообщаетъ, что тотъ говоръ, который слышится въ Гомельскомъ у., слышится также въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской губ.

Говоръ Суражскаго у.—чистый бѣлорусскій: сильное аканье, частое *я* вм. *е*: вя́не́цъ, мя́не́, пасто́йц*я*, рядомъ съ *и*: на паро́з*и*, *дз* и *ц*, формы им. ед. на *ы* и на *ый*, 3 л. ед. на *е* и *ець*: вядзе́ и вядзе́*ць* (даже: уку́с*я*), 3 л. мн. на *яць* вм. *ліць*: хва́л*яць*. Что до *р*, то этотъ звукъ или всегда, или часто звучитъ твердо: бя*р*о́за [2]). Въ текстахъ изъ с. Попова гора (въ 60 верстахъ отъ Суража): цяпе́*р*ъ, п*р*я́сци, т*р*я́сци́, ст*р*я́лцы́, ф. вин. ед. шалкова́ю, 3 л. ед. на *е* (хо́дз*я*) [3]).

Говоръ Новгородсѣверскаго у. (с. Юриновка) представляетъ пеструю смѣсь бѣлорусскихъ особенностей съ малорусскими (онъ слышится «въ мѣстности между Бѣлоруссіею и Малороссіею»), съ преобладаніемъ однако первыхъ. Аканье сильно: пада́й, вадица, ба́рада́, пала́ска́ть, но иногда, повидимому, *о* безъ ударенія сохраняется; *я* изъ *е* вполнѣ обычно: тя́бе́, вя́ле́ў, слухайт*я*, пытайц*я*; *дз* и *ц* рядомъ съ мягкими *д* и *т*: лю́дзи и вади́ца, дае́*ць* и крычы́*ць*; *р* то твердое вм. мягкаго, то мягкое; ф. 3 л. ед. на *е* и на *ець*. Рядомъ спорадически малорусизмы: мы́й (=мой, при мой), р*и́*дный (при ро́дный), с*и́*ль (=соль), др*ы́*бный, мат*ю́*нка, п*у́*дъ но́сомъ, п*у́*дъ ребро́; ходы́ли, обсады (повелит.), в*ы́*дно, си́сты (при плыв*и́*ця, вад*и́*ца и т. п.), я*и́* (= её, род.), д*и́*вочка, м*и́*сяцъ, хл*и́*бъ (при зве́здочка). Сверхъ того: формы им.-вин. средн. р. на *э*, *эе*: пра́в*э*, т*э́е* сельцо, дат. майму́, 3 л. ед. *ёсть* и *ё*, було́, 1 л. мн. на *мо*, возвр. з. на *се*: оказали́*се*, мѣстоименіе *що* и *шо* (=что). Относительно произношенія согласныхъ передъ *е*, какъ часто они звучатъ твердо, по-малорусски, и какъ часто мягко, по-бѣлорусски, нѣтъ данныхъ (но: дя*т*ёначки, *сё*, *ўсё* и т. п., по-бѣлорусски) [4]).

О говорѣ Новозыбковскаго у. (с. Денисковичи) мы знаемъ очень мало. Отмѣчено: сяло́, ѣсьц*и* и ѣсьт*ы*, тре́йт*ее*, пош*и* (повел.), ё (=есть) [5]).

---

[1]) Данныя въ издаваемомъ Краковскою Академіею Наукъ трудѣ Федеровскаго: Lud Białoruski. Сверхъ того, тексты изъ Волк. и Слон. у. (съ *у* на мѣстѣ дифтонга *уо*)—у Шейна, Мат.

[2]) Шейнъ, Мат., т. I, ч. II, стр. 495 сл.

[3]) Записки Черниг. Губ. Стат. Комит. 1872 г., кн. 2-я.

[4]) Черниговск. Губ. Вѣд. 1854 г. № 15, 1855 г. № 19 слѣд.

[5]) Шейнъ, Мат., т. II, стр. 161, 168.

Дополненія.

Къ стр. 8, примѣч. 2. Населеніе г. Астрахани, повидимому, и теперь еще окаетъ. «Типическая сторона русско-астраханскаго кореннаго нарѣчія... — произношеніе русскими Астраханцами буквы *о*... по печатному» [1]).

Къ стр. 15. Въ говорѣ с. Алнеръ, Фроловской волости, Мещовскаго уѣзда, отмѣчено: х*а*рашо́, ч*а*саво́й, н*я*су́, л*я*пёшка, иди́т*я* (2 л. мн.), на даро́г*я*, у го́рад*и*; а*ў*ца́, рядомъ съ а*ф*ца́ (=овца), дро*ў* (род. мн.), кро*ў* (=кровь), *у*се́ (=всѣ), *у*сталъ (=всталъ); *г*=*h* (паро́*х*ъ = порогъ, даро́*х*ъ=дорогъ, род.); мягкое *к* въ Вас*ькя* и т. п.; *хв* вм. *ф*: *Хв*илипъ и т. п.; формы род. на *во*, мин*е́*, тиб*е́*, і*е́*, дат. и мѣстн. мн. лашад*я́*мъ, абъ лашад*я́*хъ и лашад*е́*мъ, абъ лашад*е́*хъ, 3 л. на *ть* (ид*е́*ть), возвр. з. на *са* и *си*: напи́л*си*. Формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими вм. гортанныхъ (ру*цэ́* и т. п.) нѣтъ [2]).

Въ говорѣ с. Петроселье, Жерелёвской волости, въ юго-западномъ углѣ Мосальскаго у., отмѣчено: х*а*рашо́, н*я*су́, ж*а*на́, л*я*пёшка, ид*ё*т*я*, на даро́г*и*; *ў*си́ (=всѣ), дро*ў*, при кро*ф*ъ (=кровь), а*ф*ца́; *г*=*h* (астро́*х*ъ, тваро́*х*ъ, но даро́*к*ъ, род., бе́ри*к*ъ=берегъ); *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *ф*остъ, *ф*ата́ть, у*ф*ати́ть (послѣдовательно), *Хв*ёдаръ, *Хо́*ка=Фока, *Х*адо́ра=Федора; формы род. на *во*, мин*я́*, тиб*я́*, і*е́*, возвр. з. на *са*, *ца*. Мягкаго *к* и формъ дат.-мѣстн. ед. съ свистящими нѣтъ [3]).

Къ стр. 16. Въ говорѣ неизвѣстной мѣстности Новосильскаго у. отмѣчено: х*а*рашо́, м*а*лати́ть, *я*го́, у ц*а*не́ (=въ цѣнѣ), не́гд*я*; *у*сяго́ *у* во́лю; мягкое *к*: то́ль*кя*, пинё́ч*кя* (род.); *х* въ *Х*ама́; стяженіе гласныхъ въ ве́д*а*шъ (2 ед.); формы род. на *го*, і*э*=её, вин. ед. ж. ныняшн*я*ю, 3 л. ед. ид*е́*; мѣстоименіе *що* и *чо*. Вѣроятно, къ той же или ближайшей мѣстности относятся еще слѣд. данныя: *ф* вм. *хв*: *фа́ля*, 3 л.

---

[1]) Астраханскій Справочный Листокъ 1867 г., № 258.

[2]) На основаніи сообщенія о. І. Субботина.

[3]) На основаніи сообщенія С. П. Суходольскаго.

ед., *фалютъ*, 3 л. мн., род. *тавó* и *свалó*, *слѧ́*=себя, дат. *табѣ*, *сабѣ́* и *таѣ́* *таэ́*, *саэ́*, дат. тэй (=той), 3 л. ед. *бýдя* [1]).

Къ стр. 17. Въ говорѣ Брянскаго у. отмѣчено: *устáть* (=встать), *унéсть* (=внесть), *въ* насъ, *въ* няго́ (=у—), *ф* вм. *хв* и на оборотъ: *фость*, *фалúть*, *фóрай* (=хворый), *фатить*, *фошшъ* (=хвощь), *грахвинъ*; формы род. на *ho* [2]).

Къ стр. 21, прим. Мы познакомились съ окончаніемъ книги Будде. Къ сожалѣнію, она не даетъ возможности составить достаточно ясное представленіе о говорахъ Касимовскаго у. и дополнить сказанное раньше.

Къ стр. 24. Вотъ еще данныя о говорѣ Старобѣльскаго у.

Слобода Райгородка (жители—переселенцы изъ Калужской, Тульской, Орловской, Воронежской губ.): сильное аканье, мягкое *к* въ Ваньк*ѧ* и т. п., твердое двойное *ш* въ *шш*ака́ (=щека); формы род. на *во*, 3 л. ед. безъ *ть*: и́д*ѧ*, хо́д*ѧ*, при: зальéтца (съ *е*, не *ё*).

Слобода Бахмутовка (жители—отчасти переселенцы изъ Курской и Воронежской губ.): сильное аканье (даже: вянцо́=винцо, мл*ѧ*ле́*ѧ*=милѣе) *усé*=всѣ, *хф* вм. *ф*; формы род. *минé*, *табé*, дат. *табé*, наст. вр. нясéшъ нясéть, съ *е*, 3 л. съ *ть* и безъ *ть*: бл*ѧ*ле́*ѧ*, но́с*ѧ*; вопросительная частица *чи*.

Слобода Больше-Черниговка (жители — переселенцы изъ Щигръ, Курской губ., изъ Бирюча, Воронежской губ., изъ Бѣлоруссіи): сильное аканье, *у* вм. *в* и на оборотъ: *у* пéрвай расъ, *въ* яго (=у него), *j* въ прі*j*óснуть, формы род. на *во*, 3 л. ед. съ *ть* и безъ *ть*.

Слобода Спѣваковка: сильное аканье, *у* вм. *в* въ *у*зять, *у*сé, твердое *ш* изъ *щ*: зна́*ю*шый, *ш*авéль, формы род. на *го*, 3 л. ед. только безъ *ть* [3]).

Къ стр. 25. «Нарѣчіе, употребляемое на Дону, — одно изъ самыхъ близкихъ къ нарѣчію московскому»,—говоритъ наблюдатель. Онъ указываетъ на окончаніе *ть* формъ 3 л., на *и* вм. *ы* въ *бил*ъ=былъ, *ви*=вы, *мило*=мыло, *ри*ба=рыба и на *у* въ *бул*ъ=былъ; сверхъ того,—въ «нѣкоторыхъ» мѣстностяхъ — на конечное твердое *н* въ ячмéн*ъ*, корен*ъ* [4]).

«Вообще казаки коверкаютъ русскій языкъ. Обнизовые и Черкасцы вездѣ, гдѣ нужно говорить твердо *ы*, употребляютъ *и*, напримѣръ: ты=*ти*, рыба=*ри*ба. Женщины непремѣнно принуждаютъ себя шепелявить, а имъ подражаютъ молодцы. Они употребляютъ *ш* вм. *с*, *с* вм. *ш*, *ч* вм. *ц* и на оборотъ и т. д. Напримѣръ, крыш*у* они назовутъ крысой, а

---

[1]) Тульск. Губ. Вѣд. 1861 г., № 8 сл., № 25 сл.

[2]) Брянскій Вѣстникъ 1894 г., № 13.

[3]) Харьковскій Сборникъ, вып. 9. Хар. 1895.

[4]) Донск. Областн. Вѣдом. 1874 г., № 81. Мѣстность неизвѣстна.

крысу — крышой, самоваръ — шамоваромъ». Еще: вше музья нажадъ вожвратилишя [1]).

Въ говорѣ станицы Филипповской, 1-го Донскаго округа (близъ ст. Цымлянской) отмѣчено: харашо́, нясу́, ямý, чисавóй, липёшка, на дарóги; г=h (бе́рихъ); мягкое к въ Васькя и т. п. (но курочка); твердыя двойныя ж и ш (шишука); хв изъ ф: хвланéль, Хвёдаръ; формы род. на во, род. тибé, дат. табé, 3 л. на ть, возвр. з. прош. вр. на сы: купáлсы. Сверхъ того: формы 2 л. мн. наст. вр. совершенно своеобразны: игрáютя, бéгаютя, пи́шутя, éдутя, глидя́тя; формы 3 л. мн. нѣкоторыхъ глаголовъ втораго спряженія имѣютъ твердые согласные: хóдуть, лю́буть: имена существительныя средняго р. въ формѣ им.-вин. ед. имѣютъ при себѣ опредѣленія женск. р.: мая́ гумнò; а нѣкоторыя имена сущ. женск. р. въ формѣ им.-вин. ед. оканчиваются на о: звѣздó, стѣнó, икрó (прочія падежн. формы—обычныя). Еще: мѣны у и в нѣтъ; мѣны шипящихъ и свистящихъ нѣтъ; формъ 3 л. безъ ть нѣтъ; мѣстоименіе што [2]).

«Казачья рѣчь въ донецкихъ станицахъ составляетъ ближайшую вѣтвь рязанскаго (южно-русскаго) говора; но это сходство не мѣшаетъ ей имѣть свой мѣстный колоритъ». Наблюдатель имѣетъ въ видѣ говоръ станицъ Гундоровской и сосѣднихъ, находящихся въ той части Донской области, которая соприкасается съ Харьковской и Екатеринославской губерніями. Имъ отмѣчены: очень сильное аканье: халаднó, вядú, бярú, вядúтя, мѣна у и в: устаю́=встаю и взна́ю=узнаю, мягкое к: Ва́нькя, —кю, сáть-кя, г=h (лянь, лядú=глянь, гляди, всядú=всегдú), щ=твердое шш; формы род. чиво, тибé, дат. табé, 1 л. ед. схадю́, свадю́ (=схожу, свожу), 3 л. на ть и безъ ть: бяре́ть (съ е, не ё) и бяре́, носить и нòся, возвр. з. на ца и си (послѣднее окончаніе въ ф. прош. вр.: набéгалси). Сверхъ того, въ говорѣ донецкихъ станицъ, благодаря сосѣдству малорусскихъ поселеній, «обращаются во множествѣ» малорусскія слова, а въ говорѣ самой западной изъ этихъ станицъ, Луганской, малорусскій элементъ очень силенъ; говорятъ: шо вм. что, якъ вм. какъ, цэ вм. это, ф. твор. мн. шашкамы и т. п. [3]).

Вотъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ говорѣ станицъ Луганской и Митякинской: очень сильное аканье, мѣна в и у, мягкое к (Васькя, курачкя, но: матушка); формы род. на во, дат.-род. тибé, сибé, род.-вин. jié, тв. ед. рукóю и рукóю и т. п., тв. мн. синя́мы (отъ сѣни), лашадьмы [4]).

---

[1]) Московскій Вѣстникъ 1860 г., № 28, ст. Сонина.

[2]) На основаніи сообщенія сотника Н. Е. Сизова.

[3]) Донская Газета 1876 года, № 100.

[4]) На основаніи сообщенія М. М. Казначова.

Къ стр. 26. Вотъ данныя о говорѣ с. Бѣговатова, Орѣховской волости, Ардатовскаго у., Нижегородской губ.: умѣренное аканье: нявéста и нивéста, цавó, нисý, жына́, идёти; цоканье (съ твердымъ *ц*) и чаканье рядомъ: цасъ, чарь; формы род.-вин. миня, тія́, сія́, јіе́, дат. тіе́, сіе́, твор. ед. слипы́мъ и слипе́мъ, бальшы́мъ и бальша́мъ, 3 л. на *тъ*, возвр. з. на *ца* и *си*: купа́тьси. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к* въ Ванькя и т. п., смѣшенія *ж*, *ш* съ *з*, *с* нѣтъ [1]).

Говоръ с. Кочкурова, Лукояновскаго у.: довольно сильное аканье: харашó, жана́, явó, нясý и нисý, шыли́ть, жыле́ть, идёти; цоканье (*ч* вм. *ц* очень рѣдко); мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, близко къ *дз* и *ц*; формы род.-вин. тія́, сія́, дат. тіе́, те, сіе́, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в*, мягкаго *к*, смѣшенія *ж* и *ш* съ *з* и *с* нѣтъ [2]).

Къ стр. 28. Уральское казачество акаетъ: нясý, чавó, гыварáтъ, чисавóй, липёшка, идёти, гóрытъ (=гóродъ); есть *и* вм. начальнаго *о*, *а*: игарóтъ, игурéцъ; *г* обыкновенно=*h* (но бирёкъ, бéрижъ=берегъ, дóрыжъ=дорогъ); стяженіе гласныхъ въ играшъ, игратъ и т. д.; формы род. на *во*, миня́, тибя́, дат.-мѣстн. грудé (=груди), кравé (=крови), тибé, сибé, 3 л. на *тъ*. Мѣны *у* и *в* нѣтъ (крофь), мягкаго *к* въ Ванькя и т. п. нѣтъ, *ж* вм. *з* и *ш* вм. *с*—лишь у части казачьяго населенія Уральской области, главнымъ образомъ у женщинъ въ поселкахъ и станицахъ [3]).

Къ стр. 28. О говорѣ Мологинской волости, Старицкаго у., мы имѣемъ слѣдующія данныя: сильное аканье: вядрó, лапёшка, улятéлъ, у мяне́; *у* вмѣсто *в*: *у* лéсъ (=въ—); *г*=*h* (бéрякъ); *хв* и *х* вм. *ф*: Мархва, Хилипъ, Хёдаръ; формы род. на *во*, яé, мяне́, тябé, дат. тябé, сябé, дат.-мѣстн. ед. ж. р. на *ы*: жаны́, вады́, род.-дат.-мѣстн. ед. ж. р. прилаг. на *эй*: бальшэй, 3 л. на *ть*. Цоканье вполнѣ обычно (особенно у женщинъ); есть и *ч* вм. *ц*: чарь, атечь. Въ говорѣ сосѣдней Коробинской волости, Зубцовскаго у., отмѣчена ф. мѣстн. мн. сянéхъ [4]).

Къ стр. 36. Наблюдатель о говорѣ селъ Васильевскаго и Михайловскаго и деревни Орудова подъ Тверью говоритъ: «нарѣчіе очень своеобразно; оно рѣзко выдѣляется среди говора окрестныхъ селеній» [5]).

Вотъ данныя о говорѣ волостей Вознесенской, Воскресенской-Прозоровскихъ и Быковской, Ковровскаго у.: *о* звучитъ открыто («среднее между *о* и *а*») во второмъ слогѣ передъ удареніемъ и въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ: хорошó, голосúть, господúнъ,

---

[1]) На основаніи сообщенія П. В. Пахомова.

[2]) На основаніи сообщенія г. Сереброва.

[3]) На основаніи сообщеній хорунжаго А. И. Бочкарева и г. Юрьева. По словамъ послѣдняго, *и* вм. начальнаго *о*, *а* особенно часто у илецкихъ казаковъ.

[4]) На основаніи сообщенія А. А. Тютчева.

[5]) М. А. Плетневъ.

въ го́роде; *е* звучитъ открыто («среднее между *е* и *а*») въ слогѣ послѣ ударенія: пи́шетъ, остаётесъ; *ё* отмѣчено въ нёсу́, ёво́. ёму́, пишитё (при лета́ть); формы возвр. з. на *са*, *ца*, *съ*, *си* (остался). Мѣны *в* и *у*, мягкаго *к*, дзеканья, цоканья не отмѣчено [1]).

Вотъ нѣсколько данныхъ о говорѣ с. Петровскаго, Переславскаго у.: неударяемое *о* звучитъ иногда открыто въ слогахъ послѣ ударенія: окно роство́рчитае, ми́лава, тёмнай (им. ед.), изрѣдка *ѣ*=*и*: би́лые, фсѣхъ (род.), стяженіе гласныхъ въ свово́, де́латса; формы род.-вин. тея́ (=тебя), мѣстн. во чисти́мъ полѣ (пѣсня), тв. мн. на *мъ*, возвр. з. на *са*, *ца*, *съ*; остатки формъ члена: кашу-*ту*. Цоканья нѣтъ [2]).

Къ стр. 38. Вотъ еще нѣсколько отрывочныхъ данныхъ изъ Ярославской губ.: дёньтёвъ=деньковъ (Яросл. у.); цело, недиля, жалить, издѣть (=ѣздить), преникъ, опеть, ронной, ф. буд. вр. бить *иму* (Пошех. у.); дамскёй, ланно (Моложск. у.); витеръ, недиля, линта=лента (Васильевская волость, Любимск. у.); жулать, молосный, русникъ, берегчи (безъ указанія мѣстности) [3]).

Къ стр. 45. Въ говорѣ г. Устюжны и ближайшихъ къ нему деревень отмѣчено лишь твердое *ч* вм. *ц*: офсеча́ (род.), месча́ (=мясца), ругаетчы (3 л.); неударяемое *о* въ немъ произносится близко къ *у*: кума́ръ, войлукъ, упя́ть; неударяемое *е* звучитъ то средне между *е* и *ё*, то какъ *и*: бисе́да, читвёрка, вознисе́нье, то наконецъ, послѣ шипящихъ и *ц*, какъ *а*: жана́ (и жона́), жани́ть, фчара́, цалковой; *е* вм. *я* только безъ ударенія: пето́къ, при пять, зетька́ (род.), при зять, везать и т. п.; твердое *ц*, твердыя двойныя *ж* и *ш* (подо*жжы*=подожди), твердые конечные губные: се*мъ*, кро*фъ*, голу*пъ*, ру*пъ* (=рубль); *нн* изъ *дн*; часто *ф* вм. *х*: на двора*фъ*, добры*фъ*, пы*фте́ть* (=пыхтѣть); стяженіе гласныхъ: дума́шъ, дума́тъ, дума́мъ, при дума́ёшъ, уме́шъ, копе́къ, съ долгимъ *е*. «Употребленіе долгихъ гласныхъ вообще обширно, особенно протягиваются послѣднія слова и слоги въ предложеніяхъ. Обозначить, впрочемъ, эту протяжность гласныхъ буквами *уо* и *оу* было бы не совсѣмъ точно. Менѣе удобно, но болѣе точно можно выразить это такъ: *оо*» (*поо*пъ, съ первымъ *о* долгимъ и съ вторымъ *о* краткимъ). Формы род. ед. на ова (доброва, при доброо, доброа), ті́я́, тя, при тибя́, сі́я́, при сибя, дат. ті́е́, те, при тибе́, сі́е́, при сибе́ (ф. тобе́ и собе́ нѣтъ, равно какъ и ф. дат. ед. ж. р. на *ы*), дат.-мѣстн. лошаде́, на ра́досте, дат. мн. на *мъ*, тв. мн. прилагательныхъ на *ми* и на *ма*, членныя формы прилагательныхъ добры*ихъ*, добры*имъ*, даже въ зелёно*емъ* саду (?), 2 л. ед. идёшо, 3 л. ед. идёто, идёта, 1 л. мн. идёмо, идёма, знаема, возвр. з.

---

[1]) На основаніи сообщенія П. Н. Дербенева.

[2]) На основаніи сообщенія А. В. Маркова.

[3]) Якушкинъ, Матеріалы для словарч народнаго яз. въ Яросл. губ. Яр. 1896.

учимс*и*, взялс*ы*, хочет*цы*, вернёш*чы* (2 л. ед.), 3 л. ес*ь*, ест*е*, ест*и*, ест*я* =есть; сравн. ст. на *е́я*; *што*; остатки формъ члена: руку-*ту*, робята-*те* [1]).

Къ стр. 50. «Олончане любятъ ставить удареніе какъ можно далѣе отъ конца, на первомъ слогѣ или ближайшемъ къ нему», такъ же какъ Корелы (у нихъ обычно удареніе на первомъ слогѣ) [2]).

Къ стр. 54. Въ говорѣ Заднесе́льской волости, Кадниковскаго у., отмѣчено: *ц* мягкое, рѣзко отличающееся отъ *ч*; мѣна *ц* и *ч* послѣдовательна, и кто говоритъ съ *ц*, тотъ рѣдко скажетъ съ *ч*, а говорящій съ *ч* не употребляетъ *ц*; *у* изъ *о* въ *у*куну́сь; *ё* въ мо́рё, здоро́вьё, зна́ётъ, напи́шомъ; *и* изъ *ѣ* передъ мягкими согласными (Тимоф*і*й); *и* изъ *е* безъ ударенія: н*и*ди́ля, т*и*бя́, л*и*те́лъ, *і*е́, а иногда подъ удареніемъ: д*и*нь, дв*и*рь, л*и*бедь, п*и*тля; *е* изъ *я* передъ мягкими согласными (иногда, при отсутствіи ударенія, и передъ твердыми: вз*е*ла́, св*е*то́й, *е*зы́къ); *ў* изъ *в* и *л* передъ согласными и въ концѣ словъ; мягкое *к* въ Ва́нь*кя* то́ль*кё* (и све́р*хю*), но: женьс*ко*й и т. п.; твердое двойное *ш*: *шш*ока́ и т. п.; *с* въ моло*с*ной; твердое *ф* въ кро*фъ* (=кровь), любо*фъ*; твердое *л* въ бо́*л*но, колоко́*л*на; *мм* изъ *бм* въ о*мм*анъ; стяженія гласныхъ (ду́*м*атъ и т. п.) нѣтъ; *ф* изъ *хв* нѣтъ. Формы род. ед. на ово, молоды́е жоны и т. п., дат. тебе́, себе́, дат.-мѣстн. пече́, на лошаде́, род. мн. отце́*й*, огурце́*й*, тв. мн. на *мъ* (фсе́мъ и фсема́=всѣми), возвр. з. на *сё*, *цё*: про́ситсё, про́ситцё; остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*то*, бабы-*те*; мѣстоименіе *што*, *штё*, *що*, *щё* [3]).

Въ говорѣ Нижнеслободской волости, того же у., тѣ же особенности, что въ предъидущемъ. Можно отмѣтить почти полное отсутствіе звука *ч* (зато иногда *ц* произносится какъ звукъ средній между *ц* и *ч*), *у* вм. *о*: *у*гурцы́, *у*пусти́лъ, *у*куну́сь, *ё* въ формахъ им.-вин. мн. до́брыё и т. п., *ф* вм. *хв* въ *ф*а́стать, *ф*оя, *ф*ата́ть, *шт* и *шш* рядомъ: и*шт*о́ и и*шш*о́ (=еще), све*шт*енникъ и све*шш*енникъ (*шш* и *жж* твердыя); мягкаго *к* въ Ванькя и т. п. нѣтъ. Формы буд. вр., рѣдко употребляющіяся: *иму* дѣлать и т. п., неопр. н. же*г*чи́, бере*х*чи́ и т. п.; сравн. ст. на *я́э* [4]).

---

[1]) Изв. отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 977 сл. «Мѣстный говоръ вообще отличается или пѣвучестью, или просто протяжностью. Отрывистая рѣчь—рѣдкое явленіе».

[2]) Олон. Губ. Вѣд. 1896 г., № 76.

[3]) Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 952. «Въ женскомъ разговорѣ болѣе, чѣмъ въ мужскомъ, замѣчается протягиваніе нѣкоторыхъ словъ и слоговъ».

[4]) Тамъ же, стр. 962. «Говоръ стариковъ—болѣе твердый и грубый, нежели молодежи».—«Только въ дер. Якунинской говоръ жителей отличается отъ сосѣднихъ деревень нѣкоторою растянутостью гласныхъ; въ остальныхъ деревняхъ говорятъ отрывисто».

Къ стр. 55. Наблюдатель указываетъ оканье въ Тверскомъ у. вообще [1]). Кромѣ того: *у* въ *у*горцы́ла (=огорчила), *ё* въ нёсу́, жона́ и т. п. (но слышится также: ляпёшка), спорадическое *и* изъ *ѣ*: гри́ю, *г=д*, *ц* вм. *ч* и рядомъ *ч* вм. *ц* (по преимуществу у женщинъ, съ послѣдовательностью, противоположною нашему употребленію), мягкія *д* и *т* съ свистящимъ оттѣнкомъ, стяженіе гласныхъ въ быва́ть и т. п.; формы род. *тя́я*, твор. це́мъ и цымъ (=чѣмъ), им. мн. *фси* (=всѣ), возвр. з. 2 л. отогри́*сти*, 3 л. умори́*лси*, умори́*лася* [2]).

Къ стр. 57. Вотъ данныя о говорѣ с. Дальняго Константинова, Нижегородскаго у. (въ 60 верстахъ на югъ отъ Нижняго-Новгорода): оканье неполное: са́*ла*, ви́дн*а*, го́рьк*а*й, по́л*я*, им. ед. (послѣ ударенія); *ё* даже въ пётухъ, пёсо́къ, слёпо́й; *и* въ иде́*ти* (2 л.); *е* въ кричи́ть (но: печать, опять); *ѣ=е*; мягкаго *к* въ Васьк*я* и т. п. нѣтъ; формы род. *тея́*, *сея́*, дат. *тее́*, *сее́*. Цоканья нѣтъ (лишь въ *ч*елизна, не распаханное поле [3]).

Къ стр. 63. Въ говорѣ с. Покчи, Чердынскаго у., отмѣчено: *и* вм. *ѣ*, *е* вм. *я* передъ мягкими согласными, средній между *ц* и *ч* звукъ вм. *ц*; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. ед. пече́, дат. мн. *имя́* (=имъ), тв. мн. волк*има*, но́г*има* (=ногами), печк*има*, возвр. з. на *са* [4]).

Въ говорѣ Билимбаевскаго завода, Екатеринбургскаго у., отмѣчено: *ё* въ весе́лье́, воркуёшь, жа́луётъ и т. п. и въ формахъ род. ед. женск. р. и им.-вин. мн. на *ыё*, *я* вм. *е* въ *с*ясть, дря́во, дря́вичко, *и* изъ *ѣ* и *е* въ *д*и́вья красота, *ш*шо́, *щ=ши*; формы род. на ов*а*, у *тя*, тв. мн. на *мъ*; остатки формъ члена: поклоны-*те*, за столами-*те*.

Въ говорѣ деревни Косой Бродъ, того же у., отмѣчено: *ё* въ си́нё мо́рё, ове́чокъ (род.) и т. п., *е* въ хозе́юшка и въ любе́ть (=любить); *и* въ чуж*и*нинъ, *в* въ о*в*али́ть; формы род. на ов*а*, дат.-мѣстн. фъ Каза́не; сравн. ст. смирне́я [5]).

Въ говорѣ с. Богородскъ, Красноуфимскаго уѣзда, отмѣчено: *ё*, *о* въ шшолка́ть, пра́зничокъ, добрыё (им. мн.), *и* изъ *ѣ* какъ передъ мягкими согласными, такъ и передъ твердыми: кл*и*ть, св*и*ти́ть, кл*и*ту́шка, в*и*но́къ, *и* изъ *е* въ с*и*бе́ (дат.), *ш*шо́ (еще: кари́та=карета), *с* изъ *я* въ ребя́на, вежу, нарежа́ть, тежолъ, мягкое *ц* (рядомъ съ *ч*; но *ц*ыдить, при *ч*идить), *щ = ши*, стяженіе гласныхъ: прибива́ть; формы род. на ов*а*, мѣстн. фъ Каза́не, неопр. н. пежчи́ [6]).

---

[1]) Онъ называетъ лишь одну мѣстность—дер. Сакулино, въ 8 верстахъ отъ Твери.

[2]) На основаніи сообщенія М. А. Плетнева. «Любятъ растягивать слова».

[3]) На основаніи сообщенія г. Садовскаго.

[4]) На основаніи сообщенія г. Белдыцкаго.

[5]) Скудные матеріалы въ Запискахъ Урал. Общ., т. XIII, вып. 1-й (К. Бр.) и 2-й (Бил. з.).

[6]) Матеріалы тамъ же, т. XV, вып. 1-й.

О говорѣ волостей Устиновской, Комаровской, Савинской и Бымовской, Осинскаго уѣзда, мы теперь владѣемъ хорошими свѣдѣніями Здѣсь *ё* изъ *е* безъ ударенія очень часто: го́рё, роди́моё, си́нёё, лю́битё (но рядомъ идитё и идите́), формы род. ед. женск. р. и имен.-вин. мн. на *ыё*, *іё*; *и* изъ *е* безъ ударенія также очень часто, и не только изъ древняго *е*, но и изъ *е* происшедшаго изъ *я*; много случаевъ *и* изъ *е* подъ удареніемъ: д*и*ржéть, с*и*рёднёй, д*и́*в*и*ть (=девять), д*и́*с*и*ть, см*и*рть, щ*и*ль, ш*и*сть, с*и*мь, ш*и́*я (=шея); есть случаи *е* изъ *и*: бр*е*ть, любе́ть, шале́ть, слы́хевалъ; есть случаи *а* изъ *е* послѣ *ж*: ж*а*ни́ть, ж*а*ла́нной (также кр*я́*сло, зад*я́*рживать, изв*я́*ска=известка); *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: з*е*ть, п*е*ть, ж*е*ль, стуче́ть (также ле́гу=лягу); *ѣ* = *и* передъ мягкими согласными: с*и́*мё (=сѣмя), д*и*ли́ть, р*и́*чка, м*и́*сесъ (=мѣсяцъ), также д*и́*вушка, в*и*но́къ (но: хл*е*пъ, нив*е́*ста, тиб*е́*); твердыя двойныя *ж* и *ш*: до*жжа́*, *шш*отъ, и*шшо́* (и и*шо́*); *нн* изъ *дн*: схо*нн*о, ла́*нн*о, *мм* изъ *бм*: о*мма́*нъ, о*мм*орозить, *сс* и *с* изъ *тс*: три́*сс*ать (=тридцать), сре*с*тво (=средство), ро*с*тво, твердое *ф* въ кро*фъ*, любо́*фъ*, отсутствіе *в* (*ф*) въ началѣ словъ передъ согласными: сера́, чера́ (=*в*чера), сякъ (=*в*сякъ), скормить, споить; мѣсто *ц* (древняго и изъ *ч*) занято *с*: се́рсо, рукови́сы, *ся́*шка (=чашка), *сю́*ла (чула); *ч* рѣдко: *ч*иди́ть, *ч*ерква; стяженіе гласныхъ: руга́шъ, руга́тъ, свово́.

Формы род. ед. матер*е*, дочер*е*, род.-вин. *те*, іё, дат.-мѣстн. клите́, пече́, ноче́, матере́, мѣстн. на ста́р*ы*мъ дому, тв. мн. на *мъ*, на *ми* и особенно часто на *мя*: соба́к*и*ми, бе́лы*мя*, свои́*мя* (послѣднія отъ прилагательныхъ и мѣстоименій), 2 и 3 л. ед. пе*ко́*шъ, пе*ко́*тъ (у переселенцевъ изъ Вятской губ.), 2 л. ед. возвр. руга́*шша*, дерё*шша*, неопр. н. «часто» на *ти*: ходи́*ти*, бере*к*ти и т. п., возвр. з. на *са*; мѣстоименіе *що*; сравнит. ст. на *яя* и *я* [1]).

Къ стр. 65. О говорѣ с. Плехановскаго съ окрестными деревнями, Тюменскаго округа, мы имѣемъ слѣд. данныя: *у* изъ неударяемаго *о*: *у*куну́сь, *у*пе́ть (=опять), б*у*стись (бодаться), *а* изъ неударяемаго *е* послѣ *ж*: ж*а*нихъ, *и* изъ *ѣ* въ с*и́*мя, ц*и*дить (дер. Сидорова: з*д*ися), *е́* изъ *я́*: упе́ть, *е́*исъ (=яицъ; дер. Сидорова: гр*е*сь, з*е*ть, ме́чикъ), *е* изъ неударяемаго *я*: гл*е*де́ть, ч*е*сы́, в*е*за́ть, м*е*сной, твердое двойное *ш*: *шш*ока́ (откуда: ве*шъ*=вещь), *мм* въ о*мм*анъ, мягкое *л* въ мо*ль*ча́ть, *к* вм. *т* въ *ке́*сто (=тѣсто), стяженіе гласныхъ: зн*а*шъ, быв*а́*тъ, уме́шъ, хоз*я́*ва, мил*а* дочь, до́бр*ы* молотцы; еще: *с* изъ *ц* въ еисъ (=яицъ; дер. Сидорова и Верхне-Сидорова: *с*арь, со́нсо, купе́*с*ъ); формы род. на о*ва*, тобя́, собя́, дат.-мѣстн. лошаде́, на пече́, мѣстн. фъ худ*ы́*мъ де́ле, фъ больш*ы́*мъ саду, дат. мн. им*я́*, фсем*я́* (дер. Сидорова: дат. мн. нам*и́*,

---

[1]) Извѣстія Оренбургскаго отдѣла И. Р. Географич. Общ., вып. 8. Оренбургъ, 1896.

вами́, людями, лошадьми), неопр. н. стерегчи, берегчи; остатки формъ члена: каша-*та*, робята-*те*, бабы *те*; сравн. ст. на *яе* и *яя* [1]).

Къ стр. 66. Жители г. Нарыма, повидимому, акаютъ. Отмѣчено: *а*ногдась, *ла*ни́сь [2]).

Вотъ еще нѣсколько данныхъ изъ говора пріалтайскихъ крестьянъ: мѣна *ц* и *ч*, дат.-мѣстн. ед. во плоте́ (=плоти), неопр. взясть, смо*т*чись (исправиться) [3]).

Къ стр. 67. «Сибиряки вообще окаютъ и говорятъ особеннымъ тономъ, котораго письменно передать нельзя, развѣ нотами». Цоканье у нихъ, особенно у мѣщанъ, нерѣдко: *ц*ай, *сц*и (=щи). Еще: *я* въ *с*ясть *с*ялъ, *с* въ молосной, стяженіе гласныхъ въ бѣгатъ, бѣгамъ (1 л. мн.), формы тв. мн. на *мъ*, дат.-тв мн. им*я*. Сверхъ того, «своеобразность удареній».

Наблюдатель, житель Молькинскаго миссіонерскаго стана, Балаганскаго округа, Иркутской губ., характеризуетъ мѣстный говоръ такимъ образомъ: вмѣсто неударяемаго *о* въ хорошо́ звучитъ *а*; вмѣсто неударяемаго *а* въ шали́ть, часово́й—*и*; *ѣ*=*и* въ жалѣть; *а* и *ѣ* въ печаль, кричать, невѣста, объ невѣстѣ произносятся правильно; *ц* и *ч* смѣшиваются: чарь; *з* и *ж*, *с* и *ш* также смѣшиваются: *ж*емля, *ж*има, *ж*ять=зять, *ж*наю (всего чаще передъ мягкими гласными и согласными; рядомъ одно *з* въ *з*орька, *з*удъ, *з*ыкать), *ш*идѣть, *ш*еребро, *ш*амъ, *ш*ка*ж*алъ (въ звукѣ *ш* «слышится немного и звукъ *с*»); *с* изъ *ц* только у инородцевъ Бурятъ: *с*арь; *в* и *ў* вм. *л* нѣтъ. Стяженіе гласныхъ въ ду́мать, лома́ть. Формы дат.-ед. *табѣ*, *сабѣ*, вин. *мя*, *тя*, 1 л. ед. ход*ю*, сид*ю*, глад*ю* вмѣсто *чего* слышится *кого* (т. е. каво?): *ко́го* тутъ думаешь? *кого* дѣлать-то [4]).

Въ Верхоленскомъ округѣ записана такая фраза: *ж*имою шибко *ж*вѣри*шт*о *ш*абакъ давятъ [5]).

---

[1]) Извѣстія отд. р. яз. и слов. Ак. Н. 1896 г., IV, стр. 973.

[2]) Томск Губ. Вѣд. 1862 г., № 29.

[3]) Тамъ же, №№ 7, 16.

[4]) На основаніи сообщенія С. А. Инкигрина.

[5]) Одесскій Вѣстникъ 1877 г., № 9 (статья помѣчена Иркутскомъ).

Указатель губерній и областей.

Стр.

Архангельская 51—52, 63.
Астраханская 28, 100.
Виленская 77.
Витебская 73—75, 77—78.
Владимирская 36—37, 57, 103—104.
Вологодская 52—55, 105.
Воронежская 22—23.
Вятская 58—62.
Гродненская 96—99.
Донская 24—25, 101—102.
Иркутская 67, 108.
Казанская 27, 41—42.
Калужская 14—15, 100.
Костромская 39—40, 62.
Кубанская 25—26.
Курская 17—19.
Минская 86—96.
Могилевская 80—86.
Московская 12—13, 28.
Нижегородская 26—27, 40—41, 57—58, 62, 103, 106.
Новгородская 34—35, 43—46, 104.

Стр.

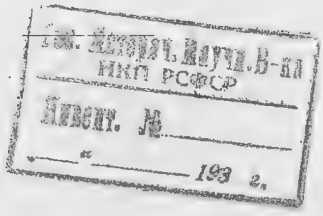
Олонецкая 47—50, 105.
Орловская 17, 101.
Пермская 62—63, 106—107.
Петербургская 43, 47.
Псковская 29—32.
Пензенская 26.
Рязанская 19—21, 101.
Самарская 42.
Саратовская 27—28.
Симбирская 27, 42, 58.
Смоленская 28—29, 75—76, 78—80.
Тамбовская 21—22.
Тверская 28, 35—36, 55, 76—77, 103, 106.
Терская 26, 55—56.
Тобольская 64—66, 107—108.
Томская 66, 108.
Тульская 15—17, 100.
Уральская 42—43, 103.
Харьковская 24, 101.
Черниговская 23—24, 99.
Якутская 65, 67—68, 108.
Ярославская 37—39, 56, 104.

Замѣченныя опечатки.

		Напечатано:	*Слѣдуетъ читать:*
Стр. 39,	строка 16 сн.	Буннскаго	Буйскаго
— 47,	— 18 —	*е* вм. *и*	*и* вм. *е*
— 61,	— 10 —	короу	короў
— 94,	— 19 св.	на *оу*	не *уо*

Оглавленіе.

	Стр.
Введеніе	1
I. Великорусское нарѣчіе	5
А. Южно-великорусское, или акающее поднарѣчіе	9
Б. Сѣверно-великорусское, или окающее поднарѣчіе	32
1. Группа не цокающая	34
2. Группа цокающая	43
II. Бѣлорусское нарѣчіе	69
I. Цокающіе говоры	73
II. Не цокающіе говоры	77
Дополненія	100
Указатель губерній и областей	109



Гос. Академ. Научн. Б-ка
НКП РСФСР
Инвент. №
" 193 г.